Ангара * 1967

6

НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ

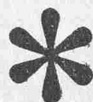


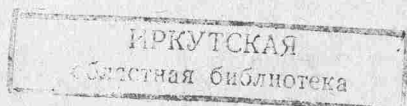
1917·1967

Ангара

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ОРГАН ИРКУТСКОЙ И ЧИТИНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ РСФСР





Год издания тридцать седьмой



НОЯБРЬ • ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

На третьей странице
обложки фото М. М. Минеева.

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. 5-й Армии, дом 36, Иркутская писательская организация. Телефон 56-76.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

О НАГРАЖДЕНИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

За успехи, достигнутые трудящимися области в хозяйственном и культурном строительстве, создании крупных промышленных и энергетических комплексов, наградить Иркутскую область орденом ЛЕНИНА.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. Подгорный

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. Георгадзе

Москва, Кремль, 9 июня 1967 г.

С. Н. ЩЕТИНИН,

первый секретарь Иркутского областного Комитета КПСС

ИЗ РЕЧИ НА ТОРЖЕСТВЕННОМ СОБРАНИИ, ПОСВЯЩЕННОМ ВРУЧЕНИЮ ОРДЕНА ЛЕНИНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Орден Ленина на знамени Иркутской области — это признание трудовых и творческих заслуг иркутян, а также символ всепобеждающей мощи идей марксизма-ленинизма.

Иркутская область до Великого Октября относилась к тем районам царской России, в которых, по характеристике В. И. Ленина, царила патриархальщина и полудикость. В то же время Ленин своим ясным взором видел, какие огромные богатства таятся в недрах Сибири, каково ее будущее.

Не случайно после победы Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин неоднократно подчеркивал значительную роль Сибири в строительстве социализма.

Нынешняя Иркутская область, как и вся Восточная Сибирь, это своего рода итог нашего полувекового развития, итог самоотверженного труда рабочих, крестьян, интеллигенции по выполнению заветов В. И. Ленина, по решению задач, поставленных Коммунистической партией Советского Союза и Советским правительством.

Сегодня мы обязаны воздать должное Иркутской областной партийной организации. Именно коммунисты, продолжая революционные большевистские традиции, возглавили дело социалистического преобразования Приангарья. Коммунисты были в первых рядах строителей и творцов промышленных, энергетических гигантов, которыми гордится весь советский народ, которыми восхищаются приезжающие к нам в область люди со всех концов земного шара.

Не все можно измерять только количеством, но некоторые цифры могут дать известное представление о масштабах тех свершений, которые произошли на нашей Иркутской земле, особенно за 15—20 последних лет.

На территории дореволюционной Иркутской губернии промышленность была развита очень слабо. Насчитывалось 169 мелких кустарных предприятий с незначительным количеством работающих на них рабочих. Они обслуживали, главным образом, Транссибирскую железнодорожную магистраль и Ленские золотые прииски.,

В настоящее время на территории Иркутской области 450 крупных промышленных предприятий.

Только за годы семилетки предприятия области выпустили промышленной продукции на 12 миллиардов рублей. С ростом и развитием области рос и развивался новый человек Сибири. Этот новый человек — самое великое завоевание социализма. Мы это подчеркиваем потому, что в суровых условиях Сибири от человека требуется не только понимание задач, поставленных нашей партией, но и самоотверженное служение в практическом решении этих задач, поистине величественных, но в то же время и сложных, и трудных. Сибиряки обладают этими важными качествами. Они доказали это своим трудом на просторах Сибири и на полях сражений, защищая Родину.

В гигантских преобразованиях нашего края велик вклад многотысячной армии славных строителей, большой вклад внесен строителями коллектива ордена Ленина «Братскгэсстроя», прославленным орденоносным коллективом строителей г. Ангарска. Это их руками и мужеством в нелегких сибирских условиях, часто в необжитых местах воздвигнуты гигантские электростанции и лесопромышленные комплексы, нефтехимические производства и алюминиевые заводы, проложены новые железные дороги, построены академические институты. Там, где еще недавно шумела сибирская тайга, выросли современные социалистические города.

Глубокие революционные преобразования произошли за 50 лет и в жизни сибирской деревни. За эти годы создано высокоразвитое и высокопродуктивное сельскохозяйственное производство.

50 лет назад на 100 га посевов приходилось 4 конных плуга, одна конная сеялка и одна конная жатка на 200 га уборочной площади.

В настоящее время на полях области работают тысячи тракторов, зерновых комбайнов, грузовых автомобилей и много другой сельскохозяйственной техники.

Странным в прошлом было то, что большинство населения области занималось сельским хозяйством, а потребности, даже в зерне, не удовлетворялись. Вместе с техническим перевооружением сельского хозяйства выросли замечательные люди, работающие в земледелии, животноводстве, хорошая армия агрономов, инженеров, техников.

Теперь наша область поставляет миллионы пудов хлеба стране.

Многие коллективы и отдельные труженики нашей деревни отмечены неоднократно орденами и премиями.

Товарищи! В Указе о награждении нашей области сказано, что оно произведено за достижения в хозяйственном и культурном строительстве. Одним из важнейших показателей роста культуры является рост грамотности и образованности людей.

До революции на всю Восточную Сибирь и Дальний Восток по сути не было ни одного высшего учебного заведения.

В настоящее время в иркутских вузах готовят кадры по 83 специальностям, в области имеется 46 специальных средних учебных заведений. Если учесть учащихся профессионально-технических училищ и школ рабочей и сельской молодежи, то получается, что каждый четвертый житель нашей области учится.

В Иркутске растет научный центр, в который входит восемь академических институтов. Его научные кадры, а также кадры университета и других вузов Иркутска вносят большой вклад в развитие производительных сил Восточной Сибири. Они изучают многие проблемы, имеющие общегосударственное значение. Неуклонно улучшается также и культурное обслуживание населения области.

Приведенные цифры и факты говорят о больших масштабах тех изменений, которые произошли на Иркутской земле за годы Советской власти. Мы имеем право гордиться этими достижениями. Высокая правительственная награда вдохновляет и призывает каждого из нас к новым свершениям во имя дальнейшего процветания родины Октября, к дальнейшему укреплению ее экономического и военного могущества.

Товарищи!

То, что сделали иркутяне на своей земле, и то, что сделал наш народ на бескрайних просторах Родины, — все это результат Великой Октябрьской социалистической революции, все это результат претворения в жизнь бессмертных ленинских идей, мудрого руководства Коммунистической партии, постоянной и огромной помощи со стороны ЦК КПСС и Советского правительства по освоению богатств востока страны.

Товарищи! Сегодня, когда нашей области вручается орден Ленина — позвольте от имени обкома КПСС обратиться ко всем рабочим и работницам, колхозникам и колхозницам, ко всем специалистам, ученым, учителям, врачам, работникам искусства и литературы, трудящимся, занятым в сфере обслуживания населения, к нашей славной молодежи и поблагодарить их за самоотверженный труд во имя Родины и поздравить их всех с высокой наградой орденом Ленина как признанием больших заслуг трудящихся-иркутян перед нашим социалистическим Отечеством!

Ю. А. КРАВЧЕНКО,

председатель Иркутского облисполкома

ИЗ ВСТУПИТЕЛЬНОГО СЛОВА НА ОТКРЫТИИ ТОРЖЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ, ПОСВЯЩЕННОГО ВРУЧЕНИЮ ОРДЕНА ЛЕНИНА ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Дорогие товарищи!

Сегодня у трудящихся Иркутской области большое и радостное событие — вручается высшая награда Родины — орден Ленина.

Высокая оценка, которую дали Коммунистическая партия и Советское правительство труду иркутян, наполняет наши сердца гордостью, желанием трудиться еще лучше, с честью выполнить обязательства по достойной встрече 50-летия Великого Октября и обеспечить дальнейшее развитие производительных сил области.

Сегодня, в торжественный для нас день, в этом зале собрались передовые рабочие, труженики полей, ветераны войны и труда. Здесь присутствуют 22 Героя Советского Союза и 59 Героев Социалистического Труда. Среди них Герой Советского Союза Александр Федорович Смирнов, вздымщик Междуреченского химлесхоза Братского района Герой Советского Союза Дмитрий Иванович Соколов, Герои Социалистического Труда: расточник завода имени Куйбышева Крон Александр Александрович, доярка совхоза «Максимовский» Екатерина Александровна Кошкарева, бригадир комплексной бригады строительства Братского алюминиевого завода Никита Михайлович Хотылев, чабан совхоза «Байтогский» Петухов Филарет Богомолович.

Здесь присутствуют многие участники Октябрьской революции. Среди них один из организаторов партизанского движения в Приангарье, бывший командир партизанской дивизии Дворянов Николай Васильевич, а также наша старая гвардия — Ровинский Александр Андреевич, член партии с 1904 года, Пестун Игнатий Семенович, Дрейзеншток Аида Мировна, Осиновский Петр Андреевич, Сахьянова Мария Михайловна, верная дочь бурятского народа, член партии с 1916 года.

Здесь находятся деятели науки и культуры. Среди них академик Лев Александрович Мелентьев, член-корреспондент Академии наук СССР Михаил Михайлович Одинцов, заслуженный деятель наук РСФСР доктор сельскохозяйственных наук, профессор Агриппина Ивановна Кузнецова, заслуженный деятель искусств РСФСР, известный художник, певец прекрасного Байкала Борис Иванович Лебединский.

На собрании присутствуют представители партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций области, представители многих прославленных производственных коллективов, удостоенных в свое время высоких правительственных наград.

Это — ордена Ленина управление «Братскгэсстрой», трест «Лензолото», Иркутский машиностроительный завод.

Это — ордена Трудового Красного Знамени Иркутский завод тяжелого машиностроения имени В. В. Куйбышева, Ангарский нефтехимический комбинат, трест «Черемховуголь», трест «Мамслюда», Зиминский лесодеревообделочный комбинат, управление строительства города Ангарска, областная газета «Восточно-Сибирская правда», Братская городская комсомольская организация.

Мы радуемся, что в юбилейном году пополнились ряды орденоносных коллективов области. Недавно орденом Ленина был награжден Куйтунский колхоз «Годовщина Октября», орденом Трудового Красного Знамени — Тулунская селекционная станция.

Партия и правительство высоко оценили ратные и трудовые подвиги лучших сынов и дочерей нашей области.

Иркутская земля дала Родине 82 Героя Советского Союза и 80 Героев Социалистического Труда.

Только за послевоенный период 33 тысячи передовиков производства, деятелей науки и культуры были награждены орденами и медалями Советского Союза.

МАРК СЕРГЕЕВ

МОСКОВСКИЙ ТРАКТ

Торжественная поэма

Пятидесятилетию
Великого Октября
посвящается

В этот день каждый припомнит свое.

Старый большевик взглянул на фотографию, она вдруг стала расти, заполнила всю комнату. И вот он стоит один на один с собою — с тем, кто снят безвестным фотографом в давнем декабре семнадцатого.

— Живешь! — сказал парень с фотографии, осматривая комнату.

— Живу!

— Не забурел! Ты, в случае, ежели забудешь о чем — дверь распахни.

Он стукнул коленом в дверь, она открылась. В сегодняшнюю тихую квартиру из давних лет ворвались хлопки перестрелки, стоны раненых, пороховая гарь, алые знамена над тысячными толпами. Время хлынуло в дверь, как в амбразуру, половодьем затопило все вокруг. И тут старый большевик увидел женщину. Трудно было сказать сколько ей лет. Лицо ее было и знакомо и незнакомо.

— Не удивляйся, — сказала она, —
Я — Память.
Я — память.
Я — внимательна и вечна.

Великое и малое таю
от Времени,
что пишет быстротечно
стремительную летопись свою.
Не остановишь резвый день,
который
вчера — был «завтра», нынче стал — «вчера»!
Я — Память. Я пишу свою историю
беспрерывным росчерком пера.
За суетой парадов,
схваток,
быта,
в калейдоскопе судеб и дорог —
я — Память.
Ничего не позабыто:
ни взгляд,
ни стон,
ни смех,
ни крик,
ни вздох!
Все подлецы — во мне,
и все — герои.
Я помню мир.
Но помню и войну.
О, если закрома свои открою!
О, если в глубь минувшего взгляну!

Женщина растаяла. Но что-то тревожное и взвинчивающее было разлито в мире... Словно настраивался оркестр, долго и нервно. И оттуда-то, издалека горьким ручьем потекла мелодия...

Осенняя сибирская остуда,
осенние созвездия горят.
И кажется: вот-вот случится чудо —
и горы, и леса заговорят.
Пурга взбивает снежные постели.
Но вот,
на плечи поднятый пургой,
Московский тракт
над временем простелен,
над судьбами,
над жизнью,
над тайгой.
Сечет нас ветер белыми серпами,
и не видать сегодняшних огней.
И сквозь пургу годов
доносит Память
то плач,
то песню
из далеких дней.

ПЛАЧ

Ой, проводила мать сына,
ой, проводила мать сына
за версту полосатую...
Ой, проводила мать сына,
да не встретит опять.
Ой, проводила мать сына
во Сибирь во проклятую.
Где лежат его косточки —
ей уже не сыскать.

ПЕСНЯ

«Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандальный.
Динь-бом, динь-бом, путь сибирский дальний...
Динь-бом, динь-бом...» —
мы холодные версты считаем.
Ты, маманя, не плачь,
ты, маманя, не плачь,
мы с тобой разочтемся, кровавый палач,
мы вернемся и все наверстаем!

ПЛАЧ

Ой, да осталась невеста,
ой, да осталась невеста,
не замужней, не вдовою...
Ой, да осталась невеста
горький век коротать.
Ой, проводила парнишку,
проводила бедового.
где лежат его косточки —
ей уже не сыскать.

ПЕСНЯ

«Динь-бом, динь-бом, слышен звон кандальный.
Динь-бом, динь-бом, путь сибирский дальний.
Динь-бом, динь-бом...»
мы холодные версты считаем.
Ты, невеста, не плачь,
ты, невеста, не плачь.
Мы с тобой разочтемся, кровавый палач,
мы вернемся и все наверстаем!

2

Московский тракт.
Тебя России слезы оросили.
Московский тракт —
тебя беда сложила.
Все лучшее,
что только есть в России,
шло по тебе,
как будто кровь по жилам.

СИБИРСКАЯ ПЕСНЯ ОБ ИЛЬИЧЕ

Не белый пух, а белый снег рассеян,
грустит в чащобе глухариный клич.
Скажи, о чем молчишь над Енисеем,
скажи, о чем задумался, Ильич!

Лежит ружье. Оно пока без прока.
Живи — летай, непуганная дичь.
Не наш ли день увидел издалека,
не наш ли взгляд почувствовал, Ильич!

В сердцах ты вечен, как земли круженье,
как солнца свет, как журавлиный клич.
И наши жизни — это продолженье
твоей судьбы и дум твоих, Ильич!

И над тайгой,
как будто облака,
они взошли
горящим полукружьем.
Была мечтой,
призывом и оружьем
листовки каждой
каждая строка.

А стужа —
словно сорвалась с цепи,
она над ледоставом колдовала,
но Ангара рвалась и не давала
себя морозной лапе зацепить.

Она бурлила,
кипятку сродни,
и паром над шугою обращалась,
как будто в ней
выварились дни,
как будто в ней — Россия очищалась
от кровососов на своем горбу,
от нищеты,
прикрывшейся рогожей,
от тех, кто и надежду и судьбу
готов продать заезжему вельможе.

Нет, Ангара,
они вернутся в жизнь,
с оружьем и обманным, и знакомым.
О сердце, стань пред ними Белым домом,
на тех, кто предал нас, —
вооружись.

Толпятся у музея юнкера,
в рожденный мир
нацелились кадеты.
А мир пока —
разутый и раздетый,
и чистый он пока,
как Ангара.

Московский тракт.
Чалдонские деревни.
Суров и чуток нрав сибиряков:
на окнах ночью — хлеб,
обычай древний, —
для беглых каторжан тот хлеб,
для варнаков.
Московский тракт.
Бездушные снега.
И только песня,
что поет тайга.

ТАЙГА

Я — тайга, я — тайга, заметаю следы,
не пробьются ни люди, ни кони.
Уходи, варначок, от судьбы, от беды,
уходи от царевой погони.
А иначе — «Огонь!». И тебя — наповал.
А иначе — свинцовая точка!
«Эй, баргузин, пошевеливай вал,
молодцу плыть недалечко!»

Я — тайга, я — тайга. Разбивай кандалы,
приючу, от ненастья упрячу.
Собираются в крепкую стаю орлы,
на свою полагаясь удачу.
Чтобы в барских хоромах огонь запылал,
чтобы бедные были богаты...
«Эй, баргузин, пошевеливай вал,
слышатся грома раскаты!»

Фонарщик поправляет фонари.
А мир — на рубеже,
на изготовке.
И вдруг —
заместо утренней зари —
развесил
Павел Постышев листовки.

Гремят в ночи колокола соборов,
блокада —
ни патрона, ни еды...
О, Постышев, не шли парламентеров!
Уже, как избавленье от беды,
идут отряды,
и — в атаку с ходу!
И крик «ура!» ударит на заре.

...Зима.
Декабрь семнадцатого года.
Кончаются листки в календаре.
Но каждый день
еще зачтется за сто,
но каждый миг —
продлится на века.

Над старым миром занесенный заступ
в стремительной руке большевика
опустится.
И запылают сопки,
и ружьям долго не слыхать:
«К ноге!»
И крик последний в паровозной топке,
и Лыткин,
кем-то преданный в тайге.

Поэт, поэт,
веселый неизменно,
мечтательный, как вновь рожденный век!
А и тебя подстерегла измена, —
нашелся все же
черный человек.

Еще идти,
еще терять нам многих,
еще Колчак напомнит о царе.
Зима. Декабрь. Перемело дороги.
Кончаются листки в календаре.

Бывают октябри и ОКТЯБРИ!
Одни — похлещут стужей
и растают,
другие сквозь столетья прорастают,
они сметают прочь календари.

Стою пред Белым домом на заре.
Спешат студенты.
Тихая погода.
Со мной — Октябрь семнадцатого года,
что здесь,
в Иркутске,
грянул в декабре.

МАЛЬЧИШКИ — ПРОДАВЦЫ ГАЗЕТ

Первый:
Покупайте газеты!
Покупайте газеты!
Нету батюшки-царя,
власть берут Советы!

Второй:
Последняя почта!
Ильич — у руля!
Заводы — рабочим!
Крестьянам — земля!

Третий:
Хватит наживаться
на войне, банкир!
Товарищи — братцы,
подписан мир!

ПАМЯТЬ

Я — память.
Я — внимательна и вечна.
Великое и малое таю
от Времени, что пишет быстротечно
стремительную летопись свою.
Оно не ролик на магнитофоне,
его никак не отмотать назад...
А я-то слышу:
вражеские кони
идут по трупам
и хрипят. Хрипят!
На офицерах снова аксельбанты,
идут за взводом — взвод, за взводом — взвод,
откормленные армии Антанты,
лакеи недорезанных господ.
Идут-идут-идут-идут лакеи,
рожденные эпохой в нелюбви,
уже в крови и руки и ливреи,
и души их пустынные — в крови!

«Слушай, рабочий,
война началася.
Бросай свое дело,
на фронт собирайся»...

Останови, эпоха, барабан ты.
Встань, тишина, сурова и строга.
Идут ребята — на папахах банты,
идут Московским трактом на врага.
Они уже на рубеже атаки,
им завтра — лечь, и никогда не встать.
Но вечно будут огненные маки
из их сердец сквозь травы прорастать.

ПАРТИЗАНСКАЯ

Идет отряд четвертый день вперед.
А завтра бой — неравный, неизбежный.
И чье-то сердце навсегда замрет,
когда таежный расцветет подснежник.

Прости меня, родимая земля,
что не вспашу тебя, и не засею,
ах, я б взлетел на крыльях журавля,
чтоб хоть глазком увидеть всю Рассею.

Я ей готов отдать по капле кровь,
не отступлю, хоть пулями проколот.
Прости меня, прости, моя любовь,
что я не долюблю, хоть очень молод.

Над головой тайга стоит, звеня,
а завтра бой неравный, неизбежный.
Любовь-Россия, вспоминай меня,
когда таежный расцветет подснежник.

...Не надо, Память, не надо...

Такое не забывается... Оно стоит комом в горле всегда... И сегодня сильнее, чем вчера... И завтра сильнее, чем сегодня...

Мне кажется, он кричит оттуда, из паровозной топки, из давнего года... Чтоб мы не забыли. Чтобы мы ничего не забыли!...

3

Осенняя сибирская остуда,
осенние созвездия горят.
И кажется: вот-вот случится чудо —
и горы, и леса заговорят.
Пурга взбивает снежные постели,
но вот,
на плечи поднятый пургой

Московский тракт
над временем простелен,
над судьбами,
над жизнью,
над тайгой.
На каждом метре —
капля нашей крови,
взмах пятилеток,
новостроек ширь!
Дорога жизни,
что из Подмосковья
сквозь всю Россию
тянется в Сибирь.

Старый рабочий посмотрит на свои руки и подумает: сколько же они потрудились за большую жизнь! Первый раз они взялись за лом и за лопату, когда спрятанные за старой рощей крохотные обозные мастерские становились первенцем пятилетки — гигантским по тем временам машиностроительным заводом. А бодайбинец в который раз увидит отчетливо, как под любопытными и счастливыми взглядами приисковиков вырастает на Бодайбинке плавучий гигант — драга...

А может быть, это будет не иркутянин, не бодайбинец, а черемховский шахтер, один из тех, кто в трудный год взялся за перо, чтобы дать Ильичу, ставшую теперь историей, шахтерскую клятву.

Они клялись, что вытянут на плечах своих страну из разрухи, что придут в дома тепло и свет, что оживут на черемховском угольке поезда и заводы. Пошатываясь от голода, шли они в забои. О, кто забудет «неделю сухаря»! Когда от скудного пайка своего отрывали по сухарику, чтобы спасти голодающих... Когда пионеры ходили по дворам, и сухарик по сухарику копились в их сумках сила и жизнь, и голод отступал. Шел уголек, шло золото, шел лес, шел кирпич. И все становилось прошлым — война, голод, бедность...

ПАМЯТЬ

О Время, я — твой камертон.
От года иду я до года.
Двадцатого века погода
ревет у меня за бортом.
Разруха встает на пути,
рабочая сила — утроена.
Еще мне идти через войны
и через Магнитки идти.
Я — Память. И — тесно словам.
В борьбе не бывает антракта.
...Иду вдоль Московского тракта,
иду из минувшего — к вам.

Ты помнишь, товарищ,
тридцатые годы!
Вдоль тракта росли
города и заводы,
и старого мира
стряхнули мы прах.
И слали стране мы
и хлеб, и железо,
и все,
в чем нуждалась она
до зарезу.
И золото рыли в горах.
Шла новая жизнь
по Московскому тракту.
Порушил межи
краснозвездный наш трактор,
всем миром взялись за ликбез.
И чуть поостыв
от сражений и драки,
рабочие парни
рвались на рабфаки,
к науке явив интерес.

РАБФАКОВКИ

Ах, в тайге сосна, в тайге елочка.
Я — рабфаковка, комсомолочка.
А косыночка
моя красная.
У рабфаковцев
жизнь прекрасная.

То субботники, то воскресники,
а мы работаем, поем песенки.
Поем песенки,
не соскучимся:
поработаем —
снова учимся.

Не гуляем мы с кавалерами.
Стать охота нам инженерами.
Чтобы хвастаться
не обновами,
а достиженьями
в науке новыми.

Ах, в тайге сосна, и сосеночка,
не хочу отстать от миленочка!
Я ль не умная!
Я ль не справная!
Я такая вся
равноправная!

Перед старым колхозником станет далекая ночь, когда разбуженный по тревоге прямо из сна бросался он в огонь. Не в условный романтический огонь, а в настоящий, страшный — подожженное кулаками горело зерно — первый семенной фонд первого сибирского колхоза. И гремели выстрелы, и он падал, падал, падал. И приходил в себя на руках у друзей: «Ну, слава богу, выжил». И новый огонь разольется по полям — радостный и звенящий на ветру. И врежутся в него косы, и стон радости вырвется из груди, и эта бесконечная, без межи и края желтизна упрется в горизонт, подожжет небо, родит похожее на каравай солнце: «Гори-гори ясно, чтобы не погасло!»

Звенела песня,
раздвигала ширь.
И, радостно в ее вплетаясь строки,
вставала пробужденная Сибирь —
форпост социализма на Востоке.

ПЕСНЯ О СИБИРИ

Мне без тебя на ветру не согреться,
мне без тебя по тайге не кружить...
Если Сибирь так запала мне в сердце —
разве смогу без Сибири прожить!!
Мне без тебя — ни морей и ни суши,
мне без тебя — ни дымка, ни огня.
Если Сибирь так запала мне в душу —
значит, большая душа у меня.

ПАМЯТЬ

Московский тракт, ты лег наперерез
былой глуши,
и в душах, и в природе.
И зрела сила в молодом народе —
он постигал грамматику чудес!
Пусть было все —
и «тройки», и наветы —
(Я — Память. Ничего не зачеркнуть!)
Да, было все. Но главное — не в этом.
Горение и натиск. Вот в чем суть!
В гудении моторов и металла,
могуча,
величава,
велика
страна, как будто сказка, прорастала,
плечами доставая облака.
Она рвалась в стремлении едином,
она эпохе задавала тон
папанинцами на полярной льдине,
и Чкаловым, летящим в Вашингтон.
Разрухе, что хватала за микитки,
она сказала: «Хватит! Сторонись!».
И поднялась над Временем—Магниткой,
Мичуриным преображала жизнь.
И в космос шел великий Тракт Московский,
хоть был еще в задумках, в чертежах,
но тот глухой учитель — Циолковский —
уже стоял на первых рубежах.
Горела жизнь в борении и спорах,
в грядущие века устремлена...
Но словно порох у эпохи в порах
копилось слово страшное:
ВОЙНА!

4

Ах, солдаты-солдаты,
не медок ремесло.
Сколько нашего брата
по земле разнесло!
В чахлых рощицах ржавых
нас роняла война.
И у той переправы,
где вода холодна.

Ах, солдаты-солдаты —
в гимнастерках народ.
Сколько вас, не женатых,
до невест не дойдет.
Завершаются войны,
над окопами — сад.
Только память невольно
все назад, все назад!

...Война!

Пять букв слово. И в каждую букву вместился почти год немыслимых испытаний. И пока живы мы, участники той войны, и живы дети наши и дети наших детей — да не будет забыта ни одна судьба, да будут помянуты все, кто заслужил этого. Все: и мертвые и живые.

...Сибирь!

Это слово произносилось в те поры, как вера, как надежда. Сибирь вырастила самых стойких, самых надежных солдат. Кажется еще и сейчас слышны их шаги на Московском тракте. Они уходят... Они уходят... Вы только прислушайтесь!

...Сибирь воссоздавала заводы, они двигались в тыл, как беженцы, переводили дыхание и — работали для фронта. Пригрела на груди своей тысячи тысяч эвакуированных, разделила с ними хлеб свой и кров. Вооружала фронты техникой, голодала сама, но кормила солдат...

Ах, солдаты-солдаты,
ваши очи — в дыму.
Отдохните, солдаты,
в вашем отчем дому.
Пулеметною лентой
отгремели года...
Вы остались легендой
на века.
НАВСЕГДА!

5

Я говорю высокие слова,
я не боюсь их громкого звучанья.
Мы в этом марше — все однополчане,
а марш такой — кружится голова!
А впереди все дали без конца,
мы каждый шаг свой выверим и взвесим.
Московский тракт — по городам и весям.
Московский тракт — идет через сердца.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Солнышко на небе, словно родинка,
ветры отдыхают на песке.
Родина, моя большая Родина,
я в тебе, как капелька в реке.
По земле плыву, плыву по небу ли, —
без тебя мне не прожить ни дня.
Но ведь и реки без капли не было б,
не было бы моря без меня.

Ты растила сыном, а не баловнем,
главные вручала мне дела.
Если ошибался — помогала мне,
если ушибался — берегла.
Без тебя ни крова и ни хлеба мне,
ни любви, ни счастья, ни огня.
Но ведь без меня б — ракеты не было,
не было бы Братска без меня.

Пашет твои степи чудо-конница,
пашут космос — чудо-корабли.
Капелька по капле сила копится,
чтоб росло могущество земли.
Корабли плывут, плывут кораблики...
Как же мне тобой не дорожить! —
Речка — все равно река без капельки,
капельке без речки — не прожить.

Я говорю высокие слова:
и ПАРТИЯ, я говорю, и ЛЕНИН,
их смысл
всегда высок, всегда нетленен,
как вечны солнце,
песня
и трава!
МОЯ эпоха.
Память, — отступи!
Мне самому в ней жить и волноваться.
Мой пот и труд
и в светопаде Братска,

и в Кулундинской поднятой степи.
И это я,
не кто-нибудь другой,
рассыпал в небе небывалый грохот.
И на моих плечах
лежит эпоха,
ракетной обведенная дугой.
Я говорю высокие слова:
стране моей,
душе моей — полвека.
И это бой за счастье человека.
И нет на свете выше торжества.

Музыка к торжественной поэме «Московский тракт» написана композитором Вячеславом Павловым. Впервые исполнено 6 ноября 1967 года в Иркутске на юбилейном заседании, посвященном 50-летию Октября.

ВАЛЕРИЙ АЛЕКСЕЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ЛЕНИНГРАД

Прошелся дождь
по Невскому проспекту,
все глянцевитым сделалось вокруг.
Попав экскурсоводам под опеку,
как в древний храм,
вхожу я в Петербург.
Тускнеет вечность бронзою литою,
гранит и тот морщинами покрыт.
Здесь каждой точкой,
каждой запятою
История
со мною говорит.
Дымок взметнулся белый над Невою:
то полдень возвещает фальконет.
И скачет Петр,
поводья сжав рукою,
покорный властной воле Фальконе.
Передо мной — диковинные пушки
и царский бот,
похожий на модель.
А вот и Мойка,
по которой Пушкин
скакал февральским утром
на дуэль.
Брожу я по растреллиевским залам,
гляжу назад,
в минувшие века.
...А Ленин
у Финляндского вокзала
в грядущее зовет с броневика!
Октябрьский ветер
рвет на окнах шторы,
добро и зло стоят лицом к лицу,
и вьется флаг над мачтами
«Авроры»,
и пушки бьют по Зимнему дворцу.
Качает небо клич:
«Вся власть Советам!»
По крышам хлещет дождик
проливной,
и справедливым
ленинским декретам
внимает беспокойный шар земной.
И, как расстаться с прошлым мне
ни больно,
я времени сегодняшнему рад.
Я рад уйти
из Шлиссельбурга в Смольный,
уйти из Петербурга в Ленинград.

П. ПЕТРОВ

КРУТЫЕ ПЕРЕВАЛЫ

Повесть

В предрассветном мраке бурлящие волны Ангула отливали отчищенной сталью. От кустарников, покрывших левый берег реки, пахло вереском, багульником и расветающей черемухой. Поперек реки заходящая луна рассыпала золотое руно лучей, отчего на противоположном берегу отчетливее выступали очертания гигантских гранитных скал.

Узкая дорога, пробитая между берегом и скалами, издали извивалась желтой гусеницей; по ней ожидалось наступление иностранных войск и частей казачьего старшины Репьева, только что назначенного командующим всеми карательными силами против сибирских партизан.

Окопавшись за колодником, кочками и искорями, головной партизанский отряд Николая Потылицына растянулся цепью вдоль берега. Бойцы знали, что от удачи удара по смешанным войскам будет зависеть дальнейшее продвижение вперед, к магистралям железной дороги, к этой неиссякаемой артерии, доставляющей из Японии и Англии вооружение для белой армии.

Партизаны не спали третью ночь, но крепились. Только отдельные стрелки дремали, надеясь на бдительность соседей. Около пулеметчика Корякина закрякал полевой телефон. Он взял трубку и через спину лежавшей рядом Лизы передал ее Николаю. Голос раздался как из-под земли.

— Товарищ командир?

— Да. Слушаю.

— Это Чеканов говорит.

— Здорово, товарищ Чеканов! В чем дело?

— Да как же, значит, тово... Тут мы с Юзефом пришили шпиона с листовками... Что прикажешь делать с ним?

— Отправьте к Соболеву...

— Нет, мы не о том... Мы, значит, как наборщики и полиграфисты не можем терпеть такой паскудины... Уж если они хотят взять нас на Исуса, то нам даже очень прискорбно думать, что мы топором деланы.

— Умно, товарищ Чеканов, но... Это мы обмозгуем на передышке.

Николая толкнула в бок Лиза. Он взглянул на противоположный берег и потянулся рукой к биноклю, болтающемуся за поясом. Сквозь сизый рассвет было видно, как за излучиной реки, по кромке молодой чащи, показалась сначала сотня казаков, а за ней, поблескивая штыками, колыхались ряды пехоты, одетой в черные мундиры.

— Итальянцы, — шепнул Николаю Корякин. — Бить, нет?

— Обожди, пока завернут за скалу.

За итальянцами густо двигались чехи, батарея, навьюченная на горных ослах, и дальше обоз с провизией.

Пулеметчик вытянул шею, напоминая охотничью собаку во время стойки, и шепнул соседям:

— Первый номер, смотри.

Черные стволы пулеметов молча повернулись на скалы.

Казаки проехали поросшую кустарниками разложину и поравнялись с левым флангом партизан. Ехали они без опаски, предполагая, что сбитые с прежних позиций и покинувшие село Пухово, красные все еще бегут в неизведанную дебрь Саянских предгорий.

По цепи тихо пощелкивали затворами, шебаршили, прилаживаясь поудобнее, но молчали.

Высокая грудь девушки часто вздымалась, как будто она только что пробежала большое расстояние.

— Почему не стреляем? — волновалась она, расстегивая воротник солдатской гимнастерки.

— Пусть поглубже завязнут, — шепнул Николай.

Сутулый и богатырски сложенный Корякин сверкнул на Лизу серыми глазами и торопливо вставил ленту в «кольт».

— Эх, и смажем! — хмыкнул беловолосый парень, потирая коричнево-загорелые руки.

— А ты смотри в оба! — отгрызнулся пулеметчик.

Конники остановились под самой высокой скалой, наискось от пулеметной команды. Но партизаны выждали, пока подтянулись задние части и ослы. К удивлению засады белые построились четырехугольником, в середине которого взметнулось бело-зеленое знамя и хоругви. Утренний туман уходил ввысь, и узкое расстояние позволяло партизанам различать иностранцев и русских.

— Кажется, молебствовать собираются! — пустил один из пулеметчиков придушенный смешок.

Среди четырехугольника действительно поднялись на какое-то возвышение священнослужители в светлых ризах и по заречным хребтам загудел бас:

— ...Спаси, го-осподи, люди твоя...

Дрожащей рукой Лиза ухватилась за плечо Николая. В ее васильковых глазах непомерной злобой вспыхнули огоньки. Все, что недавно еще определялось ею, как смешное и в высшей степени невежественное, но уже не могущее убеждать взвихренных революцией умов, вставало снова как чудовище, мрачное и отвратительное.

— Ах, негодяи! Да бей же, товарищ Корякин!

Но старший пулеметной команды не успел еще взять прицел, как винтовочные залпы партизан загремели с левого фланга и в тылу у молящихся. Стреляя из карабина, Лиза видела, как навстречу метнувшейся в горы толпе вздыбились батарейные лошади белых и все это животное месиво завертелось клубком, да еще то, как окруженные, отчаявшиеся итальянцы прыгали в бурлящие волны Ангула.

— Сгоняй лодки! — раздалась команда Николая.

Раненые лошади бились в постромках и, запутываясь, пронзительно визжали. Четверка выхоленных серо-яблочных тянула вниз к обрыву трехдюймовое орудие. Пушка кувыркнулась с лафета и, раздавив пару передних, булькнула в воду, как сорвавшийся с дерева сук.

— А, гады! — хрипел Корякин, смахивая с рябого лица мутные капли пота. Пулемет его захлебывался оглушительным лаем. А с левого берега, борясь с волнами, вперегонку пустились остроносые легкие лодки с бойцами.

Мадьяр Юзеф Пожони и Чеканов нашли Николая и Лизу около толпы, вытягивающей из воды орудие. Юзеф моргнул светлыми глазами и, приподняв каску, заговорил:

— Разрешите доложить, товарищ командир.

— Вали, вали, — улыбнулся Николай.

Мадьяр достал из кармана желтый лист бумаги и подал его Лизе.

Это было воззвание управляющего губернией и командующего внутренними карательными силами Сибири генерала Репьева.

Командира и наборщиков окружили бойцы. Вытягиваясь, каждый желал заглянуть и узнать вести из другого мира.

— Го-го-го! — раздался сипловатый голос Чеканова. Его маленькое угреватое лицо скорчилось в смешной улыбке. — Ах, штукари! Называют нас братьями крестьянами и рабочими, а сами вешают этих братьев, как собак на бойне.

— И предлагают сдать оружие да еще выдать своих главарей! — отозвались другие.

— Терпеть не можно! — хлопал Юзеф по коленям. — Надо свой газет пускать. Мы полиграфист, и надо свой типография.

Лиза передала листовку Николаю и бойко подхватила мадьяра под руку.

— А ведь верно вы говорите... Неужели мы, делая патроны, не сможем наладить печать? Я думаю, что этот вопрос надо в первую очередь поставить на заседании штаба.

Мимо пронесли раненых, и Лиза, закинув назад скобку золотистых волос, побежала рядом с носилками, на ходу поддерживая свисшую голову беловолосого парня-пулеметчика.

— Семь пулеметов и два орудия! — гордо звучал сзади голос Корякина.

Под командой бородатого кавалериста, вздрагивая и пугливо озираясь, шли к лодкам пленные, смуглолицые итальянцы и белокурые чехи. Кучки изнемогающих от жары партизан навьючивали отнятое добро и, поглядывая на иностранцев, переговаривались:

— Ить, так и дегтем не вымажешь... Ну и наперло же сюда всякой стервы!

— Охочи твари до баб, сказывают, тальянцы-то.

— Да, перекорчили они наших девок в Пуховой.

— По доброму-то к ногтю таких — разговор весь.

— Я тоже не знаю — пошто с ними венчаются...

— Командир, слышь, запретил... Политика, мол, не дозволяет...

— А ну ее!.. Пришил всех — вот и политика.

Партизаны переправились на правый берег и всеми частями двинулись преследовать противника. На склонах Саянских предгорий, там, где приткнулись небольшие подтаежные деревушки, отряд остановился на заброшенном прииске и начал готовиться к наступлению на линию железной дороги.

Вместе со штабом армии заседала и партийная группа в лице Николая, Лизы, Чеканова и других. Высокий и рыжеволосый начальник штаба быстро докладывал план дальнейших действий. Был он раньше прапорщиком, но по выправке и манерам скорее напоминал охотника-таежника. Николай неподвижным взглядом больших черных глаз следил за докладчиком, и, видимо, озадачивал его. Начальник штаба настаивал, в связи с продвижением отряда, вывести из тайги все армейские учреждения и мастерские, но доводы его были разбиты большинством членов военного совета.

Короткая весенняя ночь прошла в спорах. И когда Лиза уже заканчивала протокол, Чеканов поднялся с места.

— А как же насчет газеты? — взглянул он в смуглое лицо Николая.

— Сейчас некогда, — отмахнулся тот.

По привычке, давно известной всему отряду, наборщик выбросил вверх маленький кулак, но встретив просящий взгляд Лизы, он понял, что сегодня действительно его доклада никто слушать не будет.

До четвертой роты, которой командовал Чеканов, нужно было пройти крутой перевал. Наборщик шагал по коровьей тропе, над шумно воркующим ручьем. Вверху напевно и безотрывно шумели сосны. Откуда-то сквозь ущелья проникала сетка солнечных лучей. Проснувшиеся птицы начинали свою очередную перекличку. Зарянке откликнулись враз несколько кукушек, а затем подтянул дрозд, которого покрыл щегленок.

Наборщик плохо помнил деревню и лес. Двадцать с лишним лет он изо дня в день слушал глухой перезвон шрифтов, мерный грохот машины и дышал красками, отравно разлагающими его крепкий от природы организм.

Несмотря на ежечасные тревоги и опасности, здесь Чеканов чувствовал себя гораздо бодрее, чем на прежней работе. Но в то же время он тосковал о типографии и об оставленной в городе семье. Слушая таежную будоражь, он думал о многом сразу и перелетал мыслью на свое положение в отряде. По сути дела наборщик считал себя членом партии большевиков с пятого года. Памятны были ему дни красноярской двухнедельной республики, а еще больше, когда он вместе с железнодорожниками, осажденными в мастерских, отбивал в течение недели карательный отряд Меллер-Закомельского. Был и тогда не последним, когда рабочие железной дороги ложились животами на рельсы, чтобы задержать поезда с ссыльными революционерами, направляемыми на восток. То были люди из центральных городов России, на которых возлагал все надежды сибирский молодой рабочий. Проверяя свою жизнь, сопоставляя прошлое с настоящим, он останавливал внимание на Николае и Лизе, так недавно приобщившихся к революции и занявших теперь ответственные посты в отряде партизан. Он ощущал в себе жгучую обиду к прошлому, невольно приостановившему рост его революционной и общей выучки. Беседуя с Николаем и Лизой, он сознавал их превосходство и видел, что много не читал из того, что нужно было знать для члена партии и особенно руководителя. Только теперь Чеканов ознакомился отрывочно с основами учения Ленина, которого раньше не совсем верно отличал от Плеханова. Втайне он предавался мрачным размышлениям над этим и сердился, что руководители отряда были моложе его, но они были выдвинуты неудержимыми волнами взметнувшейся революции, а главное, что вышли из деревни. «Конечно, в городе получилось бы другое», — думал он. Но что другое?

Под конец пути он сплюнул горькую от трубки слюну и рассмеялся над своим непрожженным негодованием. Он понял, что и мысли-то эти были вызваны только тем, что на заседании опять не был поставлен

его вопрос. Ему стало даже отрадно, что совсем незаметно приходит новое поколение бойцов.

Из-за ствола толстой сосны ему загородила дорогу фигура в рваной шинели. Наборщик схватился за штык.

— Не шуми, ежели проспал! — строго сказал он. Партизан стукнул прикладом о выступивший из травы корень и сонно улыбнулся.

— Приморило, што ль?

— Малость зазевался, — повинился парень.

— В глаза спички подопри.

За густой куртиной пихтачей догорал костер, вокруг которого вповалку храпели бойцы. Но Чеканов остановился от удивления, увидев мадьяра. Тот сидел на пне и, блестя беловолосой головой, бойко строгал что-то перочинным ножом. Чеканов стоял долго, осененный каким-то добрым предчувствием. Его морщинистое лицо вдруг просветлело и расправилось.

— Юзя... ты?!

Мадьяр повернул к начальнику молодое потное лицо и протянул вместо ответа целую горсть разнообразных фигурок, вырезанных из засушенной каменной березки. У него на коленях блестела светло-коричневая стружка.

— Ты што же это?!

Старый наборщик жадно щупал и вертел в руках аккуратненькие буквы, и, все еще не веря, вопросительно смотрел в голубые и глубокие глаза своего помощника. Мадьяр весело кивнул головой и, смеясь, сказал:

— Пока там разрешат, а мы уже прамо возьмем бика за роги... Это будет машина.

Чеканов опустился на колени и от удовольствия дернул себя за светло-русую острую бородку.

— Буквы... шрифт... машина... — безотчетно твердил он.

— Так точно, товарищ командир, — улыбнулся Юзеф.

Он открошил конец химического карандаша и, растерев его в ладони со слюной, обмакнул в мастику букву.

Старый наборщик подал ему берестину, валявшуюся около костра, и быстро было проштемпелевано по ней:

«Смерть белым курвам...»

Буквы выходили четко, но очень крупно и занимали много места. Наборщики посмотрели друг другу в глаза и, вопреки всяким военным правилам и предосторожностям, громко рассмеялись.

— Идет, идет, Юзя! — подпрыгнул Чеканов. — Бумага в штабе есть, а краски достанем у баб.

Повскакавшие бойцы спешно протирали глаза и с изумлением смотрели на командира и помощника, но, узнав в чем дело, наперерыв начали печатать письма к белым новобранцам, призывая их сдать оружие и переходить к повстанцам.

Отряд продвигался осторожно. Партизанскому штабу было известно, что линию железной дороги охраняют чехи и польские легионеры. Поэтому Николай и начальник штаба считали рискованным нападать на станцию Брусничную, в несколько рядов огороженную колючей проволокой. К тому же в задачу наступления входило взорвать мелкие мосты на двух разъездах, чем приостановить движение поездов.

В деревнях, где только что побывали белые, население с опаской присматривалось к партизанам, частично даже пряталось от них. Уже смеркалось, когда в большом селе Маганском Николай и Лиза закончили митинг. Мужики дымили махоркой и с недоверчивым любопытством слушали опершуюся локтями на верстак Лизу. Загоревшаяся и взволнованная, она несколько раз повторяла вопрос:

— Ну, будете помогать нам, товарищи крестьяне?

Упитанные и получше одетые мужики ерзали по бревнам, на которых сидели и переминались. Затем выступил один с рыжей иконописной бородой и, оглянув присутствующих, заговорил:

— Стал-быть, как пишут в газетках, нам нет резону соякшаться ни с белыми, ни с красными... Потому как мы хлеборобы, а воюют пускай солдаты... Опять же про себя пусть всяк смекает — кому куда статья гласит, стало быть.

Чеканов оттолкнул Николая плечом и выскочил на средину круга. В руках у него трепетала от ветра губернская газета «Свободная Сибирь».

— Вот она где закавыка-то! — закричал наборщик. — Скоро будут писать, что мы мамонты, и в деревнях поверят этому. А здесь я поймал двух иониток... Эти шлюхи Вани Кронштадтского проповедывают, что мы антихристы.

Темные глаза командующего остановились на ораторе.

— Ты прав, — сказал он.

Но наборщик уже взмахнул кулаком вверх и не слышал слов начальника.

— Крутят нам шарики, товарищи крестьяне! — выкрикивал он. — Дай-ка мы напишем, так у всех лордов брюхо горой пойдет. Ты говоришь — солдаты пусть воюют, — ткнул он пальцем в грудь рыжебородому, — а зачем ты отдал им сына? Зачем даешь казакам коней? Зачем везешь в город хлеб для буржуйского пуза? Да мы и не нуждаемся в народе, дай поднимется пролетариат! А ты помоги хлебом и душой будь с нами!

Наборщик задохся и, присев на бревно, закурил носогрейку. В толпе сдержанно рассмеялись. Но ораторы уже поняли, что крестьяне на их стороне.

Ночью четвертая и пятая роты прикрывали в засаде подрывную команду. Бойцы залегли в рытвине, заросшей мелким кустарником. Луна сыпала на молодую зелень желтое просо лучей и светила как раз с той стороны, откуда, подрагивая, пели рельсы и телеграфные провода. Посредине цепи Корякин охорашивал пулемет и шепотом говорил Юзефу и Чеканову:

— Это вы дело придумали, ребятки... Чешите их покрепче. Я тоже намажу заметку, чтобы зачихали господа.

Плохо слушая его, Чеканов выводил в записной книжке каракулями:

«...И потому мы не желаем целовать в слюнявые губы буржуев и генералов».

А рядом Юзеф проворно тыкал буквами в войлочную подушку и штемпелевал слова на развернутый лист бумаги.

— Не енераль, а генерал, — поправлял его Чеканов. —Эх, испортил, едрена малина.

— Поправим, — добродушно улыбнулся помощник.

И когда обращение было готово, Чеканов прищелкнул языком и погрозил кулаком облитым сиянием месяца просторам. Чуть потрескивая кустарниками, он пробрался на правый фланг и сунул лист в руку Николая.

— Вот она и газета! — хихикнул он. — Ты оцени, товарищ Потылицын, а на передышке мы можем тиснуть таких экземпляров целую сотню.

Николай всмотрелся и заулыбался. Перед его глазами четко потекли слова:

«...Господа буржуи, ежели вы стаскались с золотопогонной сволотой, то и курвись вы до конца, а мы не желам целовать в слюнявые губы генераль... Думаете наша армия и всамдель бандицкая? На-ка вот выкуси и кашляй! Наша армия, надо сказать, наипервеющая в

мире, потому как она — Красная. А вы попробуйте взять нас. И идем мы не гля поживы, как пишите вы, а за всемировую совецкую и Красную власть и комуническую партию! Вот! Почешитесь! Адрес наш: город с неба, с которого мы выбросили всех буржуйских богов».

Николай свернул вдвое лист и, смеясь, передал его одному из бойцов.

— Ну как? — горячился Чеканов.

— С шрифтом хорошо, но содержание не пойдет, — ответил он. — Кто это додумался так писать?

— А што? — огорчился наборщик.

По залегшей цепи пронесся хохоток. Рассерженный Чеканов побежал к своей роте. В этот же момент от линии затрещали частые залпы, и партизанам стало видно, как подрывники, скрываясь по кустарникам, отстреливались от наступающих чехов. Бойцы еще не успели заскочить в рытвину, как перила железнодорожного моста качнулись в сторону, и вслед за этим окрестности разбудил страшный, потрясающий землю гул.

— Отводи роту! — закричал навстречу Чеканову Корякин. Он взвалил на плечи тело пулеметчика и, косолапя, пустился в кустарники. А они шевелились, как камыш на воде.

Через час партизаны разместились в деревушке Барзаначке, и за чаем Корякин говорил Чеканову:

— Ляпнул ты ничего, но еще слабовато... Где ж это видано... чтобы на войне без громкого слова обошлось... Нет, командующий неправ.

Фронтовик с оторванным ухом, второй номер пулемета, поддерживал своего начальника:

— Ты говоришь на войне... Да я бревна плавил на плотах и то без этого нельзя... Смотришь, шивера или, примерно, прибой к скале... Кэ-эк прижмешь на слово: — бей ронжей вправо! Смотришь, и пронесло.

— Война войне розня, — вмешался третий. Вот когда на ура берешь, тоже не божьи слова за этим повторяешь... А в нашей войне — глотка... С ней как-то надежнее... Опять же на нас лепят навоз, дармоеды, а мы за свою трудовую правду не моги слова сказать.

— Вестимо, завернуть покруче не мешает, — заключил старший пулеметной команды... — Ты давай, Аверя, побольше таких штучек, а я ночью перекину за фронт.

Генерал Репьев второй раз дочитывал приказ по внутренним войскам Сибири. Начало его гласило:

«Приказываю: всем командирам отдельных частей в борьбе с партизанщиной применять способ японцев, то есть брать заложников из мирных крестьян и наказывать таковых вплоть до расстрела. В случае сокрытия врага целыми селениями уничтожать таковые немедленно».

Командующий мелко вписал между строк: «А также конфисковать имущество и жечь постройки укрывателей, дабы оная мера вразумила предателей родины».

Углубляясь в работу, он не заметил, как в дверях появился верткий, небольшой и смуглый лицом адъютант Скобелин. Скуластый и плотный, напоминающий калмыка, он звонко загремел шпорами и отрывисто доложил:

— Новости, вашдительство! Разрешите!

— Какие?

Адъютант крепко отшагал к столу и положил перед генералом испачканное воззвание наборщиков Чеканова и Юзефа. Генерал нацепил на нос пенсне и прибавил в лампе огня. Но его блеклым глазам все еще не верилось. Адъютант с усмешкой наблюдал за начальником, заросший подбородок которого дрожал как от сильного озноба. Генерал перевернул текст вверх ногами, посмотрел его сбоку и, прихлопнув ладонью, долго и тупо смотрел на Скобелина.

— Откуда это? — наконец выдохнул он.

Адъютант вытянулся и, прищелкнув шпорой, отрапортовал:

— Контрразведчик Зубарев отобрал у новобранцев 31-го маршевого полка, вашдительство... Разведчик говорит, что солдаты читали его нарасхват.

— Мер-рзавцы!

Тучная фигура Репьева закачалась в полутемной комнате. Под ногами подгибались и скрипели тонкие сосновые половицы.

— Зубарев говорит, что это попало и к чешским солдатам, — продолжал Скобелин. — А вы знаете, вашдительство, что чехи уже давно присматриваются к здешним партизанам и втихомолку подсмеиваются над тем, что наша печать призывает бороться с бандитами-большевиками, когда эти самые бандиты и есть все восставшие крестьяне и рабочие... Я боюсь, что эта безграмотная блатная мазня наделает нам неприятностей.

— Ну, это вы, поручик, преувеличиваете, — нахмурился командующий. — Сибирское коренное крестьянство по преимуществу зажиточное и еще до сих пор является носителем традиций былого казачества... Это вот переселенческая рвань.

Поручик почтительно опустил глаза, хотя совсем не был согласен с командующим. Он понимал, что колчаковщина с каждым днем разлагается и что новое достижение красных ускоряет гибель атаманщины.

— По имеющимся данным контрразведки, отряды Потылицына сформированы исключительно из среднего и малозажиточного крестьянства и обатрачившихся за войну солдат, — услужливо добавил он.

— То-то и есть, — потер руки генерал. — Там заправляют латыши, матросы и жиды из рабочих.

Командующий снова уселся на стул и, взглянув на адъютанта, нахмурил лысый лоб.

— А ведь здорово, мерзавцы! — улыбнулся он. — Вы посмотрите какой идиотский шрифт! А слова! Позовите ко мне этого Зубарева.

Адъютант вышел, а через минуту появился молодой белокурый с длинным горбатым носом и серыми маленькими глазами. Зубарев был уроженец здешних мест и до поступления в контрразведку служил помощником волостного писаря, а раньше псаломщиком. Все выражение его бледного лица, немного опушенного светлыми волосами, напоминало голодного цыпленка, робко выглядывающего из гнезда.

Генерал брезгливо посмотрел на контрразведчика и отвел глаза.

— Как попала сюда эта дрянь? — спросил он, комкая лист.

— Это, ваше ... с моста новобранцы принесли ...который взорвала банда.

Командующий внутренними силами задумался и затем спросил:

— Где, по-твоему, может находиться такая типография?

— Думаю, что при ихнем штабе, — запнулся контрразведчик.

— Дурак! Это понятно... Но где этот штаб?

— Не могу знать, вашство.

У Зубарева задрыгали коленки, и хищное лицо вытянулось еще длиннее.

Генерал поднял голову и с расстановкой произнес:

— Дармоеды!.. За что вам деньги правительство платит?

Голова разведчика погрузилась в угловатые плечи и откинулась к крыльцам.

— Ты получаешь поручение уничтожить это какими бы то ни было средствами, — тоном, не терпящим возражений, продолжал он. — Помни, что родина

ждет от нас подвигов. За успехи получишь награду, за промахи — расстреляю!

Зубарев попятился, но запнулся о порог.

— Стой! — усмехнулся генерал. — В канцелярии штаба тебе подделают документы под рабочего. Нужно уничтожить не только типографию, а главным образом тех, кто пишет, и их командный состав и этих мерзавцев Потылицына и других. Посмекай и насчет оружейных мастерских.

Командующий отвернулся к окну, за которым притихла душная июньская ночь. Мимо прошел часовой, покачивая штыком. Напротив, в зале первого класса, залитом электрическим светом, двигались фигуры офицеров и слышались пьяные крики. Немного поправее мертво стояли застрявшие составы поездов. И только в железнодорожном депо напевно и торопливо выстукивали молотками.

— Подлецы! — прошептал генерал, думая о рабочих, которых опасался основательно.

Но происки контрразведчиков не давали ему сведений о таинственной организации большевиков, на прошлой неделе разгромившей вагон и отправившей партизанам около трехсот винтовок. Он вернулся к столу и вынул из портфеля фотографии. С первой из них глянуло черноусое красивое лицо Николая.

— Вождь, — скривил губы генерал. Затем он взял портрет Лизы и, завернув карточки в бумагу, велел адьютанту показать их Зубареву.

Военнопленный химик Иоганн Шмидт и доктор Вологдин вторые сутки бились над изготовлением пистонов и пороха. Толстый, с опухшим лицом доктор представлял полную противоположность высокому, сухощавому Шмидту. Опыты производились в пустом купеческом доме, приспособленном теперь под оружейную мастерскую. Закручивая кверху усы, химик говорил:

— Селитры нет, бертолетовой соли нет. Рецепт готов, но я не ручаюсь за хорошую вспышку... Нужно в городской аптеке добыть.

— Попробуем в своих достать, — отвечал ему полудремавший Николай. — Вы, товарищи, покушайте и отдохните...

— Спасибо, — отмахнулся Шмидт.

— А почему? — весело заговорил жизнерадостный Вологдин. — Вы, батенька мой, немец, а горячку порете... Давайте лучше яичницей подкрепимся и уснем, а тогда попробуем еще кое-какие вещи.

— Вы спокойный человек, — устало улыбнулся Николаю химик.

— А чего волноваться... Патроны у нас пока есть, а выйдут, так придется опять вылазку сделать на линию.

— Вы — большевик, товарищ Потылицын?

— Да. А вы социал-демократ?

Шмидт покачал головой.

— У нас не было еще тогда большевиков... Я из левых социал-демократов группы Карла Либкнехта, Розы Люксембург.

— Ну, значит, вы наш.

Доктор проглотил кусок сала и вытер фартуком круглое комичное лицо.

В комнату ворвалась Лиза, а за ней Чеканов и Юзеф. Лиза полыхала радостью.

— Товарищи! — она задохнулась и присела на лавку. — К нам перебежала целая рота новобранцев и взвод пленных красноармейцев! Белая армия разваливается. Генералы додумались из заключенных наших товарищей сформировать отдельную часть, а они и перешли к нам. — С темной улицы доносились крики и топот ног выскакивающих из домов партизан.

— Красногвардейцы? Новобранцы? Лиза! — Николай бросился навстречу Чеканову и стиснул его в своих сильных объятиях.

— Стой, медведь! — застонал наборщик.

Перебежчики построились вдоль улицы, против квартиры штаба и с любопытством рассматривали шагавшую вдоль шеренги высокую фигуру Николая. Тесное кольцо партизан с заспанными лицами сжимало их со всех сторон.

— Значит, с нами, товарищи? — спросил Николай, подойдя к небольшому и худощавому правофланговому.

— С вами! — дружно ответили пришедшие.

Командир выступил вперед и, приподняв фуражку, сказал:

— Мы давно думку держали перевалить сюда... Еще когда вы мост взрывали, но ребята были запуганы и сумлевались. А теперь все сделалось к лучшему, ведь мы принесли два пулемета и две сотни ящиков с патронами... И рабочие депо лекарств прислали.

Среди партизан взорвался крик, похожий на орудийный выстрел. А затем началась перекличка.

— Соболевские есть, што ль?

— Есть!.. Андрюха Косованов и Микита Запечкин.

— А-а-а!

— И Пьяновских четверо.

— Вона что!

— Пошто долго путались с теми!

— Зажаты, братишки, ижно дыхнуть нечем было.

— Дистиплина, значит, строгая у них?

— Не дистиплина, а прямо царский прижим!

— Федюху Лупоглазого не встречали?

— И, брат, он убит одним селедочником за большевизну!

— Ах, шкуры! Ну, ить, как их не хряпать после этого!

— Котосать и надо... Нет ли табачку, товарищи? Не куривши живем с два месяца.

— Есть, есть... Што ись цыгарет японских захватили при штабе.

Сквозь высокие сосны, как в окна, приходил голубой рассвет. Из труб над крышами притаившихся домов закудрявились сереброоблачные дымки.

— Расходитесь по двое в каждый дом, — распорядился Николай.

Лиза нашла в толпе Чеканова и Юзефа и, ухватив их за руки, торопливо сообщила:

— Сегодня заседание штаба, приходите обязательно... Будем решать вопрос о газете. Пришедшие товарищи говорят, что листовка Чеканова встречена солдатами хорошо.

Тонкая и стройная фигура девушки затерялась в толпе разбредающихся бойцов, а Чеканов поднял кверху большой палец и прищелкнул языком.

— Большевичка — во! — сказал он, забыв свои прежние размышления о ней и Николае.

Хутор Кирьяна Ивановича Лысых стоял на берегу речки Барзаначки в восьми верстах от волостного села Соболевки, где временно сосредоточился партизанский штаб. Новая пятистенка и надворные постройки Кирьянова хутора затерялись в густо засевшей чаще соснового и березового леса. Прямо из окон — вид на быструю, звонкую речку и на заросшие горы, уходящие к синеющим белкам. А позади, за лесами, шахматной доской раскинулись полоски полей. Говорили, что хутор Лысых известен гостеприимством всем конокрадам. Все же в окружности Кирьяна чтили как крепкого хозяина и человека с подвохом. Недаром и белые власти сделали его председателем волостной земской управы. С занятием Соболевки Кирьян Ивано-

вич услужливо сдал партизанам все земское добро и незаметно перекочевал на хутор. Отсюда были слышны паровозные гудки, и Лысых это успокаивало. Партизаны заходили сюда редко. Кирьян Иванович врал им разные небылицы о белых, но врал умело. Белым передавал он тоже с опаской о партизанах. Сам он еще не мог решить, куда вернее податься. Кирьян видел нарастающую силу красных, но все его симпатии были не на их стороне.

Табун серых собак с лаем ломился в заборы и ворота. Два поджарых кобеля, подпрыгивая, царапали верхнюю плаху. Из-за шума речки и этого собачьего переполоха Кирьян не мог расслышать приглушенного голоса. Заворачивая на две стороны длинные черные волосы, он оттолкнул раму вместе со ставней и выглянул в окно.

— Кто тута?

Птичье лицо Зубарева приблизилось в упор.

— Не узнал, разве?

— А, Митрофан Семенович!

— Тсс... не Митрофан Семенович, а Николай Герасимович Плетунов.

— Эвона!

Крупная фигура в подштанниках появилась в воротах.

Плетунов прокрался за ней от собак и потянул носом парной одуряющий запах помещения.

Лысых разбудил бабу.

— Ишь, скажи на милость, как спит! — Хозяйка вышла в сенцы, а Кирьян подсел к гостю, и, глядя сбоку на горбатый нос, заговорил:

— Слыхать, Митроха, там у наших служишь?.. По какому делу фамиль-то с именем переменил?

Плетунов кивнул головой на горничную дверь.

— Никого нет, — предупредил хозяин. — Ночесь останавливались двое с торгом, а седни пусто... И все из-за этих потылицынских бродяг.

— А баба как? — покосился контрразведчик.

— Глухая она, на оба уха тяжела.

Плетунов снял кожаную тужурку и повернулся к хозяину лицом:

— Скажи, Кирьян Иванович, как можно пробраться к тем?

— Это к каким? — не понял Лысых.

— Ну, конечно, в потылицынскую банду... Как думаешь, хлопнут они меня или нет?

Хозяин поскреб волосатую грудь.

— Оно, скажем, могут хлопнуть, а может и так пройдет... Как, скажем, поведешь себя... Ты, видать, по поручению?

— По поручению... Дорогу укажи.

— Это плевое дело... А только присовет мой будет такой: заходи к ночи к Никанору Сметанину... Он мужик свой и у тех не на подозрении... Дело-то какое у тя?

— Дело важное, — протянул гость. — Не знаешь, где эта ихняя газета печатается?

— Газета? Нет, толком не скажу, а врать не хочу.

— Ну вот, — продолжал пришедший, — если мне не удастся прикрыть здесь кого нужно, то берись за дело ты со своими мужиками... А генералу Репьеву завтра же можешь донести, что я пробрался... Вот и заработаешь малость.

— Деньги-то нынче — солома. Кабы золотишка дал.

Подслеповатая с пухлым животом хозяйка принесла миску квасу и в тарелке кусок свиного сала.

— Можа, тяпнешь с дороги-то? — спросил хозяин.

— А есть? — обрадовался гость.

— Как не быть... Позавчера свежую выгнал, палючая, што огонь, тварь.

В окно было видно, как по небу плыли водянистые лоскутья облаков. Вокруг все притихло, только горная Барзаначка звенела, как колокольцы под дугой бланкаря. Контрразведчик и хозяин, допив бутылку самогонного спирта, жевали в темноте сало с душистой булкой и разговаривали.

— Так удержимся по-твоему, как тебя по-новому-то? — допытывался Лысых.

— Обязательно удержимся, — заплетал языком гость.—Ты только пойми, Кирьян Иванович! У нас—образование, оружие и иностранная помощь, а что у этих? Да и за что они идут? Разграбят все у добрых хозяев, а там на, прощай.

— Знаю, — давился хозяин. — Ить, и вожаки-то собрались — стрень-брень... Ну, скажем, Колька Потылицын... Скажем, эта учителька из Пуховой... Хоша она и внучка Павла Николаевича Пухова, а сколесилась, как потаскуха... Нет, без хозяев невозможно, антиресу не будет в жизни.

За Ангулом шла спешная работа. Заняв территорию в двенадцать волостей, партизаны объявили таежную советскую республику и выбрали правительство. В село Булай, где прежде ютились фактории купцов, теперь свозились раненые, перебрасывались все партизанские мастерские и продовольственные запасы. По тряским и топким дорогам громыхали и потрескивали кряжистые крестьянские телеги, ржали лошади и слышались веселые голоса возчиков. Подводы плавились через реку на плашкоуте, построенном в одну неделю, и мужики дивились, что их давнишние мечты сбылись так неожиданно. Исполнительный комитет объединенного совета был избран на широком съезде, и Николай с Лизой были введены в него при бурном одобрении делегатов. Все советские учреждения разместились в пустующих помещениях. Булайское ожило.

Чеканов на съезде представительствовал от своей роты и был очень удивлен, когда его вызвала Лиза.

— Ты в роту не пойдешь! — сказала она, хлопая по угловатым плечам наборщика.

— То есть как это? — глаза Чеканова полезли на лоб. За восемь месяцев партизанщины он настолько свыкся с ребятами, что не представлял жизни вне своей роты.

— По постановлению исполкома ты и Юзеф оставлены при культотделе... Знаешь, мне поручено редактировать газету, а без вас я ничего не сделаю, — ответила она. — В вашу роту уже назначены новый командир и помощник... Вы введены в редколлегию.

Наборщик сильным взмахом сбросил винтовку и присел на скамейку.

А вечером четверка обсудила план и название первой газеты.

— Я думаю, что наша газета будет размером в обыкновенный лист писчей бумаги, — говорила Лиза. —А над названием нужно подумать... Как бы вы назвали ее? — обратилась она к наборщикам.

Чеканов смотрел в окно на лесистые горы, закудрявленные нежно-шелковой синевой. Он сам ломал голову над этим, но мысли скользили и вихрились, не зацепляясь за что-нибудь основательное.

— Тут надо такое короткое, чтобы отражало нашу борьбу и союз рабочих с крестьянами, — подсказал Николай, выколачивая из мундштука.

— Во-во! — обрадовался Чеканов. На рябом лице наборщика скользнула светлая полоса.

— «Да здравствует...» Нет! «Вся власть рабочим и крестьянам в лице их Советов!» — выпалил он.

— Это длинно, — заметил все время молчавший Юзеф.

— Как лозунг для аншлага будет хорош, — поддержал Николай. — Так и надо оставить. А газету я думаю назвать «Плуг и молот».

— Во! В точку угадал! — соскочил Чеканов. — Лучше в год не выдумаешь. Ай да Коля!

Он развернул лист бумаги и без линейки разграфил его ровными клетками. В левом углу четко зачернело «Плуг и молот», а пониже через весь лист: «Вся власть рабочим и крестьянам в лице их Советов».

При виде печатных букв Лиза подпрыгнула.

— Нужно помельче, помельче, товарищ Чеканов! — воскликнула она, забрасывая набок тяжелые золотистые волосы.

А наборщик планировал:

— Помельче — потом... Пусть наперво в глаза ударит хорошенько... Вот первая полоса для политики и, значит, для агитации посреди населения и белых солдат... Так делается добрая газета. Вторая — для нашего строительства, а остальные — как бы для всякой мелочи.

— Дельно, дельно, товарищ Чеканов! — одобрил Николай.

— Да, а какой у нас будет тираж? — спохватилась Лиза. — Сперва попробуем сотню выпустить, а там — глядя по бумаге и материалу.

И когда стали распределять работу, Лиза спросила:

— А как вы думаете, товарищи, стихи будем помещать или нет? — Николай и Юзеф отмахнулись, а Чеканов, как подстреленный, вскочил на ноги.

— Это вы зря! — запротестовал он. — Революционный стишок или... тово... песенка другораз покрепче всякой ученой статьи прохватывает... Или басенка, к примеру!

Лиза рассмеялась и тряхнула наборщика за плечо.

— Правильно, товарищ Чеканов!... Пиши хорошие стишки, обязательно тиснем.

Тыловые работники, женщины, ребята и приезжающие в столицу таежной республики бойцы останавливались около ворот исполкомовского здания и с любопытством рассматривали пестрые плакаты, отпечатанные деревянными самодельными шрифтами. На них значилось:

«Здесь редакция и контора газеты «Плуг и молот».

«Литература — жизнь».

«Товарищ, пиши в свою газету!»

«Молотом и плугом — по классовому врагу».

А рядом развевалось знамя таежного отряда, на котором рабочий и крестьянин пожимали друг другу руки.

Во дворе дымил костер. Юзеф, взбалтывая деревянной ложкой в противне желатин, смешанный с глицерином, вопросительно посматривал в черные глаза химика Шмидта. Под противнем шипели и похрустывали угли. В противоположном углу двора Николай барахтался с привязанным годовалым медвежонком, а в помещении звенел голос Лизы:

— Товарищ Юзеф, скоро? У нас почти готово!

— Довольно,— сказал Шмидт, пробуя на палец желтую клейковину.

Чеканов торжественно вынес на двор стол с нарезанной бумагой и, подперев бока, победоносно оглядел присутствующих.

— Дела идут, контора пишет,— усмехнулся он, морща рябое лицо.

Пока гектограф остуживали в подвале, Лиза позвала Николая, и все, сбившись в кучу, начали разбирать стихотворение Чеканова.

Наборщик певуче читал:

Оседлаем рысаков
И поедем в поле,
Расшибем мы казаков
Колчаку на горе...

Наши храбрые полки
Не дают повадки,
Партизанам казаки
Только кажут пятки.

— Это будут петь на отдыхе ребята,— горделиво говорил сочинитель,— а вот такое я для себя сляпал.

Он присел на край стола и, забросив ногу на ногу, развернул лист бумаги с печатным заголовком:

К ХРИСТУ

Опять идешь с мечом кровавым,
На землю ты, буржуйский бог...

— Это ерунда!— перебил Николай.— Ты лучше из таежного, боевого что-нибудь завернул бы.

Автор обиженно опустил голову. Но в то же время Юзеф вприпрыжку вылетел из погреба с застывшим гектографом, и наборщик бросил читать. Залепив листки по углам, он наложил оригинал и осторожно провел ладонью.

— За чернила ручаешься?— строго глянул он на Шмидта.

— Не знаю,— покачал головой химик.— Это не выйдет, другие сделаем.

Лиза часто дышала, опираясь на руку Николая. Минуты тянулись непомерно долго. Все знали, что от этого опыта будет зависеть существование газеты. Наконец, Чеканов отвернул угол листа и потянул его, улыбаясь морщинистыми синими губами. На гектографе четко, без расплыва смотрели в обратную сторону буквы и слова.

— Шикарно вышло!— захлопал в ладоши Юзеф.

Оригинал свернулся трубкой в руках Чеканова. Торопливо, будто боясь упустить момент, он наложил второй и, быстро сдернув его, подал Николаю.

— Што твой «Геролыд»,— усмехнулся наборщик.

К гектографу стал Юзеф, а Лиза и Николай, схватив газету, побежали в исполком, в мастерские и в другие учреждения.

— Товарищи, посмотрите!— звенел высокий голос девушки.

— Сегодня выпускаем!

В мастерских дали гудок, и люди таежной столицы начали кучками сбегаться к исполнительному комитету.

— Товарищи! Пишите обо всем... О нашей работе, о геройствах отдельных борцов!— надрывалась Лиза.— А почин сделали вот эти товарищи!

И она широко взмахнула рукой в сторону растерявшихся Чеканова и Юзефа.

Против партизанского отряда, на смежных трех станциях, стягивались крупные силы чехословаков. Видя гибель белой армии, они двинулись с Уральского фронта в Восточную Сибирь, где еще были скот и хлеб. К тому же отсюда открывался легко доступный путь для перевозки на родину награбленного добра.

Опасаясь, что партизаны окончательно разрушат магистраль, чехи решили оградить себя от разгрома и неминуемой расправы со стороны русских рабочих и крестьян. Чтобы удобнее перевозить тяжелые орудия, они выгнали все население строить мосты через ручьи и гати. Вокруг деревень вырубались все леса, и засушенная солнцем листва желтела огромным обручем, как венок на крышке гроба.

Партизанские подрывники и эшелоноснимател не могли уже пробираться на линию. Оружейные запасы армии пополнялись только из своих мастерских. В ожидании сильного наступления отряд снова укреплялся за рекой и по окрестным сопкам. Все внимание бойцов штаба и исполкома было уделено вопросам самообороны.

Плетунова ввела в типографскую контору Лиза и, тряхнув золотистой челкой, сказала:

— Вот, товарищи, нам дали нового сотрудника... Он рабочий из города и бежал от белых.

Юзеф радостно пожал руку пришедшего, а Чеканов долго рассматривал гостя маленькими серыми глазами и, помычав что-то себе под нос, спросил:

— Где работал?

Пришедший уронил взгляд в пол, но не растерялся. Его птичья физиономия вытянулась вперед, как будто хотела клюнуть наборщика.

— Я служил у Маклыгина в обувном магазине, — ответил он.

— А... Значит, рабочий из тебя веревочный, — неприязненно рассмеялся Чеканов. — Как фамилия-то?

В мутных глазах гостя метнулись искры.

— Я уже сказал, что Плетунов, — он повысил голос. — Это не важно, где работал, важно, что пришел помогать отряду... Теперь задача всего рабочего класса в этом состоит.

— Гм... А я разве не знаю, — сморщил лицо наборщик. — Только все рабочие у нас сначала поболтались с винтовкой, а уже при нужде попали в тыл... Вот бы к примеру мы с Юзей или инженер Шмидт... Тоже не нам цена, а закатывал по белякам из берданки почем зря.

Плетунов зашлепал толстыми губами:

— Мне была записка из исполкома... А только ты ошибаешься. Армия, например, белая тем и слаба, что у ней нет тыловой опоры... Это недопонимание, товарищ... Если в типографии вам не нужен работник, то я пойду в мастерские.

Чеканов снова смерил глазами пришедшего и продолжал пропитывать гектографической мастикой войлочную подушку.

— Давай, пробуй, — указал он на ящики с неуклюжим деревянным шрифтом.

Контрразведчик скрыл улыбку и, засучив рукава, подошел к столу.

Юзеф подал ему деревянные гранки и положил на стол передовую статью за подписью «Гулимджан».

— Кто это пишет? — заинтересовался новый рабочий.

— Наш командующий Потылицын, — просто ответил мадьяр, не замечая сердитых взглядов Чеканова.

В обеденный перерыв, когда новый наборщик ушел осматривать местность и учреждения, Чеканов задержал в типографии Лизу.

— Промаху дал Коля, — сказал он, подкрашивая ножом самосадки.

— Почему? Ты о чем это? — встревожилась она.

— Да я все про то же... Гуся-то этого не прощупал голыми пальцами.

Лиза опустилась на скамейку и уставилась на наборщика своими васильковыми глазами.

— А что он?... Не годится?...

— То-то и есть!.. Годным, Лизутка, можно сделать и медведя, а только тут другая статья... Насчет его рабочего сословия сумление есть... По моим приметам, он с рабочим рядом не сядет.

— А ты оставь грубости, Чеканов... Говори толком.

— Я толком и говорю... Духом от него не рабочим пахнет...

— Ну, это еще не доказательство, и... вообще у вас нет оснований подозревать человека. Наверное, скоро нам придется оставить Булай, — тихо продолжала она. — На всякий случай не мешает забронировать трех коней с седлами.

Чеканов открыл рот, но, видимо, слов не нашел, промолчал.

Чехи и казаки двинулись на партизанский отряд одновременно по всему фронту. И сверх всяких ожиданий, прошли лесной дорогой, известной только охотникам да партизанам. Для командного состава было ясно, что кто-то знающий указал им этот путь. Но кто? На протяжении четырех километров загремели орудия, неистово застучали пулеметы, запылали села. От соломы и навоза потянуло удушливым дымом. Казачьи кони без разбора топтали расцветающие поля, как в зеленом море ныряли всадники в высоко поднявшейся ржи. В чешском и казачьем тылу стонали и умирали под раскаленными шомполами старики, женщины, молодые ребята, оставшиеся около своих хозяйств.

Чешская колонна в двенадцать тысяч штыков с орудиями в один день отбросила левый фланг партизан за реку и внезапно остановилась на берегу. Зато на правом фланге затянулись бои на целые две недели. Партизанские пластуны по нескольку раз в день срубались с казаками, и сражения велись с переменным успехом. Пленных и раненых не было с обеих сторон. Над рассеянными по полям трупами темными клубами закружился гнус и закаркало прожорливое воронье.

Генерал Репьев вызвал адьютанта и посмотрел на него красными с похмелья глазами.

— Что чехи? — спросил он хриплым голосом.

— Занимают прежние позиции, — прищелкнул шпорой адьютант.

— Мерзавцы! А что полковник Прахаль?

— От него ответа нет-с.

— Негодяи! Распорядитесь, поручик, чтобы приготовили бронепоезд.

— Слушаюсь!

Репьев сделал знак, и адьютант замер в дверях с приложенной к фуражке рукой.

— Составьте текст телеграммы верховному правителю, — сказал командующий.

Скобелин подошел к столу и, не садясь, набросал в блокнот:

«Омск ставка верховного. Доношу: разбитые красные банды Потылицына бегут в тайгу точка. Преследование казаками русской группой точка. Чехи бездействуют, прошу распоряжения.

Генерал Репьев».

Командующий, не читая, подмахнул телеграмму и вышел из штаба. Рядом с его тучной фигурой адьютант казался подростком. Июльское солнце дышало на землю злым зноем. Гудящие оводы кружились над бегущим в село скотом. Из ворот депо, пыхтя и разбрасывая пар по сторонам, выходил броневик, вслед которому перекликались молотки и глухо харчали токарные станки.

Генерал всегда испытывал тревожное чувство, когда слышал этот стальной лязг. Еще в пятом году, участвуя в экспедиции Меллер-Закомельского, он видел пламенем взметнувшийся рабочий гнев, не смиряющийся под казацкой нагайкой и виселицами. Животная дрожь не покидала его вплоть до станции, где помещался штаб полковника Прахаля. Командующего пугала мысль, что рабочие могут разобрать рельсы и посадить на броневик своего машиниста или просто остановят поезд и зарежут его, генерала, на каком-нибудь разъезде.

Понимая настроения начальника, адьютант начал разговор о женщинах:

— Вечером приглашала вас эта блондинка, ваше дительство, — хитро сказал он, закручивая черный ус.

Генерал крякнул, как селезень на болоте, и повернул выбритое пухлое лицо к своему секретарю.

— Это жена начальника станции?

— Да... Экзотическая особа... Она, знаете, верхом катается прекрасно и вообще тренированная особа.

— Пикантная, — усмехнулся командующий. — Вы, поручик, распорядитесь по части вин и прочего там...

Броневик коротко свистнул и остановился на первом пути около вокзала.

Полковник Прахаль говорил по прямому проводу с Омском, и Репьеву с адьютантом пришлось потеть в приемной, отмахиваясь от досужих мух. Наконец, полковник вернулся в кабинет и чуть заметным оскорбительным кивком головы пригласил приезжих. Полковник был высок и сухощав. Светлая его борода аккуратно была подстрижена и расходилась на две половины. Репьева, признающего достоинством военного человека только усы, эта борода злила особенно. Но он все же протянул руку, которую чех вежливо и быстро пожал.

— А мы к вам по срочному и важному делу, — начал командующий заикаясь.

— Я слушаю, — коротко ответил Прахаль.

— Желательно выяснить, почему чешские войска, вверенные моему командованию на реке Ангуле, не двигаются вперед?...

— Чешские войска вверены моему командованию, — перебил его Прахаль.

— Но... у меня имеется приказ верховного правителя...

Прахаль прошелся по комнате и насмешливо посмотрел в побагровевшее лицо командующего всеми внутренними войсками Сибири.

— У чехов есть свой приказ, на основании которого чешские войска через два дня будут отозваны.

У Репьева выпала из рук сигара.

— То есть как это?

— Это мелочь, но народ так думает...

Прахаль сел против генерала и, мягко улыбнувшись, развернул перед ним свежий номер газеты «Плуг и молот».

Перед глазами Репьева запрыгали знакомые буквы. Он остановился на передовой и, едва соображая, прочел обращение партизанского исполкома к чехам. В последних строках говорилось:

«Товарищи чешские солдаты! Мировой пролетариат и крестьянство клеймят вас позором. Здесь вы душите в интересах буржуазии нас, а она дома у вас душит чешских рабочих и крестьян. Товарищи, обратите ваше оружие на врагов трудящихся — белых генералов, помещиков, фабрикантов и кулаков».

— Это же гадость, полковник! — заревел генерал, соскакивая с кресла. — По этой писучей шайке давно скучает веревка, уготованная ей по праву... Да и какую угрозу может представлять эта безвкусица и бездарщина?!

Прахаль пожал плечами.

— Солдаты читают советские газеты и косо смотрят на офицеров... А нам, генерал, невыгодно разлагать свою армию... Вы знаете, что при шатком положении и капля дает перевес.

Броневик, шипя и отфыркиваясь, пустился в обратный путь.

В окнах вагона замелькали телеграфные столбы. На двух из них Репьев увидел черные бесформенные предметы, и, ткнув пальцем, спросил:

— Что это, поручик?

Адьютант закрутил усы и безразлично ответил:

— Это повешенные большевики из депо.

— Дайте вина, — проворчал начальник.

Таежная республика напрягала все силы на отражение врага. Беднота заангульских деревень вооружилась вилами, топорами и косами. По дорогам, по улицам вверх зубьями валялись бороны на случай налета вражеской кавалерии. Поля поливались кровью собственных пахарей, поля стонали, ожигаясь этой горячей кровью. Но каждая пядь земли таежной республики брала неизмеримо больше жертв со стороны белой армии. Казалось, стреляли и метали смерть пни, углы, канавы. Оружие убитых и раненых подбиралось безоружными и немедленно пускалось в ход.

Ржи уже белели, поспевая, но в этот год жать их не собирались. В Булай ежедневно десятками и сотнями прибывали раненые. Белые отряды уже переправились через реку и теснили партизан, растративших почти все патроны.

На пятнадцатый день привезли раненного в руку Николая. Лиза торопливо заканчивала газету. От бессонницы и волнения ее синие глаза помутнели. Залпы, орудийная стрельба, как грозовая туча катились к сердцу республики.

Юзеф и Чеканов заботливо укладывали в дорожные мешки ящики со шрифтом, краски, свои манатки.

— А вы что стоите, товарищ Плетунов? — строго спросила Лиза.

— А чего делать-то? — ехидно усмехнулся контрразведчик.

— Если здесь нечего, то бегите в продовольственный отдел, там нужно грузить сухари и муку.

— Это ему не по брюху, — сплюнул Чеканов.

В это же время с сосновой горы пустым клубом прямо по селу пропылила кавалерия, и чей-то охрипший голос прокричал:

— Товарищи, спасай раненых!

Чеканов, а за ним Лиза и Юзеф, бросив редакцию, побежали к больнице.

Орудийная стрельба усилилась. Рядом с типографией загорелись два соломенных овина, в которых помещались мастерские. Булай покрылся хвостами черного дыма. Заняв сопку по краю села, партизанская пехота скупо, но метко отстреливалась, задерживая противника.

Село уже было оставлено, когда Лиза, шагая около носилок раненого, оглянулась назад. С сопок частой перебежкой спускались чехи, а помещение редакции уже пылало багровым пламенем.

— Эх, фараошка! — застонал бегущий ей навстречу Чеканов. — Еще думал пришить его... Сгорел весь шрифт! Да и дорогу он указал.

Наборщик, надвинув на глаза кепку, бросился было в село, но его задержал Корякин, спешно устанавливавший пулемет.

Золотые дни августа текли тихо. Тайга стала прозрачнее и нежнее, будто почуяла она тоску приближающейся осени. Гул голосов, лязг топоров, визгливые звуки напильников и переклики молотков четко улетали в неизведанные насторожившиеся пади и вершины гор. Около кипучей реки Кутурчинки выросла целая деревня. Свежие кедровые постройки испускали душистую смолу и желтели на солнце. Незанятые в мастерских и больнице партизаны были отряжены на охоту, на сбор ягод и кедрового ореха. Остатки отряда почти поголовно оделись в звериные шкуры и готовились к зимней стоянке. Под наскоро накрытыми желобовыми навесами ярусами лежало сохатиное вяленое мясо и мешки с орехами. Высокие горы и леса позволяли партизанам отдохнуть после десятимесячных беспрерывных боев. Из пяти тысяч бойцов в отряде осталось теперь только две. Но настроение было бодрое. По вечерам таежную дебрь оглашали песни под гармошки и разухабистые пляски молодежи.

Николай все еще носил повязку на руке, но попрежнему руководил жизнью отряда, переключившегося на хозяйственную подготовку. Чеканов и Юзеф

удили на обманки хариусов. Командир неслышно подошел к ним сзади и громко сказал:

— Сегодня партийное собрание... Приходите обязательно.

— А по каким вопросам? — нахмурился Чеканов.

— Да разные... Надо поговорить о дисциплине и относительно дальнейших наших действий.

— А-а!..

Наборщик намял в ладони сушеной черешни и набил трубку. Кислый дым пахнул в закудрявленное чернявой бородой лицо Николая.

— Зачем ты сосешь эту гадость?... Я вот бросил, — заметил он.

— С тоски, — отмахнулся Чеканов. Он порывисто схватил Николая за здоровую руку и, сверкая маленькими глазами, продолжал: — Извожусь я, Коля!.. Все мы, Юзя и Лизутка сохнем без газеты... И знаешь, какие, думки меня кусают?

Николай присел на пень и переломил ногой валявшийся сук.

— В город тянет? — усмехнулся он.

— А ты что думал... Нам связь терять с рабочими не приходится, там и о типографии смекнем.

— Все это верно, но тебя сразу слопают.

— Ночью будем действовать... Брашка наша типографская упрячет, а то и в железнодорожные мастерские подадимся... Я уже прикладывал тут, и все выходит, как на весах... Пулеметчик Корякин бывший сплавщик... Плоты, значит, гонял по здешним рекам... Мы с Юзей его помощники, а Лиза за стряпуху поедет.

— Это весь наш культпросвет хотишь стравить, — поморщился Николай.

— Риск — дело благородное, — горячился наборщик. — А здесь разве не царапнет пулей, как тебя... тово... Теперь они и забыли о нас малость.

На парткружке Лиза горячо поддерживала предложение наборщика, и поздним вечером четверка начала готовиться в дорогу.

Артель партизан с утра сколачивала большой плот. Свежие соковые бревна тесно ложились на широкую раму и поблескивали белыми ребрами. Пулеметчик Корякин руководил работами, и когда плот был закреплен верхними штангами, он взял в руки роньжу и, попробовав ее крепость, вышел на пестрящий людный берег. Красное безусое лицо пулеметчика расплылось в хорошую улыбку, когда Лиза стыдливо и порывисто припала к груди Николая.

— Не думай плохо... — шепнула она, ободряя себя улыбкой.

— Дай, Коля, явочные адреса.

Партизаны почтительно простились с разведчиками, и Корякин стал у кормы.

—А ну, ударь с левой! — крикнул он носовщику Чеканову. Широкое, детски простое лицо Юзефа скорчилось в смешной гримасе, когда под скрип роньжей с берега раздались приветственные голоса и сотни рук затрепетали в воздухе. Плот закачался на прозрачных волнах Кутурчинки и вскоре скрылся за изгибом серой скалы.

Лиза неподвижно смотрела на выделяющуюся фигуру Николая, на порывы которого она несколько раз отвечала отказом, для желанных ласк которого не находила времени. А главное — жаль было покидать отряд, который она создавала вместе с Николаем и который стал для нее лучшей семьей, чем семья деда, чем учительская семинария, в которой она до этого года училась.

Чеканов, взмокший от пота, передал роньжу Юзефу и, закурив носогрейку, подсел к очагу.

— А ты не кисни, Лизок, — тепло улыбнулся он. — Вот только бы нам под енисейский мост проехать, а там говори, что дело сделали.

Васильковые глаза Лизы загорелись той радостью, которую, очевидно, испытывали все лучшие революционеры, твердо понимающие цель, для достижения которой несли свои жизни. К тому же ей давно хотелось побывать в среде рабочих большевиков, набраться там сил для дальнейшей работы и получить указания непосредственно от руководителей подпольных организаций.

— Гляди во все четыре, сейчас порог! — крикнул с кормы Корякин.

Чеканов и Юзеф грудью навалились на роньжи. Впереди кудрявились белые валуны. Они вскипали кверху и опускались, оставляя позади острогорбые гребни.

— Отдай влево! — скомандовал кормовщик.

Три роньжи враз заскрипели, заплескались брызгами. Плот упрямо несся в кипящий водоворот. Лиза с замиранием сердца смотрела на быстро работающего Корякина, но лицо бесстрашного пулеметчика было непроницаемо застывшим.

— Держи запас! — строго сказал он, когда она хотела помогать роньжей.

Плот вырвался на фарватер и, зыбаясь и потрескивая, ухнул передним концом вниз. Белогривая волна с шипением покатилась на Юзефа и Чеканова, Лиза накрыла своим телом мешки с харчами. Волна хлестнула ей в лицо, но передний конец плота уже вздыбило.

— Вставай, девка! — крикнул Чеканов, отряхивая с одежды воду.

Берега замелькали высокими скалами с кедровыми лесами.

По разоренным деревням рыскали казачьи разъезды, грабя остатки крестьянского имущества и насилуя женщин. Чехословаки и польские легионеры отказались преследовать партизан, отойдя на железную дорогу.

По утрам иней серебрил ветви деревьев, неубранные травы и истоптанные хлеба. За горами глухо и тоскливо завывала осенняя буря.

Снарядив половину отряда на пушной промысел, Николай с другой частью делал налеты на ближайшие деревни и спешно забрасывал в тайгу продукты. Отгулявшиеся на вольных кормах лошади пластунов выносили их в сутки по сотне верст. Старая территория отряда наполовину была уже очищена от белых войск, когда к первоначальному центру восстания — селу Пуховскому — ночью подобралась разведка.

— Товарищ Потылицын, здесь никого нет, — доложил лазутчик, подползая к лежавшему в кустах Николаю.

— Тогда пошел!

Николай вскочил на саврасого иноходца и, покачиваясь в седле, поехал к краю улицы. Село напоминало кладбище. Половина построек была сожжена, и на месте своего дома он увидел только головни и черную пасть осевшей печи.

«И все это разорили за то, что пуховская беднота восстала против колчаковского правительства», — подумал он, не зная, где искать своих.

Встретившийся старик отступил назад, когда Николай сдержал около него лошадь.

— Ваши на пашню переехали, — сказал он, стуча зубами. — Ох, и переплетица здесь была, Миколаха... Семнадцать человек на смерть застегали. Твоих брательник Гаврюха спас... А как лютовал здесь Павел Николаевич!

На заимку отряд прискакал на рассвете. Мать долго колотила дрожь, она хотела что-то говорить, но заикалась и клокотала, как наседка. Дед Евстигней Ефре-

мович сидел на нарах, свесив голую голову, и однотонно тянул:

— Старики говаривали, что эдакая беда была при царе Борисе... И чего сукиным детям не хватает... Стучат и стучат какую-то холеру из своих пулеметов... Скажи, все окна в деревнях высадили, паскудники.

— А где Климка? — спросил у невестки Александры Николай.

— Его угнали в подводы и держат уже месяц... Ты бы хоть выручил.

Как-то жалостливо она смотрела на обросшего бородой и постаревшего деверя, на пришибленных горем и растерявшихся стариков, на свое безрадостное одиночество.

— Поедешь в наш отряд? — спросил он.

— Без Клементия не поеду, а его сманю, как только вернется.

Александра вышла провожать отряд за гумно и, перебросив на седло мешок с булками и салом, зашептала:

— Вчера здесь были чехи и ихние солдаты, спрашивали, как можно увидать тебя... Насчет перемирия какого-то хотят говорить с партизанами.

— А где они стоят? — насторожился Николай.

— В Самодуровке... Это вот почти... Да ты знаешь!.. Только сам-то не езди, а то, может, подвох какой... Да вот еще газетку привезли.

Александра сбегала в избушку и сунула ему в руку желтый лист, оборванный со всех сторон на цигарки.

— Вот тут пишут, что в городе арестованы агитаторы из твоего отряда и какая-то женщина.

— Лиза! — вырвалось у Николая.

Туман рассеивался, Николай развернул газету и в отделе хроники прочел:

«На днях контрразведкой задержаны и арестованы агитаторы из остатков разбитой банды Потылицына. Из них одна женщина, учительница. Частично агитаторы бежали. К поискам их приняты соответствующие меры».

Николай вздернул повода и прижал каблуками бока вздыбившегося иноходца. На измятых и пустынных полях густо лежал иней. По пристывшей земле гулко застучали конские копыта.

— Товарищ Потылицын, тише! — пытался остановить Николая командир взвода.

Но он ничего не слышал. Перед глазами кружились в диком каком-то вихре посеребренные увядающие леса. Не доезжая с полкилометра до спящей под горой деревни, он осадил взмокшего, храпящего коня и, передав его одному из партизан, сказал:

— Ждите здесь, а я схожу... Если заслышите сигнальный выстрел, то открывайте огонь и скачите туда.

Кавалеристы хотели удержать его, но командир круто повернулся и вприпрыжку побежал под гору. Около крайней избы, привалившись к стене, спал часовой — чех. Николай вырвал у него винтовку и приставил к груди штык. Серые глаза чеха закатились под лоб. Он испуганно замахал руками и открыл рот.

— Молчи! — крикнул Николай. — Где штаб?

— Там, товарищ, — дрожал чех, указывая на покривившийся, высунувшийся в улицу дом.

Чех шел впереди, как под конвоем, и, слегка оборачиваясь, говорил:

— Наш взвод за большевиков... Наши желают перейти к вам, но офицеров боятся и вас боятся.

Около угла дома Николай остановил его за рукав и повернул к себе лицом. Серые глаза чеха смотрели доверчиво. Он ткнул себя пальцем в грудь и снова зашептал:

— Я рабочий и другие здесь рабочие... Мы не можем дальше убивать здешних рабочих и крестьян.

— Тогда иди к солдатам и предупреди их, чтобы не стреляли в наших.

Николай выждал, пока часовой сбегал в два дома и, ухватившись за подоконник, заглянул в окно. На столе лежали два револьвера в кобурах и кавалерийские винтовки. Спружинив руками, он поднялся и одним взмахом смел все оружие вниз. С коек вскочили офицеры в нижнем белье, но он уже спрыгнул на землю, отцепив от пояса бомбу, бросил ее в окно. Николай еще не успел отбежать на середину улицы, как оглушительный треск пронесся над селом и густо полетел в спящие поля. Воздухом его бросило к земле, и скачущий по улицам взвод осадил коней.

Из двух соседних домов валили чехи. Бросая оружие, они бежали навстречу кавалерии.

Николай поднялся, когда партизаны мирно беседовали с пленными. Черноусый чех с морщинистым лицом любовно осмотрел его крупную фигуру и спросил:

— Вы командир Потылицын есть?

— Да... А что? — слабо улыбнулся Николай.

— Видал вашу фотографию в газетах, — ответил пленный. Чехи вывели коней, и два взвода двинулись к синеющим таежным хребтам.

Трое суток плот качало на мощных волнах Енисея. Разведчики на остановках запасались топливом и плыли дальше. На четвертый день вечером, смешавшись с колоннами других плотов, они подъехали к железнодорожному мосту. Холодный воздух пронизывал тело, и Лиза отогревалась около постоянно курившегося очага.

По общему правилу, плот причалил выше моста, где проверяли документы всех проезжающих.

— А что же покажем мы? — забеспокоилась Лиза.

Чеканов зашвыркал носом и, оглянувшись на проволочные заграждения, возвышающиеся на краю моста, тихо ответил:

— Я пойду с ними разговаривать, а вы следите... Если побегу, то не моргайте и вы... А сбор в городе около старого собора... Удирайте вот по этому логу... Здесь лес и ямуринник.

Три пары глаз сосредоточились на низкой фигуре наборщика, теряющейся в толпе сплавщиков. Выйдя на насыпь, он стал было в очередь, но быстро пробрался вперед и, показав солдату какие-то документы, отступил.

На плоту ждали, стиснув зубы, ощупывая карманы.

— Влип, — шепнул пулеметчик и взялся за наган.

Лиза развернула узелок, из бумажного пакетика достала два порошка.

— Это цианистый калий, товарищи, —сказала она.— Если попадемся и будут издеваться, то лучшее средство — проглотить яд.

Но Чеканов протянул руку к часовому и быстро пошел к плоту.

— Пропустили? — еще издали крикнула Лиза.

По бледному лицу Чеканова все догадались, что его все же что-то тревожит.

— Пропустили-то пропустили, но отчаливай скорее, — заторопил он. — Может, успеем продать лес, а деньги нам не лишние. — И когда плот вынырнул из-под моста, наборщик оглянулся на спутников и вполголоса сказал:

— Шкура-то эта здесь и уже в офицерской форме.

— Кто, кто? — подскочила Лиза.

— А этот Плетунов-то.

— Ну?!

— Вот и ну... Смотри, вон шагает... Значит, нам надо на другую сторону держать.

Корякин впился глазами в фигуру идущего военно-

го и заработал роньжей. Плот тянуло вниз быстрым течением, и только через полтора километра таежникам удалось причалить к песчаной косе.

Из-за нависающего над рекой мрака другого берега не было видно. В городе вспыхнули огни электрического света. И в то же время заработал мотор катера.

— Едут! — крикнул Чеканов, заматывая причал.

Он подобрал полы длинной изношенной шинели и первый бросился в кусты. Катер приближался, но разведчики уже смешались на пароме с большим движением базарщиков и, забравшись в каюту, плыли к городу.

— Шелестов должен быть в слободе, но нам всем заваливаться к нему нет резону, — шептал Чеканов товарищам. — Мы с Юзей окопаемся, стало быть, у Нифантьева, а вы костыляйте туда... Ежели все будет ладно, то часов в двенадцать и мы приползем.

Лиза не видела города больше года и как ни напрягала усилия, не могла удержаться, чтобы не оглядываться на поток офицеров с расфранченными дамами. Эта публика неслась на пролетках в загородные рестораны и театры, где гремели оркестры духовой музыки. В мужской рубахе и шароварах здесь она чувствовала себя плохо. Вот за углом мелькнуло здание учительской семинарии. Вот из парадного крыльца повалила со смехом и разговорами молодежь, вернувшаяся с каникул. И от нахлынувших воспоминаний сердце застучало чаще. Ведь еще через год и она кончила бы эту самую семинарию. Но Лиза не жалела. Толпа студентов шла им наперерез. Среди нее выделялись новенькие юнкерские мундиры, звенели шпоры. И это подавляло, мешало двигаться за размашисто шагающим Корякиным.

«А вдруг узнают», — думала она, отворачивая на теневую сторону. По голосам узнавала многих сокурсников и для себя отметила, что в мундиры облеклись самые неспособные к учебе, случайно попавшие в эту школу.

Завернув в крайнюю улицу, Корякин огляделся и шепотом спросил:

— Через вокзал или полем пойдем?

— Лучше полем, — вздрогнула Лиза.

По площади свистел холодный ветер. На другом конце неприветливо мигали огоньки в слободских хатках. Путь таежникам пересек конный разъезд казаков. Он шел на рысях к военному городку, который охраняли каждую ночь. Передний конник остановил лошадь, нагибаясь с седла, заглянул в лицо Корякина и пьяным голосом спросил:

— Куда идешь?

— С работы, господин казак, — не растерялся пулеметчик. Казак покосился на высокую, стройную фигуру Лизы и покачал головой. В темноте он не мог рассмотреть ее лица и досадливо вздернул повода.

— Вот переплетица-то! — ворчал Корякин. — Да у них на каждом шагу полицейская язва стоит.

— Ничего, только скорее, — торопила Лиза.

Около дома, стоящего на отлете от поселка, они зажгли спичку и рассмотрели номер.

— Кто? — осторожно спросили из-за забора.

— Товарищ Шелестов здесь? — голос Лизы дрогнул.

— А кто спрашивает?

— Медведь, — запнулась она.

Человек с острой бородкой просунул голову в калитку и быстро осмотрел пришельцев.

— Скорее заходите, — как-то радостно и возбужденно зашептал он.

В маленькой боковой комнатушке Лиза внимательно разглядывала худощавого высокого хозяина, часто покашливающего и хватающегося за грудь. Ей вспомнились темные осенние вечера в Пуховой, когда они с Николаем и Чекановым готовили восстание партизан. Особенно памятной осталась ночь, проведенная в сильный мороз в риге гумна. У Лизы тогда сводило пальцы рук, но она стреляла вместе с товарищами в окружавшую гумно милицию.

— Товарищ Шелестов вчера только арестован и весь комитет тоже, — поспешно заговорил хозяин. — Эта квартира очень опасна для нас, но через час мы все переберемся на ближайший разъезд, где предполагается собрание оставшегося партактива и небольшой части рабочих... Кстати, здесь сейчас находится член Цека. Он пробрался через фронт и сколачивает по городам нашу организацию.

— А как же ваша фамилия? — спросила Лиза, когда хозяин принес со двора кринку молока и положил на стол белую булку.

— Зовите товарищ Аркадий — и все.

Час прошел незаметно. Товарищ Аркадий подробно расспросил Лизу о партизанских действиях и планах и развел руками. Его чахоточное лицо подернулось желтым румянцем.

— Да что вы говорите?! — воскликнул он. — Вы говорите, что у вас было пять тысяч партизан, а здесь писали все время, что в банде Потылицына всего сотни полторы оборванцев, вооруженных исключительно дробовиками и топорами... Но мы не верили этим газетам, а когда прочитали ваш «Плуг и молот», то совсем убедились, что белые умышленно замалчивают перед рабочими о росте партизанского движения.

— У нас, скажу я вам, имеется двадцать пулеметов, и если б не чешская шваль, мы давно размололи бы казачишек! — похвастался Корякин. — А нашу газетку вот они с Чекановым сбрякали, — указал он на Лизу.

Товарищи Аркадий порывисто соскочил со стула и пожал им руки.

— Значит, это вы и есть идеолог, товарищ Пухова? Вот хорошо-то. Нам нужно договориться относительно общего плана борьбы и боевых лозунгов, потому что в вашей газете есть нечто от анархизма... Но тут — полдела, а вот если удастся взять совместно с партизанами этот город и тем самым отрезать путь отступления бегущей с запада белой армии — это да.

— А как быть с типографией? — спросила Лиза.

— Сейчас мы идем на собрание и там обмозгуем этот вопрос.

— Но Чеканов и Юзеф придут сюда только к двенадцати, — заметил Корякин.

— Вот это хуже... Но мы поставим посредине улицы караульщика, который приведет их туда же.

Над притихшим поселком нависла густая темь. Ветер стихал, и только голые ветви деревьев хрустко шумели, задевая друг о друга.

Товарищ Аркадий, придерживаясь за Лизину руку и тяжело дыша, рассказывал ей о Красной Армии, о политике Москвы.

— Вы очень сильная, товарищ, а я немного раскис, — закончил он, когда они поднялись на взгорок. Отсюда были видны фонари, глядевшие в темноту красными глазами.

— Вон туда нужно, — указал он вправо, где темной стеной выделялся хвойный бор.

По магистрали, разбрасывая по сторонам дым, пролетел сибирский скорый. Путники зашли в ложбину и очутились на опушке сосновой чащи. На разъезде в километре от тропы еще маячила фигура стрелочника с зеленым фонарем в руках.

— Пропуск, — послышался из-за дерева скрипучий молодой голос.

— Поршень, — ответил товарищ Аркадий.

— А-а, товарищ Червонный!

Часовой опередил их своей высокой фигурой и тихо заговорил:

— Все в сборе... Ждем только вас... Сегодня много товарищей из военных присутствуют.

— А это вот партизанские руководители из потылицынского отряда.

— Вон что! — рабочий крепко облапил Корякина и приподнял его на воздух.

— Скорее, товарищи, — вполголоса послышалось впереди.

Собравшиеся сидели широким кругом. Ни разглядеть их лиц, ни пересчитать было невозможно. Выделялись на темном фоне только серые шинели солдат, светлые пуговицы железнодорожников. У некоторых из рукавов чуть заметными искрами вспыхивали цигарки.

Часть собравшихся поднялась на ноги, когда товарищ Червонный вошел в круг и начал свой доклад.

Лизе было уже известно многое, но она вслушивалась и взвешивала каждое слово члена Цека. Она даже забыла об опасности. Теперь все казалось просто. Красная Армия под Тюменью. Скоро будет взят Омск, столица реакционного казачества и генералов. С трепетом в сердце она чувствовала шум восставших городов и взлеты революционных песен. Мысль о газете, о захвате типографии теперь казалась крошечной, незначительной. Но товарищ Червонный в конце доклада сказал:

— Печать — наш большой помощник в борьбе с классовым врагом!... Уже доподлинно известно, что такая маленькая и примитивная газета, как «Плуг и молот», мобилизовала вокруг партизан не только внимание наших крестьян и рабочих, но частью и иностранных солдат... И нужно нам усилить эту печать путем оборудования настоящей типографии и обеспечить силами редакцию... К тому же наша пресса может расти и развиваться только в надежном тылу, а перебрасывать готовую продукцию гораздо легче, чем беречь типографию в подполье, в постоянной опасности.

Лиза, Корякин, товарищ Червонный и молодой наборщик из губернской типографии ночевали в сторожевой будке. Солнце повернуло к обеду, когда к ним шумно ворвались Чеканов и Юзеф.

— В военном городке восстание! — закричал Чеканов, размахивая руками.

Все выскочили на улицу. День был солнечный, прозрачный, с деревьев летела последняя желтая листва. Из-за голой горы, отделяющей город от военного лагеря, доносились глухие выстрелы. Жена будочника загоняла в стойло пеструю корову и по-женски причитала:

— Палят-то, боже мой!.. Ой, и жизня пришла!

— Но почему так скоро? — удивлялся товарищ Червонный.

— Провокация, слыхать, вышла, — объяснял Чеканов. — Солдат, которые были на вчерашнем собрании, арестовали, а полк их не выдал, и пошла потасовка... Давайте пока на типографию нагрянем... Я там уже обтяпал дело, и ребята стаскивают на подводы шрифт.

— Но как же мы от восстания убежим? — запротестовала Лиза.

— Восстание неудачное, — волнуясь сказал товарищ Червонный. — Вы действуйте, как говорит товарищ, а я узнаю через железнодорожников, в чем дело. Только немного замаскируйтесь.

Товарищ Червонный быстро наклеил острую бородку с усиками и переоделся в серый костюм. Для Лизы и других тоже нашлись вещи. И вскоре все были готовы к походу.

К типографии пробирались поодиночке со стороны, не оцепленной патрулем, и все попали вовремя. Чеканов бегал мимо машин и кричал работавшим над упаковкой наборщикам:

— Товарищи! Петит-то не забудьте... Да десятого побольше... Бумагу, бумагу грузите!

Во дворе около четырех пароконных подвод возбужденно топтались вооруженные солдаты. Это были наборщики и железнодорожники, теперь одетые в солдатские шинели. И когда весь багаж был уложен, а Чеканов заскочил на облучок передней подводы, с улицы раздался залп, и караульный рабочий, взмахнув руками, толкнулся головой в середину ворот, распахнув обе их половины.

— Гони напролет! — закричал Корякин, вскидывая кверху руку с наганом и другой ударяя по лошадям. Лиза бросилась к задней подводе, но новый залп оглушил ее, подкосив под ноги. Мимо, на задний двор, протопали тяжелые шаги. Кто-то подтащил ее к забору, но не осилил, видимо, ноши. Смутно представляя случившееся, она попробовала подняться, но обе ноги не повиновались и ныли жгучей болью. Сквозь забор ослепительно светили солнечные лучи. Поняв свое положение, она сунула руку к груди и задрожала: револьвера и узелка с цианистым калием не было.

«Забыла на разъезде», — вспомнила она, оглядываясь на тяжелый топот лошадиных копыт. Посредине двора ползал раненный в живот Юзеф. Где-то по окраинным улицам началась частая перестрелка. По звукам определила, что бьют в направлении военного городка. И тут же упала, смутно узнав подскакавшего на лошади Плетунова. Хищное птичье лицо контрразведчика дернулось в усмешке. Позванивая шпорами, он спрыгнул с лошади и, вытянув вперед руку с револьвером, прерывающимся голосом запищал:

— Она! Она! Берите!

И уже в тюремной больнице, вся избитая нагайками, Лиза осмыслила случившееся и предстоящее.

За городом, в болотистой низине каждую ночь раздавались выстрелы залпами, а ранними утрами по тюремному двору проводили десятки арестованных и обезображенных побоями солдат 31-го восставшего полка.

— Шлея — наше дело, — говорил каждый раз Черненко, рабочий угольных копей. — Заварили ладно, но соли переложили ребятки наши!.. Тут надо хлобыснуть всем городом, тогда толк будет.

— Я не понимаю, почему они с оружием не ушли к нашим? — ломала руки Лиза.

— Склепки, значит, не хватило... У тебя как ноги-то?

— Болят... Но это все пустяки, ведь кости целы, а вот провал наших больнее и, наверное, типографию отняли.

— Скоро им крышка, — внезапно заключил шахтер. — Только ты не торопись вылечиться.

— Почему?

— Выведут и хлопнут, а из больницы будут брать перед самой пропастью.

Бор шумел однотонно, шум усиливался доносившимся с Енисея переплеском воды. Холодный северный ветер будоражил реку, приносил и сыпал по пристывшей земле первые снежинки.

Сквозь вершины деревьев глянули голубые окна рассвета, когда на семидесятой версте стали загнанные лошади.

Корякин соскочил с облучка и, выбрасывая ящики, крикнул Чеканову и двум рабочим:

— Таскайте хворосту к берегу!

— А зачем? — заспорил наборщик.

— Затем, что вот-вот нагрянет погоня. — И все, поняв эту неизбежность, принялись за работу. Через час ценная добыча была зарыта песком и замаскирована сверху рыбацким шалашом. Телеги и лошадей загнали в чащу, на два километра от дороги.

— Теперь куда? — недоумевал Чеканов.

Корякин взглянул на рабочих, на голубое небо и, подумав, сказал:

— Надо харчей и топоры достать... Тут в трех верстах есть монастырь... Затешемся на недельку в него, а там придумаем, только разговаривать нам некогда.

Внутри у наборщика все переворачивалось, но доводы пулеметчика были вески. К тому же в глухой шум бора ворвался какой-то посторонний гул.

— Вот они, — шепнул Корякин, стукая каблуком в белые монастырские ворота. Он когда-то плавил сюда лес для дров и хорошо знал казначея Евлампия, не раз заказывавшего привезти тайком дичины или крепкой самогонки, которую предпочитал разным винам.

— Кого бог несет?

Елейный голос раздался вместе с первым ударом колокола.

— Рабы божии просятся на послушание в дом божий, — не задумываясь ответил пулеметчик.

Чеканов прошипел сквозь зубы ругательства, но за благовестом их не расслышали. Ворота заскрипели на ржавых петлях, в калитку высунулась косматая беловолосая голова.

— Рано, божии люди, — послышался голос.

— Издалека, отец, промерзли, — смиренно взмолился Корякин.

— Не с подвохом, слуги божии!.. Отец казначей знает нас.

— Спаси Христос!

Монах отдернул цепь и пропустил гостей.

— Отдохните в гостином подворье, а на прием после утрени, — сказал он, указывая на огороженные от церкви и келий второй стеной ветхие лачужки.

— Прет тебя, святая сволочь, — пустил вслед ему наборщик.

Корякин дернул дверь первой избушки и тяжело повалился на деревянную койку. Мучительная бессонная ночь ослабила его сильное тело. Но Чеканов еще долго пушил нелепые на его взгляд замыслы пулеметчика.

— Да эта черноряская жандармерия как курят повяжет нас и прикончит здесь же! — ворчал он.

— Надо иметь сметку, — отвечал Корякин, прислушиваясь к шуму леса.

Но погоня потеряла след. Проснувшись уже к вечеру, Корякин переговорил с казначеем, и, вернувшись к товарищам, заявил:

— Придется нам натянуть эту вражью одежду, а иначе не выпустят или стукнут в город.

— Вот, я говорил! — загорячился Чеканов.

— Твои разговоры — пустоцвет. Пойми, что тут для нашего дела — лафа. Казначей — жадюга, и я ему уже подзалил насчет плавки леса с той стороны.

— С той?! — подпрыгнул Чеканов.

— То-то и оно... Дадут харчей, снасть и одежонку, а мы и фить!

Наборщик разинул рот, но черноглазый монах с хитрым лицом принес им горшок ухи и монотонно сказал:

— Сегодня к владыке под благословение и разместитесь в кельях, а завтра на божию утреню.

Утром, после завтрака, Корякин спрятал под скучьей наган и незаметно подмигнул товарищам. Десятка три молодых монахов были даны в его подчинение и с топорами и пилами спускались к лодкам. Вода в Енисее шла на убыль и сверкала прозрачностью; на скалах противоположного берега темной стеной стояли нетронутые сосняки.

Черноглазый монах, что приносил пищу новичкам, подозрительно осматривал Чеканова, не скрывающего во взглядах свою ненависть к черной братии. Один из молодых рабочих, которого звали Афоней, улыбался отважному пулеметчику голубыми глазами. Переплеск волн и шум леса как будто будил в нем давно накопленные, рвущиеся к деятельности силы. Второй, смуглолицый слесарь Нифантьев сосредоточенно молчал, думая, может быть, о семье, а может быть, о работе в цехе, которую оставил по поручению подпольного комитета. Нифантьев ценил борьбу партизан, но считал гораздо важнее подготовительную работу среди городских рабочих. К тому же он был потомственным рабочим и мало знал крестьянскую среду.

Лодки скрипуче хрустнули носами по гальке и стали рядком.

— Ну, начинай, братия! — насмешливо сказал Корякин, незаметно подмигнул повеселевшему Чеканову.

По берегу глухо захарчали пилы, затюкали топоры и по покатам полетели к воде золотоствольные сосновые бревна.

Черноглазый монах не отступал от пулеметчика. Украдкой он что-то шептал в длинную с серебряными нитями бороду и записывал в блокнот с кожаными корочками. Вечером, когда с другого берега раздался звон колокола и монахи пошли к лодкам, Чеканов шепнул Корякину:

— Тут до наших не больше дней двух ходьбы и без всякой опаски. Махнем туда!

— А типография?

Наборщик сверкнул маленькими глазами и бессильно опустил руки. Но в то же мгновение сообразил веский довод для пулеметчика.

— Ты думаешь, нас не могут поджидать там фараоны? — сказал он. — Вот только покажись, как они возьмут за хребет.

— Но что же, по-твоему, делать? — Корякин остановился в нерешительности.

— Поспешите, брат, — повелительно сказал из лодки черноглазый монах.

— А мы, брат Евстафий, думаем здесь переночевать и потрудиться ради дома божьего и убиения своей дурной плоти. — Рябое лицо пулеметчика снова приняло смиренное выражение. — Грехи наши велики, брат Евстафий! И казначей, отец Евлампий, повелел переправить бревна до заморозков.

Черноглазый заколебался. Лодки уже отчаливали, качаясь на прозрачных волнах.

— Боюсь гнева владыки игумна, — пробурчал он, очищая от опилок бороду.

— Мы люди еще новые и успеем замолить прегрешения наши, — поддержал Нифантьев.

— Бог вас благословит, — перекрестился монах, — но, согласно приказу владыки, я тоже останусь с вами. — Лицо Корякина исказилось злобой, но он овладел собой и, двинув мохнатыми бровями, сказал:

— Нам еще лучше будет, отец Евстафий.

Вечером снова грустно и напевно зашумел бор. Енисей оделся в темно-серую броню. Белогривые валуны, рыча, запрыгивали друг на друга. За монастырской стеной смолкли звуки колоколов, и только красноматовый фонарь маячил с караульной вышки.

На правом берегу рыжее пламя двух костров взлетело к вершинам сосняков. Золотое руно искр красными цветами осыпало тайгу, прекрасную в своем увядании...

Корякин мешал ложкой и обильно подкладывал в котел желтые куски масла. Брат Евстафий, стоя на коленях и перебирая четки, молился на прицепленный

к дереву образок спаса, а Афоня и Нифантьев расстилали вокруг костра мягкие пахучие пихтовые ветви.

За ужином молча и жадно глотали блестевшую от масла кашу. И так же молча уместились на ночлег.

— Эх, покурить бы! — громко вздохнул Чеканов.

Но Корякин толкнул его под бок и перекрестился для успокоения насторожившегося брата Евстафия.

Большая Медведица повернула рога на полночь, когда Чеканов и Нифантьев были разбужены коротким криком и возней троих. В первое мгновение они увидали, как, кусаясь и извиваясь, брат Евстафий пытался вырваться из рук пулеметчика и Афони.

— Еретики, большевики! — хрипел монах, брызжа слюной. — Бога обманули!

Чеканов вывернул ему руки назад; в руках пулеметчика сверкнул нож...

Через час две лодки спустились на километр и закачались наперерез к темнеющему даже среди ночи шалашу.

Бледной глазурью окрасились стрельчатые горы Саянских отрогов. С севера ревущим стадом зверей понеслись вьюги. Ледяное дыхание осени сразу убило природу. Только тайга еще крепче забронировалась в буйнозеленую хвою и ощетинилась колючими иглами против наступающей зимы.

На мутном небе появилось еще с утра черное облако. Оно расползалось вширь и в длину, принимая форму огромного медведя, тихо шагающего по замутнелой трущобе. И когда остаток неба закрылся тучами, в воздухе вместе с поднятой ветром листвой закружились первые снежинки. В сумерках ветер утих, и снег полетел на землю и на леса клочьями белой шерсти.

Через сутки отряд брел к родным опустошенным степям, к скудным, но все же кормам.

Дорогу мяли лыжники, а за ними, как нечто взрывчатое, Чеканов и Афоня везли на двух пароконных подводах все типографские принадлежности и станок.

— Ну-ка, дай свежую газету! — сказал подъехавший Николай.

Саврасый иноходец пенил удила и бил ногами о заднюю поперечину саней. Читать было неловко, и Николай вытянул газету перед собой. С желтого листа на него глянули крупные типографские буквы заголовка и вызвали улыбку.

— Ты чего? — смутился Чеканов.

— Крупно очень, полстраницы занимает название, — усмехнулся командир.

— А в целом и общем как?

— В общем ничего.

— То-то... Вот Лизутки у нас нет и бумаги слабовато, а то бы утерли им нос. — Чеканов погрозил кулаком завьюженным горам и продолжал:

— Ты почитай, что и как пишут они: «Граждане» да «истерзанная большевиками родина»... Даже слово «товарищ» похоронили к едреной бабушке... А у нас, ты глянь: «Долой собственность и всю капиталистическую канитель! Да здравствует власть рабочих и крестьян!».

Афоня, любуясь на старшего, скалил белые зубы.

Сбив мелкие посты казаков, отряд разместился в трех подтаежных деревнях. Штаб снова устроили в Соболевке. Николай подъехал к походной типографии уже в сумерках и, соскочив с седла, вошел в избу.

— Ну, как дела со следующим номером? — спросил он, отряхивая с шапки липкий снег.

— Материалу нет, — замахал руками наборщик. — Когда была Лиза, то совсем по-другому наворачивали.

Николай поморщился, но быстро овладел собой. Он подошел к Чеканову и положил руки на плечо.

— Я говорил с ячейкой, и мы пришли к соглашению, что редактором надо поставить товарища Нифантьева. Он агитатор и вообще хороший общественник... А в помощь ему дадим учителя Ложкина... Как ты смотришь на это?

— Да хоть кого-нибудь! — развел руками наборщик. — Только предупреждаю, что на наборе, метранпажем и на выпуске — я один... Так что выпущать придется в неделю раз.

— И то хорошо... А вот теперь скажи, как быть с этим материалом? — Николай вытянул из кармана объемистый сверток бумаги и выложил на его стол, лукаво улыбаясь.

Наборщик широко открыл серые глаза и в недоумении взглянул на командира.

— Латинские буквы! — воскрикнул он. — Откуда это?

— Пленные чехи, брат, пишут своим письма. Но как их перевести? Они и фамилии свои поставили... Вот смотри... Юшек, Гашек и так далее... Хорошо бы перевести на русский.

Чеканов быстро прошел в темный угол избы и оттуда, хлопнув себя по лысеющему лбу, крикнул:

— Ах ты, Юзя, Юзя! Ведь если бы он был, то раз чихнуть это дело... Ты их-то спрашивал?.. Может быть, они сами наберут... Дай мне паренька, который толмачит по-нашему, а я попробую натаскать его, как Юзя делал шрифт... Тогда мы можем в одну же газету пустить русское и чешское... Это будет еще покрепче.

Николай покачал головой и уже с порога сказал:

— Войска казачьего старшины Рельева занимают хутор Лысых, и особенно зазевываться не стоит.

Погруженный в раздумье, Чеканов не расслышал этих слов. Но вечером ему принесли записку из штаба, к которой было приложено обращение к рабочим депо. Оригинал был написан рукой Николая, и конец его гласил:

«Товарищи рабочие! Белогвардейские банды с наемными иностранными войсками отступают на восток, теснимые Красной Армией и повсюду восстающими рабочими и крестьянами. Банды эти стараются как можно больше захватить с собой добра, принадлежащего трудящимся Советской республики. И наш долг помешать этому. Товарищи рабочие депо! Пришел час взяться за оружие и вам. Ждите нашего сигнала и выступайте против жадной своры. Ни одного паровоза врагам революции!».

Чеканов дочитал обращение и ногтем подчеркнул слова «выступайте против жадной своры».

— Что это? — спросил его Нифантьев.

— Слабо сказано! — сплюнул наборщик. — Надо прямо писнуть: «режь, мол, эту погань!».

Железнодорожник рассмеялся, но задумался над некоторыми неуклюжими оборотами речи обращения.

— Поместить в газете и напечатать отдельно! — сказал он и подчеркнул заголовок.

Голая, мертвящая унынием осень посылает целую рать ветров. На первый снег с гор срывается злая буря, не желая уступать место пышно-белой зиме. С запушенных лесом еланей молодой снег вздымается столбами и как бус в мельничном амбаре кружится между небом и землей.

О приближении людей со стороны Соболевки Кирьяна Ивановича Лысых известил табунок конского молодняка голов в десяток. Задрав хвосты и фыркая красными ноздрями, полудичавшие жеребята чуть не сбили его вместе с верховым конем и, взлягивая, пустились к хутору. Кирьян Иванович приложил руку ко лбу и из-под ладони начал всматриваться в темь

сосновой чащи. Затем он шевельнул саврасую поджарую кобылицу, только что подаренную ему белым офицером, и поехал к лесу, откуда вылетел табунок. Мысли Лысых плелись, как нити на мотовиле. Он думал о том, что на днях нужно будет обучать четырех из этих резвых жеребят, и в то же время тревожили сердце партизаны.

«Сказать правду или не сказать?» — мучил он себя вопросом.

Кирьян Иванович понимал происходящее верно. Когда партизан оттеснили в тайгу, он немного смелее поговаривал с соседями о том, что вся затея красных — пустое дело.

— Ведь там оружие и вся ученая сила, а эти с березовой палкой, — заключил он. — Да хуж бы красная и взяла верх, то по ее программе народ не пойдет, потому там сноровному хозяину зарез, а лодырю и забулдыге — лафа.

— Почему так объясняешь, Кирьян Иванович? — возражали сторонники партизан. — Кажется, рабочие и крестьяне не враги своему брюху.

— Каки крестьяны... Там про настоящих-то хозяев говорится и черт знает што... Сейчас сулят поросенков в сметане, а можа, преподнесут ободранную крысу.

Вспомнив эти свои вины, он решил замазать их перед партизанами. Приглядываясь и прислушиваясь к тревоге белых, Кирьян понял, что время действовать во спасение себя. Кирьян Иванович давнул каблуками бока кобылицы и утерялся в хвойном лесу. Но ехать ему пришлось недолго. Около разворошенного жеребятами стога сена десятка два лыжников поднялись с винтовками наготове.

— Стой!

Лысых спрыгнул в мягкий снег и притворно заулыбался.

— С донесением, товарищи! — нарочито развязно замахал он руками.

— А ты не брызжись слюной-то, — осадил его Корякин. — Какое донесение?

— Насчет мово хутора, стало быть... К примеру, ежели товарищ Потылицын желает попользоваться добром, то мешкать некогда. Сотня томских гусаров там стоит... А кони-то прямо зверье, и седло к седлу...

— Это мы знаем, а ты говори по-русски! — перебил Корякин. — Пулеметы есть?

— Два, кажись, — растерялся Кирьян Иванович.

— То-то — два... Где они помещаются?

— Один на базе, другой на теплой конюшне.

Кирьян Иванович выволок полный кисет с табаком и подал его протянувшему руку партизану. А Корякин подумал и сказал:

— Корми кобылу, гражданин Лысых!

— Она сыта... Зачем это?

— Без нас не поедешь домой!

Кирьян Иванович присел и часто замигал глазами.

Из-за больших деревьев выезжала кавалерия, впереди иноходил Николаев савраска. Пехота подтягивалась по промятому следу. Сумерки дышали жутью, и Лысых невольно ощущал запах крови, как будто он резал овец у себя под навесом.

Быстро раскинувшись в цепь, часть пехоты двинулась на тракт в обход хутора, а лыжники прошли вдоль Барзаначки, оставляя извилистые росписи следов на молодом снегу.

Привалившись спиной к стогу, Лысых слышал, как Николай отдавал распоряжение Корякину:

— Вот тут газета и листовки... Твоя задача — пробраться в депо и подбросить это там... А если дело у них на мази, то можешь не являться обратно, а заверни покруче там.

— Какой пулемет-то взять? — хрипел Корякин, озираясь на Кирьяна Ивановича.

— Бери ручной.

Оставшись с подводчиками и одним взводом кавалерии, Кирьян Иванович сидел в каком-то оцепенении. Зубы его стучали, как дождевые капли о крышу, а ноги сводила судорога. С ним никто не разговаривал, только оставшиеся кавалеристы зорко присматривали за пленником и покуривали из рукавов.

Буря к полночи усиливалась. Лошади подводчиков трещали сбруей, копытили снег и чесались мордами об оглобли. Стог быстро исчезал, растаскиваемый ямщиками.

Кирьян Иванович вздрогнул, когда около хутора рванулись залпы, глухие, как под землей. Вскоре оттуда донеслись крики людей, и все быстро смолкло. Но взору подводчиков и Кирьяна Ивановича представилось дикое зрелище. Среди непроглядной темноты взметнулись ввысь красногривые молнии, а затем выбросилась охапка пламени и над заимкой закружились вороны с огненнокровавыми языками. Люди молча и беспокойно наблюдали происходящее, не зная еще в чем дело. Но через полчаса прискакал ординарец и простуженным голосом закричал:

— Подводчики, вперед! Зацепили сто пленных со всем гамузом, только два офицеришка убежали и подожгли хутор, гады!

Лысых совершенно забыл, что можно уехать на саврасой. Он сорвался с места и как обезумевший побежал. Снег сыпался ему за голенища валенок, а впереди, корча птичью физиономию, взад пятами уходил от него Зубарев-Плетунов.

— Зубами загрызу, сукин сын! — бормотал он.

Кирьян Иванович не забывал главного, что гнало его к хутору. Вокруг догорающих построек бегали люди, выкрикивая что-то тревожное, а в стороне стояли кучкой пленные гусары, окруженные сильным конвоем.

Лысых пробрался к пылающему амбару и ударился грудью в дверь. Подгорелые изнутри доски провалились, и на двор вылетел огненный сноп.

— Куда тебя черти несут! — закричал Николай.

Но Кирьян Иванович ринулся вперед. Крыша амбара обвалилась, и от потолков поднимался черный густой дым.

— Сдох! — сказал Николаю подошедший Чеканов.

— Шкура с него колечком! — ответил кто-то сзади.

В это же мгновение огненная пасть обратно выхаркнула Лысых. Шапка, шуба, валенки и борода его дымили, как зажженная навозная куча. Он упал грудью на туго набитый мешок и глухо захарчал. Партизаны обступили кругом Кирьяна Ивановича и быстро раздели.

— Ишь, флюст, сколько накопил денег, — рассмеялся Чеканов, вытряхивая из мешка обгорелые керенки и колчаковки.

— А берег-то где.

— Ну теперь не будет финтить вашим и нашим!

Сквозь мутные облака прорезывался рассвет. Хутор догорал. За прижатой льдом Барзаначкой табунился скот Кирьяна Ивановича и жалобно завывали собаки вперемежку с женскими голосами.

На станции беспрерывно маневрировали новые составы. Перрон, буфет и свободные пути заливала серая людская масса. Выхоленные чехи волновались в ожидании посадки — озирались на депо. А в толпе оттесненных женщин навзрыд, бесстыдно вырывались голоса:

— У, жеребцы стоялые! Отожрались на русском хлебе!

— Так вас, значит, тоже не берут?

— Сволочи они оказались! Все мужчины негодяи!

— Не гонялись бы как суки! — гремели откуда-то из-за угла. — Обождите, они вас в мешки завяжут, лахудры потасканные, и где-нибудь спустят, как на Суховейном разъезде.

— Так и надо!

— Да правда ли, что на Суховейке нашли?

— А то как же... Около сотни баб, завязанных в мешках, и окоченели как шивяки.

Войска казачьего старшины Репьева косились на чехов и сквозь зубы цедили злобу:

— Изменники, сволочи!.. Подложить бы пироксилиновую шашку или запустить из пулеметов!

— Приказу нет.

— Вешать мужиков и рабочих так есть приказы!

— Те и другие христопродавцы... Нам, кажется, только и остается на нагайке и веревке выезжать.

И под весь этот шум в квартире начальника станции ожесточенно спорили Репьев и Прахаль. В коридоре около входных дверей чешские офицеры сторожили в ожидании развязки.

— Вы должны остаться, — заискивающе и в то же время угрожающе говорил Репьев. — Неужели наши братья чехи не чувствуют себя ответственными за муки России, этой старшей сестры, раздираемой предателями и отбросами какого-то Третьего интернационала!

Репьев грузно сидел, облокотившись на стол, а полковник Прахаль стоял у окна и задумчиво смотрел на кишащий людской водоворот.

— Я последний раз, генерал, прошу дать под чешские части эшелоны и добрые паровозы! — ровно, но настойчиво отвечал он командующему внутренними силами Сибири.

— Но у меня нет приказа верховного правителя, и наконец, я имею или нет право распоряжаться войсками на вверенной мне территории?

Широкие голубые глаза Прахаря насмешливо сцепились с выцветшими Репьева.

— Никакого права ни вы, ни ваш верховный правитель не имеете. Русский народ вас голыми руками придушит, если уйдут все иностранцы... У меня есть приказ генерала Гайды. Ваше дело проиграно. — Прахаль подошел к столу и развернул перед генералом партизанскую газету. — Это отголоски Москвы... Здесь есть и воззвание наших чешских большевиков... Поймите, что я не могу допустить полного разложения вверенных мне частей... Их нужно вывести из большевистского гнезда и дисциплинировать.

— Лучшая дисциплина будет, если вы их двинете сейчас же на отряд Потылицына, который снова обнаглел и угрожает этой станции и даже городу.

— Я не могу с вами спорить! — вырвалось у Прахаля. — Завтра к восьми часам вечера мы должны уехать.

— Вы не получите составов, — робко возразил генерал.

— Мы их возьмем!

Чешский полковник звякнул шпорами и, оставив русского генерала, вышел из квартиры.

К вечеру все проходящие пассажирские и товарные поезда были разгружены на станции Брусничной. Ошеломленная толпа высаженных людей с бранью разбредалась по поселку, теснилась в буфете и перла к вагонам, откуда ее отгоняли чешские штыки. И всюду слышалось:

— Назад! Куда, русский скот! Я чешский комендант

И люди снова отступали, ища вынужденный ночлег на станции, зараженной тифозными вшами.

Оставив лошадей и пятерых кавалеристов с пулеметами в лесу, Корякин наложил на подводу листового табаку и мешок муки. Он въехал в поселок по заимочной дороге, откуда нельзя было ожидать нападения партизан. В первой улице пулеметчик завернул к молодому слесарю Карасеву, квартирующему в маленькой избушке, и быстро переоделся в тулуп железнодорожника.

— Ну, как Ковалев? — спросил он, имея в виду секретаря подпольного комитета.

— За него теперь я.

Корякин даже в полумраке избы заметил, как молодое тонкое лицо слесаря исказилось злобой.

— Максима повесили на столбе, — шепнула от печи полногрудая жена Карасева.

— Повесили? Когда?

— Третьего дня семь человек из депо выдернули, — вздохнул слесарь. — Тут брат такая собачья свадьба, что и подумать страшно. На вас надежда.

Корякин стукнул ладонью по коленке собеседника и потянул из-под лавки куль с газетами.

— Ночная смена работает?

— Теперь даже три смены, — ответила женщина. — Гонят работать плетьми и расстрелами.

— Ну так вот, давай чего-нибудь проглотить — и айда в депо.

— Это придется проносить частями, — указал глазами Карасев. — Вот вовремя... А мы к завтрашнему готовим выступление и боялись, что вы не поспеете на подмогу.

Через час два человека с туго набитыми кошелями выпрыгнули из паровоза, входившего на ремонт в депо. Трубы вышек заслоняли свет, падающий от вокзала, и людям нетрудно было скрыться от караула в толпе сменяющихся рабочих. В это же время в руках проходивших белыми птицами замелькали листовки. В сутолоке выкрикивал подговоренный Карасевым разносчик:

— Свежая газета! «Свободная Сибирь»! Иностранные государства признают адмирала Колчака верховным правителем всей России!

— Ловко! — посмеивался Корякин, разбрасывая в толпе свою литературу.

А через час, когда станки, молоты и машины затянули неизменную стальную песню, Карасев провел пулеметчика темным коридором в один из сломанных паровозов и торопливо шепнул:

— Мажь лицо угольной пылью, нам придется здесь провести экстренное совещание революционного комитета... Вот клещи и ключи, развинчивай пока гайки.

Корякин поправил около бока ручной пулемет, сильно натянувший ему плечо, и остановил слесаря:

— Нет, ты обожди... Это дело, знаешь, мне не причем, а ты дай половчее ребят, которые пусть присмотрятся, где у них стоят орудия, пулеметы и сколько их, — понял?

Карасев махнул рукой и теневой стороной побежал в слесарный цех, а пулеметчику из темной утробы паровоза было видно, как около завывающих токарных станков, около наковален и локомотивов люди украдкой читали маленькие листовки, серьезно переглядывались, передавая дальше обращение партизан.

На каланче ударило два часа, когда в топку заброшенного паровоза поодиночке потянулись люди. Они оглядывались по сторонам и неслышно, как тени, исчезали внутри искалеченного механического богатыря. Люди говорили шепотом. Через час их набралось больше десятка. С вокзала все еще доносились крики толпы и грохот спешно уходящих поездов.

— Товарищи, через два часа будут наступать партизаны, — бросали всем приходящим Корякин и Карасев. — Броневик генерала Репьева испорчен! Нападать

на помещение службы тяги и крайний состав, где орудия и пулеметы!

Из-за грохота машин не все сразу расслышали стрельбу. Но Карасев и Корякин первыми бросились к условленному окну. Из темноты с противоположного хребта подавали огненный сигнал. Залпы трещали все сильнее, напоминая запаленное густое жнивье. Услышав, наконец, знакомый стук пулеметов, Корякин толкнул Карасева под бок и громко закричал:

— Давай тревогу!

Они не успели отбежать от окна, как вплотную столкнулись с пробравшимися в депо новобранцами, сбежавшими от белых. Карасев подался назад, но Корякин удержал его.

— Свои, свои! — воскликнул молодой солдат. — Товарищи, бейте стражников! — Он бросился первым к входным воротам, в которых уже появились охранники и казачий взвод. Но страшно зарычавший гудок и выстрелы отбросили белых. В депо задрожали окна и стены, когда Корякин, положив на один из станков ручной пулемет, дал две очереди.

Станки оборвали свою песню, а залпы охранников порвали в депо электрические провода. Озлобленная, давно готовая к боям масса железнодорожников ринулась за пулеметчиком.

Они бежали туда, где, цепляясь за ступеньки вагонов, карабкаясь на их крыши, падая под колеса, в воплях и судороге мешались толпы военных и штатских белогвардейцев. А из-под насыпи, как из-под земли, вылетали другие, пришедшие из тайги через крутые перевалы, которых боялись одни и давно ждали другие.

Перрон опустел. Вслед уходившему последнему поезду трескотно били захваченные Корякиным десять пулеметов. И когда на рассвете замолкла канонада, прокопченные дымом, смолой и мазутами деповские и партизаны окружили на площади орудия. Слезы радости и тяжелые слезы горя по утраченным своим текли на измученных потемневших лицах женщин. В средину пробрался Николай на иноходце и зычно крикнул:

— Товарищи, укрепляемся в депо и на станции!

И все поняли, что бездействовать некогда, что из городов запада и востока каждый час могут прибыть свежие силы и снова занять станцию.

Перед судом Лизу перевели из больницы в тюрьму и поместили в камере политзаключенных. Раны ее подживали, но она еще слабо передвигалась на ногах. Старые большевики—мужчины и женщины—окружили ее заботами, как могли. Но и здесь вместе с ожиданием желанных событий все дни и ночи чувствовалась растерянность, неуверенность в каждом последующем часе. Все знали, что ночью придут анненковцы или розановцы и сначала поставят на дверях намеченных одиночек меловые кресты, а через час прозвенят шаги со шпорами, и одиночники уже не вернутся.

За месяц Лиза присмотрелась и изучила быт колчаковской тюрьмы так же серьезно, как изучала и раньше все окружающее. И постепенно она свыклась с мыслью, что не сегодня-завтра придет ее черед. И лишь перед рассветом, когда каратели уводили обреченных и захлопывалась коридорная дверь, на нее нападали тоска и обида за потерянную личную и общественную жизнь. В приливе этой неминуемой жалости к себе она обвиняла Николая и за то, что он не был настойчив в своих предложениях совместной жизни, и за то, что не остановил ее от этой поездки. Но это личное жило в ней недолго. Лиза боялась сонной тишины и одиночества, она совершенно не выносила их. А с подъемом, когда и в тюрьме начиналась жизнь, она снова вносила бодрость и свежесть в эту мрачную могильную обстановку, она часто пела революционные песни, когда другие, доведенные до полного отчаяния и изнеможения, не желали поднимать глаз на свет, мерцающий под потолком камеры. После разгрома станции Брусничной к ней подошла рослая старуха, бывший редактор губернской газеты «Дело рабочего» и, улыбнувшись темными большими глазами, сказала:

— От вашего командира Потылицына записка.

Старуха развернула трубочку из бумаги, которую катала в ладонях. На бумажке четким почерком Николая было написано:

«Милая родная Лиза!

Готовьтесь, скоро увидимся. Береги себя и товарищей. Поставил белым условие: освободить за тебя их них пять женщин... Думаю, что на суде они сделают тебе смягчение».

Старуха печально и улыбчиво смотрела на молодого редактора.

— Вы любите его? — мягко спросила она, когда Лиза с неохотой рвала записку.

— Да, мы хотели пожениться, но мешала эта борьба и нехорошо было бы перед товарищами партизанами...

— Ну и глупо, дети мои! — вздохнула старуха. — Эти аскетические предрассудки чужды марксистам... Но дело теперь не в этом... Ты знаешь или нет, что за расстрел белых офицеров партизанами на днях вывели в расход всех членов губернского исполкома?

— Да что вы, товарищ?!

Лиза откинулась головой к серой стене, и синие ее глаза будто вросли в морщинистое лицо старой большевички.

— Это вполне понятно, — продолжала старуха. — Партизаны и рабочие остановили железнодорожное движение, а Красная Армия уже движется к Томску... Я предполагаю, что участь наша тоже будет решена на днях.

Лиза брезгливо рассматривала поднятую в ложке капусту, когда в окошко глянула усатая физиономия надзирателя и звякнул замок.

— Партизанка Пухова, на суд! — послышался низкий голос.

Она быстро застегнула халат, как будто собиралась на волю и весело оглянула поднявшихся с нар худых, бородатых, потемневших людей.

— Ну, мужайтесь, голубушка! — по-старчески, как мать, поцеловала ее старуха.

— До свидания, товарищи!

Лиза высоко взмахнула руками, будто хотела улететь, и направилась к выходу.

Над городом летела от Ледовитого океана вьюга. Снежные хлопья белой пеной облепляли крыши домов, окна и лица прохожих.

Лиза задохнулась от холодного воздуха и не заметила, как отстала от передних конвойных.

— Шагай, шагай, красномордая! — ткнул ее прикладом задний казак.

— Да... По тайге, поди, ловко прыгала! — презрительно бросил другой.

Она не могла оглянуться, но по топоту копыт догадывалась, что в сопровождавшем ее конвое больше десятка вооруженных людей.

С крыльца женской гимназии и с балкона учительской семинарии за процессией наблюдали сотни молодых глаз. Два-три лица Лизе показались знакомыми, но она опустила голову и смутно, плохо отдавая себе отчет, подумала: «Паршивые, будущие чиновники!»

Взгляды девушки больше привлекала городская суетня военных и осторожные наблюдения за ними просто одетых людей. Пока они шли до штаба контрразведки, навстречу все время тянулись военные подводы с продовольствием, тачанки с пулеметами, одноколки и ши-

карные сани, из которых пугливо выглядывали завернутые в дорогие меха выхоленные лица женщин.

— Значит, правда отступают? — не выдержала Лиза.

Последний казак свирепо оглянулся и погрозил нагайкой.

— Молчать, курвин род!

Но Лизу одолевал смех. И когда села за желтый барьер на скамью подсудимых, ясными глазами осмотрела людей в защитных блестящих мундирах. Люди эти напоминали ей давно приезжавших в их село шарлатанствующих комедиантов, напускающих на себя серьезность и чопорность.

Это тоже комедианты капитализма, — думала она. — Но те безобидные и обирают только деньги, чтобы кормиться и пропивать, а эти пропахли человеческой кровью.

Люди в мундирах, пожилые, плешивые, с красными и серыми от перепоя лицами в свою очередь рассматривали красивое лицо страшной для них преступницы. И мундирные судьи, казалось, не верили, что эта изящная девица сделала так много для разложения белой власти и для упрочения класса, с которыми связала свою судьбу.

С места поднялся небольшой человек с блестящей лысиной на затылке и с тремя георгиями на груди. Лиза ожидала хрипатый, пропитый голос, но он послышался чистым и мягким.

— Господа, заседание экстренного военно-полевого суда считаю открытым. Вниманию вашему предлагается слушание дела учительницы Елизаветы Павловны Пуховой, происходящей из крестьян Пуховской волости, обвиняемой в участии в банде Потылицына как одной из видных главарей и редактора погромной газеты «Плуг и молот», кроме сего уличенная в подстрекательстве нижних чинов местного гарнизона и захваченной на месте преступления при похищении бандой упомянутого Потылицына губернской типографии.

Широкие скулы калмыцкого лица генерала дрогнули. Он торопливо поправил пенсне и пробежал черными глазами по лицам замерших конвойных.

Делопроизводитель начал чтение обвинительного заключения. Лизе все это было знакомо до безразличия, и она рассеянно стала рассматривать сидящих в зале военных, пока не встретилась глазами с птичьей физиономией. Сначала она забыла, где встречала его. Но Плетунов-Зубарев растянул безусый выпуклый рот в злобной улыбке и дернул плечами. Лиза повернулась к судебным заседателям, тошнота подступала от груди к горлу. Ей захотелось дико растоптать его, как гадюку, подползшую внезапно. Делопроизводитель кончил чтение обвинительного материала и сел на место.

— Подсудимая Пухова!

Лиза поднялась с места и чуть заметно улыбнулась, глядя в мертвоскуластое лицо председателя суда.

— Признаете себя виновной в содеянном? — Генерал наклонился через стол и налил в стакан воды.

— Да, признаю... Но!.. — Лиза выпрямилась во весь рост и будто только теперь поняла, как смертельно ненавидит этих своих палачей, совершающих ненужный, жестокий обряд. — Да, признаю и прошу поскорее кончать!

Судьи, вздрогнув, повернули в ее сторону головы.

— Сколько вам лет? — спросил широколицый маленький прокурор в длинном френче и с белесым ершом на голове.

— Восемнадцать, но... разве это важно? — Синие глаза Лизы смеялись злобой. Она села, откинулась на спинку скамьи и остановилась взглядом на люстре, привешенной к голубому потолку залы.

Суд допрашивал Плетунова и солдат, бывших при столкновении на типографском дворе, но Лиза уловила осмысленно только заключительное слово защитника. Он говорил:

— Вину подсудимой не могут смягчить никакие обстоятельства, кроме тех, что она женщина и к тому же несовершеннолетняя.

«Ух, какой мерзавец!» — думала она.

А когда ей предоставили последнее слово, то коротко ответила:

— Прошу не считать, что я несознательно... я работала и билась с вами убежденно... Это пошлость говорить, что дело рабочих и крестьян — преступление или вина.

Синие сумерки тихо опускались на город, когда конвойные подвели ее к тюремным воротам. «Ввиду несовершеннолетия — двадцать лет каторги», — четко звучали слова председателя суда. И когда камера захлопнулась тяжелой скрипучей дверью, бросилась на шею старой большевички и беззвучно зарыдала.

На двух броневиках и следующем за ними поезде развевались бело-зеленые бархатные знамена с надписью: «С нами бог и атаман».

Оставив в пяти километрах поезд, броневики открыли ураганную стрельбу из пулеметов и тихо двинулись на Брусничную. Стальной град сыпался на десятки верст во все стороны, срезая мелкие кустарники, засевшие в выемках и по склонам таежных гор. Мимо броневиков падали снаряды из трехдюймовок, но механические чудовища были неуязвимы.

Николай нашел Корякина и Чеканова в депо около пулеметов и надорванным голосом крикнул:

— Отступайте в темную падь, вон той разложиной... Я уже распорядился сплавить туда орудия и все наши части... Ваша задача — задержать противника на полчаса.

Николай повернулся, но нечаянно взглянув на Чеканова, вспомнил:

— Запасные номера газеты есть?

— Есть с полсотни!

— Возьми человек пять ребят и расклей на станции!

Николай подхватил поперек винтовку и покатился с насыпи вниз, следом за остатками пехоты.

Анненковцы, заняв пустую станцию, не остановились на ней, а ограничились поджогом поселка и уехали на восток. За ними прибыли отступающие части армии генерала Сахарова и Каппеля. Голодный тиф погнал людей в окружающие деревни за хлебом. Солдаты белой армии разбредались с оружием в разные стороны.

Пользуясь этим, Николай в конце декабря снова двинул отряд и в один день занял две станции. Бегущие войска Каппеля повернули на северо-восток. Части партизанского отряда растворились в неудержимом потоке полубезумевших людей. На Брусничной копились свалы разного оружия и огнеприпасов: оружие растаскивали крестьяне по деревням. В то же время по пути следования белая армия жгла селения, наголову уничтожала скот, угоняла лошадей, забирала хлеб. Частые перестрелки косили людей заодно с тифом.

Полуразбитый «декапод», пыхтя огненными ноздрями, тащил десятка два вагонов обратно к городу и, останавливаясь на каждом полустанке, дожидался, пока телеграфисты и телефонисты настраивали прерванные провода.

На пятой станции Николая попросили к прямому проводу. Побледневший старик телеграфист держал в трясущихся руках узкую ленту и робко заглядывал в обмороженное лицо командира.

— Ну, что? — строго спросил Николай.

— Здесь что-то непонятное... Вызывают вас, видимо... Потылицын вы?

— Да, ну скорее!

Лента покатилась из рук телеграфиста. Он откинулся к стене и растерянно смотрел на толпившихся сзади партизан.

— Там, видимо, неладно... Просят задержать какой-то поезд и подать помощь.

Николай взял ленту и передал ее взятому с Брусничной телеграфисту.

Тот прочел:

«Мастерские восстали. Идут бои. Окажите помощь. Задержите эшелон смертников-большевиков, эвакуированных на восток. Революционный комитет Червонный».

Николай тряхнул за плечи старика и начал диктовать:

— Говорит командир партизан Потылицын. Держитесь стойко. Двигаю весь отряд...

Но на перроне зазвонили выход со следующей станции, и он, оставив аппарат, выбежал на улицу. С запада тянул леденящий ветер, пробрасывая сжатые мелкие крупинки снега. Под ногами хрустело, как капуста под ножом.

— Закрыть семафор! — распорядился он, вызвав начальника станции.

В поле свирепствовала метель. Холодным ветром палило лица, давно обмороженные в ночных дежурствах и переходах. Над головами сердито пели телеграфные провода. Охватившая все пристанционное население весть гнала людей навстречу чудовищному поезду, на тревожные свистки паровоза. А поезд остановился далеко за поселком. Он изогнулся красным туловищем и, звеня буферами товарных теплушек с пломбами у дверей, завернул на высокий подъем. Из окна паровоза выглянула черная физиономия машиниста, затем из классного вагона, погружаясь в снег, цепочкой посыпались серые фигуры военных.

Николай сам подал Корякину ленту с патронами и дрожащим голосом торопил:

— Скорей закладывай!

Пулеметы застрочили жуткие очереди. И люди в длинных шинелях, кувыркаясь в снегу, застывали под дикую песню усиливающегося ветра. Уцелевшие бежали в сторону без ответных выстрелов. И только один черноусый офицер, не спрыгивая с площадки, вытянулся, как на параде, и направил наган на Николая.

— Товарищ Потылицын, что твой брательник, Ганька! — закричал сзади Николая один из партизан, вытянув вперед винтовку.

Николаю вспомнился иркутский бой с юнкерами и карательный отряд атамана Красильникова, а особенно убийства крестьян и рабочих на станции Брусничной. Забыв опасность, он бросился к брату, которого давно и смертельно ненавидел. Но жгучий толчок в левое плечо отбросил его назад, на зыбкий наносный снег. Сквозь кровавые круги он видел, как на вагон с ревом кинулась разъяренная толпа. Сознание не покинуло его даже в тот момент, когда сдернутая фигура брата, описав в воздухе полукруг, была затоптана в снег партизанами и подбежавшими рабочими станции. Толпа срывала пломбы и, разбивая двери, выпускала на волю истомившихся голодом, страхом, духотой и грязью смертников. Николая отнесли в буфет, и над ним склонилась женщина с бледным лицом и впалыми, синими глазами.

— Лиза! — шепнул он, пытаясь подняться.

— Спокойно, Коленька!

Смахнув слезы, она помогла доктору раздеть раненого и худая, надломленная, но как всегда живая, деятельно принялась спасать человека, самого необходимого в жизни и борьбе.

От мороза трещали земля и лед. В холодных помещениях, в большинстве с залепленными газетами окнами, в оживающих заводах закладывались формы нового. А по улицам нескончаемые подводы собирали откопанные из снега трупы людей и лошадей, скошенных железом, тифом и голодом. Санитары отгоняли камнями от падали обнаглевших собак и воронье. И там, где недавно еще шиковали по бульварам блестящие офицеры с изысканными дамами, теперь оставшиеся в живых, обезумевшие, всеми брошенные, породистые красавицы лошади, обгрызали с замерзших тополей кору и ветви. Лошади падали на тротуары, посредине улиц, а за державшимися еще на ногах охотились приехавшие из деревень мужики. Но наперекор смерти вдруг раздавались бодрые звуки духового оркестра и революционные песни. Другие люди, обросшие волосами, обмороженные и страшные в своем изможденности и решимости, шагали на распиловку дров, на поправку мельниц, на добычу пищи для населения и армии.

Николай сидел на больничной койке и разговаривал с Чекановым и Нифантьевым, только что вернувшимися с заседания губревкома. Чеканов кусал ус и рассматривал побледневшее лицо командира, а степенный Нифантьев с расстановкой говорил:

— Из нашего отряда формируется особая партизанская дивизия. Сегодня реввоенсовет Пятой армии отдал приказ о назначении тебя командиром, а меня комиссаром этой части... Поправляйся, и нужно скорее за дело.

— Когда отправляемся? — спросил Николай.

— В ближайшие дни.

По быстрому стуку шагов на парадной лестнице все узнали, что идет Лиза. И, действительно, она вбежала с болтающимися из-под платка заиндевелыми волосами и, сбросив около порога желтый полушубок, подошла к Николаю. В ее округлившихся глазах и на обострившемся лице горела какая-то новая радость.

— Товарищи! Коленька! — она все еще задыхалась от воздуха. — Реввоенсовет Пятой постановил продолжать издание нашей дивизионной газеты, и типография со всем прежним штатом пойдет с нами. — Лиза нежно провела рукой по выбритой голове Николая и легко присела на край койки. — Первый номер приказано готовить сейчас же, только название меняется.

— Как? — вскочил Чеканов.

— А так... Оказывается, газета «Плуг и молот» давно издается в России, ну мы и решили дать название нашей «Красный боец», я думаю, что это будет правильнее, потому что теперь наш орган будет обслуживать только бойцов, а для рабочих и крестьян организуются большие газеты, например, «Сибирский рабочий» и так далее.

Наборщик прошелся по комнате, раздумывая над случившимся, а Лиза, захлебываясь, продолжала:

— Сегодня председатель реввоенсовета взял у меня два комплекта «Плуга и молота», знаете для какой цели?... Он говорит, что пошлет один из них товарищу Ленину, а другой в музей революции...

— Вот это номер! — взмахнул рукой Чеканов. — И правда хорошо!.. Пусть-ка хоть один какой-нибудь партизанский отряд похвастается газетой... Да ежели мне голову не оттяпают, то обязательно напишу, как мы стряпали ее. Это, брат, тебе не «попранная большевиками-разбойниками родина», а «вся власть рабочим и крестьянам!»

Он описал рукой в воздухе фигуру и, схватив шапку, крикнул с порога:

— Пойду в типографию!

— Молодец! — любовно сказал Николай, когда наборщик хлопнул дверью.

А Лиза уже хлопотала за чаем, перестилала постель и рассказывала Нифантьеву:

— Перед самой отправкой в вагоне «смертников» этот Плетунов два раза налетал на тюрьму с казаками и старательно искал меня. Но товарищи каждый

раз придумывали какой-нибудь новый способ. Два раза я спасалась в больнице, один раз подкупленный надзиратель посадил на ночь в свою комнату и сам отлучился под предлогом болезни. И в эту ночь вывели старуху да еще десять крупных работников. А на суде определенно помог ваш ультиматум, напечатанный в нашей газете. А куда девали этих женщин-заложниц? — спохватилась она.

— Они остались в Брусничной, кажется, — зевнул Нифантьев.

Партизанская дивизия с двумя сотнями пулеметов и орудиями прибыла в Забайкалье и на второй же день вступила в бои с остатками колчаковцев, семеновцев и пепеляевцев. Влитая отдельным звеном в Пятую и народно-революционную армию, она теперь получила возможность построить у себя политико-просветительный аппарат. Лиза заведывала культпросветом дивизии и редактировала газету «Красный боец». Газета с каждым днем увеличивалась по размерам и тиражу.

В начале марта Лизу вызвали в реввоенсовет Пятой Армии, и председатель, развернув «Красный боец», спросил:

— Товарищ Пухова?

— Да.

— Скажите, кто пишет вот эти воспоминания об организации и деятельности вашего отряда?

Лиза взглянула на подвал, отделенный жирной чертой, а затем в улыбающиеся глаза председателя реввоенсовета. В первую минуту ей показалось, что газета чем-то провинилась, допустила политическую ошибку. Щеки Лизы вспыхнули ярким румянцем:

— Это отчасти наборщик Чеканов, отчасти я и командир дивизии. А что?

Председатель протянул через стол руку и крепко пожал плечо Лизы. Его черные большие глаза одобряюще замигали.

— Прекрасный материал! — продолжал он. — Вы сами, очевидно, не подозревали какую огромную услугу оказывают эти статьи вопросам воспитания Красной Армии и нашей тактике в настоящей и будущей борьбе с контрреволюцией!

— Ну, товарищ! — смутилась Лиза от неожиданной похвалы. — Это просто для напоминания ребятам нашей дивизии.

— Это и важно, — усмехнулся председатель. — Вы забываете, что в нашу армию вливаются ежедневно новые, еще невоспитанные бойцы, которым опыт и примеры партизан помогают ориентироваться в борьбе с остатками белобандитов.

Лиза смотрела на него широко открытыми глазами и, казалось, все еще сомневалась в серьезности этих слов.

— Продолжайте в этом же духе. — Председатель поднялся со стула и провел ладонью по гладко выбритой голове. Был он высок, сгорблен и совсем не напоминал вымуштрованного военного человека, а глубокие морщины на выпуклом лбу свидетельствовали скорее не о старости, а о преждевременной усталости этого человека.

— Командир Потылицын ваш муж, товарищ Пухова? — неожиданно спросил он.

Лиза снова вспыхнула.

— Да... Но недавно стал...

— Ну и что же, прекрасная пара... Только мы его думаем перебросить командующим Дальневосточной народной армией... Там в военной и политической части нужна большая работа, а крепких командиров у нас немного... Затем нам при Пятой Армии нужен начальник информационно-исторического отдела... У вас, товарищ Пухова, есть добрый опыт и партийный стаж.

Лиза бежала по пыльным песчаным улицам восточного городка и удивлялась, что все предметы двоятся у ней перед глазами. В типографии она собиралась порадовать своих, но мимо промчался кавалерийский разъезд, и только на одно мгновение она встретилась с серыми выпуклыми глазами скачущего впереди военного. Сухое белесое лицо напомнило ей какого-то знакомого, очень неприятного человека. Но какого? Вплоть до вечера она ломала голову, пока зав. типографией Чеканов не принес ей на просмотр гранки очередного номера.

Просматривая отрывок об отступлении в тайгу и о разгроме первой типографии, она вскочила на ноги и подбежала к наборщику.

— Аверьян Иванович! Да ведь это Плетунова я встретила сегодня. Он, негодяй, уже в нашу армию пробрался!

— Плетунов?! — маленькие глаза Чеканова метнулись. Выпустив из рук гранки, он знаком руки подозвал остальных наборщиков и строго сказал:

— С этого дня мы будем дежурить... Сегодня остается Борисов.

— И незачем это, — возразил сухощавый Борисов, поправляя очки. — Мы и так не успеваем высыпаться, а тогда и совсем дело станет.

— Лучше попросить у Николая постоянный караул из надежных ребят, вот и все, — предложила Лиза.

— Надежных-то надежных, но и самим не мешает присматривать, — недоверчиво протянул Чеканов.

Снег быстро исчез с забайкальских степей, но держался еще по лесистым сопкам и в заветерках. Пятая Армия стремительно отгоняла в глубь Маньчжурии остатки белогвардейцев. Партизанская дивизия, получившая красное знамя, достигнув крайней границы своего назначения, была спешно отозвана на врангелевский фронт. По настоянию Лизы и еще потому, что народно-революционная армия была расформирована, Николай вновь получил назначение командиром своей дивизии. Встречу ему устроили в Верхнеудинске, и отсюда Краснознаменная форсированным темпом прибыла в Иркутск. Здесь Николай решил подкрепиться продовольствием и главным образом обмундированием, для чего потребовалось двое суток.

Проходя через перрон, Лиза дернула за руку Николая и остановила его.

— Смотри, Плетунов, — шепнула она.

Николай и Чеканов только в профиль увидели долгоносое лицо военного, быстро скрывшегося в тысячной толпе. Они сели в автомобиль и, зорко присматриваясь, тихим ходом обогнали всю публику, кишашую на понтоне. Но Плетунов исчез бесследно.

— Какая у него форма? — допытывался Николай.

— Кажется, связиста, но какой части я не рассмотрела.

Лиза все еще волновалась и часто забрасывала рукой скобку золотистых волос, а Николай, глядя на оживленное движение города, вспоминал семнадцатый год и декабрьские бои с юнкерами.

Автомобиль ускорил ход.

— А ведь странно, что тогда ни мы, ни они не расстреливали пленных, — неожиданно заговорил он.

— Ты все о старом, — обиделась Лиза. — А этот паршивец, наверное, готовит здесь какую-нибудь гадость!

— И ворожить не надо, — подтвердил наборщик.

Город подчищался. Весенние воды смыли и унесли в неуемную Ангару кровавые пятна с мостовых. Но о недавних боях здесь еще свидетельствовали изрытые снарядами стены домов, сгоревшие здания и лица су-



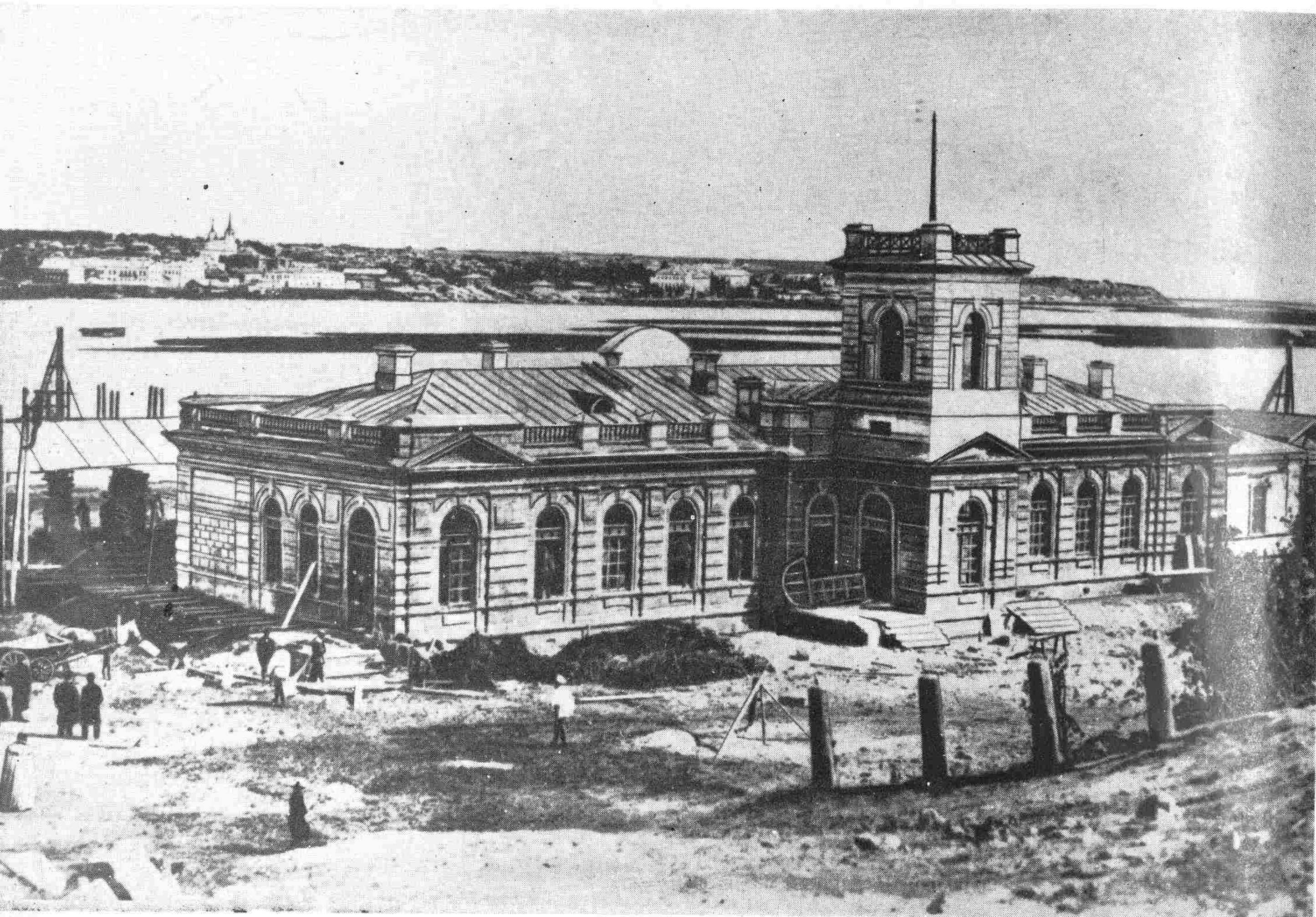
Мелочной рынок на Ивановской улице (начало XX века)



Улица Большая. Часовня Спасителя (90-е годы XIX века).

Улица Карла Маркса. 1967 г.

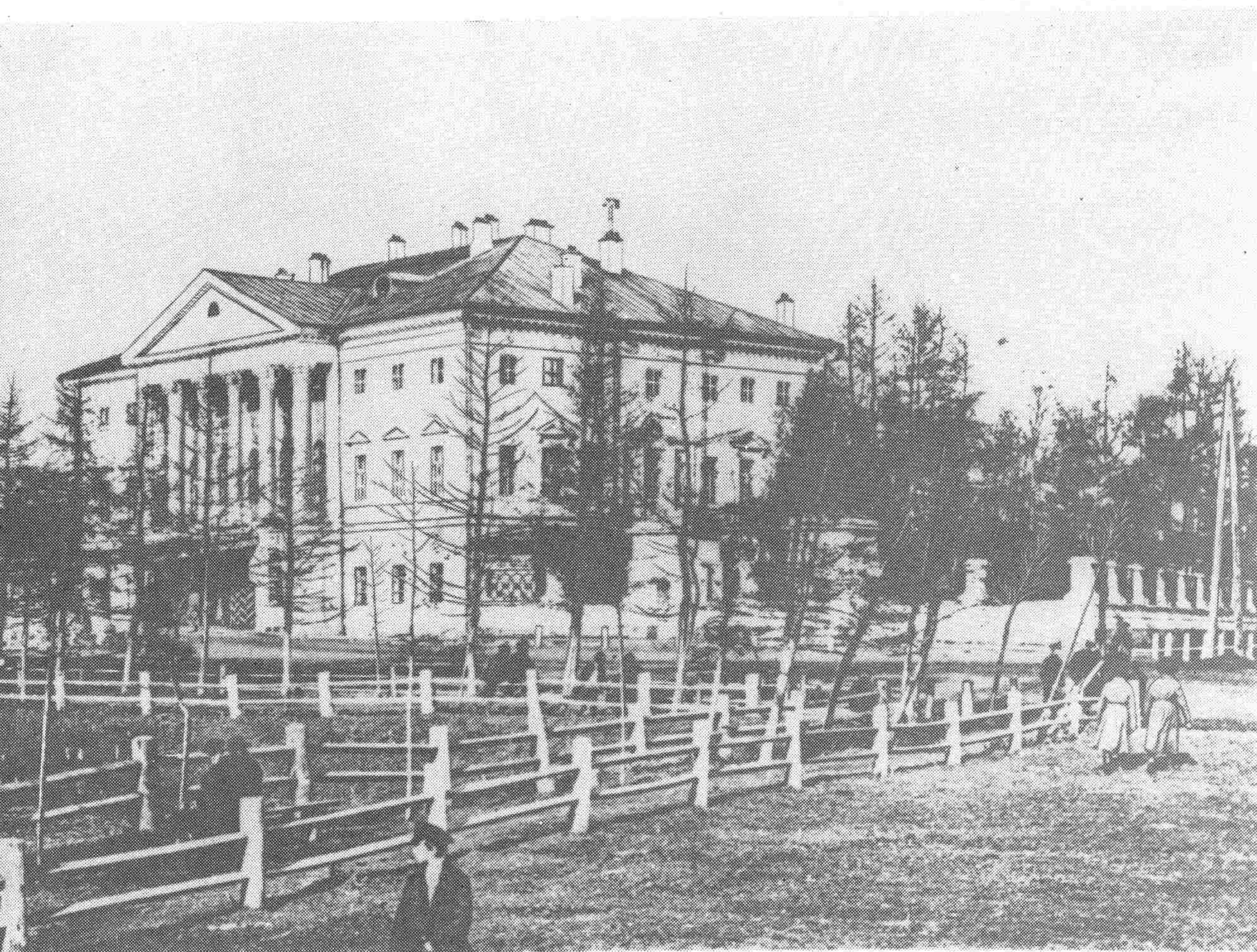




Иркутский вокзал (1906 г.).

Иркутский вокзал. 1967 г.





Белый Дом (начало XX века).



Бульвар им. Ю. Гагарина.
Обелиск сибирским землепроходцам. 1967 г.



Площадь Труда. 1967 г.

етливых обывателей, растерявшихся от невиданных потрясений.

В молодых советских учреждениях беспрестанно визжали телефоны, люди в полувоенной, полугражданской одежде, часто заношенной до лоска, заседали, сновали по улицам целыми сутками, забывая о сне и отдыхе. Этого требовало время, этого требовала обстановка Иркутска, в котором переоделась в мирное платье и осела значительная часть контрреволюции.

И среди этого ливня людского потока нельзя было предаваться рассеянности и безделью.

Лиза и Чеканов обшарили все москательно-химические склады, добывая краски, целый день протолкались в чрезвычайно разбухших отделах губсовнархоза и напоследок, забрав необходимые шрифты в военной типографии, возвратились к эшелону, где спешно погружали продовольствие и свежих лошадей. Свободные от работы бойцы, как в походе, охраняли эшелон.

В штабном вагоне было пусто, и это удивило Лизу.

— Командир и комиссар не приезжали? — спросила она у часового.

— Только что уехали в город.

— А почему выставлена усиленная стража?

— Потому что какие-то духи нюхают здесь.

— И их не захватили?

— Нет, удрали.

Лиза опустилась на мягкий диван и стала смотреть в окно. Сквозь темноту слабо сверкали волны Ангары. Из города доносились дребезжащие звуки автобусных моторов и духового оркестра. Лиза почувствовала внезапную усталость и незаметно для себя положила ноги на соседний стул. Мозг работал вяло, и мысли плелись в клубок на полпути. Вдруг, вспомнив утреннюю встречу с Зубаревым-Плетуновым, она достала из бокового кармана тетрадь с карандашом и в темноте набросала заметку в редакцию губернской газеты. Николай вернулся перед рассветом.

— Мы задерживаемся еще на сутки, — сказал он, когда Лиза вскочила с дивана.

— Задерживаемся? А почему?

— В городе белогвардейщина замышляет какую-то мерзость, — ответил он, расстегивая портупею. — Ты была права.

— Ну и что же?

— А то, что нужно отрядить сотню-две наших лучших ребят и устроить ночную облаву.

В темном дворе на окраинной улице человек в военной шинели запнулся за что-то твердое и, сильно ушибив колено, ухватился рукой за обглоданную собаками лошадиную ногу.

— Везде падаль, — проворчал он, брезгливо подумав, что и его ожидает подобная участь.

Контрразведчик прошел узким закоулком между плетеным забором и стукнул три раза в низкую дверь подвала. Внутри помещения послышались шаги прихрамывающего человека, а затем отрывистый голос адьютанта Скобелина:

— Вы, Зубарев?

— Я, капитан, — шепотом ответил контрразведчик. — Откройте скорее, есть интересные сведения.

Скобелин громко оттолкнул засов.

— Садитесь на кровать и рассказывайте, — пригласил адьютант, когда они очутились в низкой и сырой комнате, где пахло клопами и лужей.

Плетунов-Зубарев глянул в обросшее и изморщиненное лицо бывшего начальника и нашел, что тот постарел до неузнаваемости.

— Хотите есть, поручик? — предложил Скобелин.— У нас в губпродкоме выдали сегодня омулей.

— Спасибо, капитан... Да и некогда... Скажите лучше, как дела с организацией?

— Тсс...

Адьютант указал пальцем на стенку и зашептал:

— Осторожнее, там живет какой-то сапожник... А с делами так... На сегодня учтено две тысячи наших. Вооружение тоже есть... Но стремительно работает чрезвычайка... Если бы не дивизия этого Потылицына, то можно бы начать наступление. И знаете, какой скандал можно сделать здесь в тылу!

— А если ударить на эту дивизию? Тут главное—это типография!

Контрразведчик откашлялся в рукав, но адьютант не дал ему договорить.

— Бросьте, поручик!.. Вы мелко берете... Теперь у них печать в каждом паршивом городишке, а вы... Вот если разгромить штаб во главе с самим Потылицыным...

— А я о чем же?.. Вы забываете, капитан, что эта паршивая газета выдаст нас всех... Обо мне уже писали... А утром я наткнулся на самого Потылицына и эту редакторшу Пухову... Теперь только и жди, что в печати появится новое разоблачение.

Мимо стены кто-то прошел, задевая за сухой плетень, и контрразведчик откинулся спиной в сырой угол, а Скобелин погасил лампу. И когда шороха стало не слышно, адьютант спросил:

— Сколько наших в здешнем гарнизоне?

— До четырехсот человек.

— Офицеры?

— Есть и рядовые, казаки.

— Тогда действуем, поручик... Если мы задержим здесь партизанскую дивизию, то, конечно, легче будет там... под Перекопом... Но все же лучше было бы, если бы они уехали.

— Где сбор?

— Разумеется, на станции в Глазковском предместье.

Зубарев-Плетунов, а теперь командир взвода службы связи Полещуков, быстро дошагал на Арсенальную улицу и, показав пропуск, прошел мимо часового красноармейца. В широком дворе его встретил пожилой усатый без всяких знаков отличия и торопливо провел в канцелярию полка.

— Ведите своих на станцию! — сказал контрразведчик. — Предлог — разоружение партизанской дивизии... А если будут сопротивляться — бейте сначала по штабному вагону, а затем и по остальным... В случае неудачи, отступаем к монгольской границе... Да торопитесь, видите — скоро рассвет!

Контрразведчик бесшумно вышел обратно и на первом попавшемся извозчике поскакал на вокзал.

При въезде на понтонный мост лошадь извозчика остановилась перед загородившим дорогу кавалерийским разъездом.

— Ваши документы, товарищ! — басисто раздался голос Корякина.

— А вы по какому праву? — контрразведчик попытался приподняться, но отяжелевшее вдруг тело не повиновалось.

— Слазь! — повторил Корякин. — Товарищ Чеканов, посмотри, не признаешь ли?

— Как не признать гада! — наборщик размахнулся нагайкой, но его удержал подъехавший Николай.

В это же время из-за прибрежных построек показались темные фигуры людей, крадущихся к мосту.

— Товарищи, за мной! — крикнул Корякин.

Из-за соседнего угла грянул залп, за ним второй и третий. Плетунова потащили двое, а затем уже на перроне их догнал усиленный конвой, ведущий около сотни офицеров во главе с капитаном Скобелиным. В

городе и в Глазковском предместье трещали и быстро замолкали выстрелы.

Лиза смотрела в окно, через которое было видно, как ежеминутно к соседнему вагону подводили арестованных.

На виднеющуюся в другое окно Ангару пала первая полоса рассвета, когда в штабной вагон вошли Чеканов с Николаем.

— Дай свету, Лиза! — пропавшим голосом сказал Николай.

Худое лицо Чеканова казалось позеленевшим. Он размашисто хлопнул о стол пачку бумаг и, взглянув на Лизу, злобно рассмеялся.

— Ну Лизок, попался наш дружок! Хочешь посмотреть?—Лиза развернула сверток и вслух прочитала план восстания белых офицеров во всех городах Сибири.

За окном горнисты заиграли сбор, и от станции послышался первый звонок. Чекисты, крепко пожав руки всем присутствующим, покинули вагон. В это же время по асфальту застучали шаги красноармейцев, войск ГПУ, а навстречу им Корякин выводил из вагонов три сотни арестованных.

Плетунов едва тащился в задней шеренге. Он только на мгновенье встретился с уничтожающим взглядом Лизы, и, узнав ее, вяло опустил голову.

Через полчаса паровоз дал отходный свисток. По вагонам грянули песни и гармошки. Поезд уносил к новым победам партизанскую дивизию. А Чеканов, стоя в дверях вагона, разбрасывал в толпу остатки газеты «Красный боец».

ГАЛЕРЕЯ «АНГАРЫ»

ЧИТАТЕЛИ «АНГАРЫ» УЖЕ ЗНАКОМЫ С РАБОТАМИ ИРКУТЯНИНА Л. Н. МЕДВЕДЕВА ПО ЕГО ПРЕЖНИМ ВЕРНИСАЖАМ В АЛЬМАНАХЕ.

МНОГО ЛЕТ СОБИРАЕТ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ОТКРЫТКИ И ФОТОГРАФИИ СТАРОГО, ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ИРКУТСКА, МЕЧТАЯ СОЗДАТЬ АЛЬБОМ, В КОТОРОМ ОДИНАКОВО ПОЛНО БЫЛО БЫ ПРЕДСТАВЛЕНО НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ НАШЕГО ГОРОДА. СЕГОДНЯ МЫ ЗНАКОМИМ ВАС С НЕКОТОРЫМИ ФОТОГРАФИЯМИ ИЗ УНИКАЛЬНОЙ КОЛЛЕКЦИИ Л. Н. МЕДВЕДЕВА.

ВАЛЕНТИНА МАРИНА

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Очерк

Мы едем в Кырму, самый дальний колхоз Эхирит-Булагатского района. Разбитый за зиму Якутский тракт полого взбежал на степной увал и открыл просторную, чуть всхолмленную долину. Обкатанная временем горная гряда с пышной гривой леса на макушке, как спящий туполобый лев. На вершинах таких гор степные кочевники зажигали сигнальные костры, извещая дальних сородичей о приближении врагов. Говорят, весть от Ангары до Лены доходила за полчаса. И летели конные пастухи, сбивая скот в городища, и воины проверяли крепость тетивы на огромных луках, а старики потайными тропами уводили в надежные места женщин с детьми.

Давно это было. Уже и старики рассказывают об этом со слов дедов. И недосуг им рассказывать о старине — успевай удивляться новому. А новое — это урожаи пшеницы по восемнадцати—двадцати центнеров на круг, как в прошлом году. Семидесятилетний пастух Протас Бубеев попросил сына, работника райкома партии, привезти его на такое поле, а увидав, сознался: до сих пор не верил ни газетам, ни даже сыну. Думал, так просто пишут. Бурят к хлебопашеству приучают. Сам он никогда больше семи центнеров не собирал и с половины зимы жил без хлеба.

Новое — это овцы своей устьордынской породы — рослые, выносливые к холодам, и на каждой до семи килограммов тонкорунной шерсти.

Новое — это соревнование за культуру села — никем официально не объявленное, значит, самое настоящее.

Вчера мы были в Доме культуры села Васильевское. Скажу с уверенностью, от такого Дома не откажется ни один заводской коллектив, а наша писательская организация была бы счастлива получить от Иркутского горсовета такой подарок. Снаружи это типовой проект, быть может, не из лучших. Но зайдите во внутрь! Иркутские художники отделали его с любовью, которой так недостает в отделке их собственного, довольно унылого Дома. Небольшой, на двести мест, зрительный зал облицован древесными плитами. Создается иллюзия плетеной стены. Словно сидишь в новенькой лубяной корзинке, увеличенной этак раз в тысячу. Она, эта корзинка, словно источает золотистый солнечный свет и свежий смолистый запах. Броское панно в вестибюле, удобная, легкая мебель, библиотека с читальней, биллиард, комнаты для самодеятельных кружков — словом — роскошь невиданная для этого в прошлом захудалого таежного села.

Лиха беда — начало. Сейчас такие Дома заложили несколько колхозов. И каждый «грозит» сделать свой самым лучшим в районе. Но, боюсь, определить чей лучше, будет трудно. Оформители, вложив душу в васильевский Дом культуры, дальше стали работать, мягко говоря, «по типовому проекту». В Васильевском панно с дояркой и механизатором, с балериной и ученым, и в Тургеневке, и в других селах.

Но это — не главное. Панно, на худой конец, и переписать можно. Главное — родилось стремление к культуре. Ведь как распоряжались своими доходами богатые колхозы еще несколько лет назад? Закладывали новые хозяйственные помещения, покупали машины, побольше выдавали на трудодень. В хозяйственных постройках и, особенно, в технике и сейчас еще очень большая нужда, а трудодень, как известно, никогда не бывает слишком большим, однако, на культуру деньги теперь находит любой колхоз. Это — великолепно! Васильевцы после Дома культуры уже выстроили детский комбинат, строят среднюю школу и больницу. В Харате строятся даже две школы, в Баяндае — больница. И так в каждом селе. В Васильевском прокопали вдоль улиц канавы, и улицы стали сухими, проезжими. Узнав об этом, чапаевцы решили свою деревню Тургеневское замостить и уже возят гравий, а Половинский колхоз имени Фрунзе мостит полевую дорогу.

Чапаевцы же удивляют соседей новыми домами. Не какими-нибудь трехоконными скворечниками, а настоящими хоромами в четыре—пять больших окон по фасаду. У каждого дома застекленная веранда, резные украшения, на каждом замысловатая антенна. За сто пятьдесят километров от Иркутска чапаевцы смотрят телевизионные программы.

Начинают появляться и нарядные магазины с зеркальными витринами, а ресторан в Усть-Орде мог бы стать украшением любого городского района. К сожалению, по обслуживанию и ассортименту он сильно уступает манзурской трактовой чайной.

Но мы едем в Кырму, нам надо быстрее, тем более, что секретарь райкома Степан Трифонович Крощук решил «по пути» заглянуть на Ыдыгинскую чабанскую бригаду Усть-Ордынского совхоза. Это «по пути» бывает почти всегда, куда бы мы ни отправились. Оно и понятно. Центральная усадьба совхоза расположена в самом районном центре — куда ни направляйся, совхозной земли не минуешь. Но сдается, есть тут и еще одна причина. Степан Трифонович совсем недавно был директором этого совхоза и оставил тут часть своей души, не завершил многих планов. Как они завершаются без него? По-разному. У каждого директора свои планы и свой взгляд на хозяйство, а директоров за эти четыре года сменилось уже два. И вот, например, совхозный санаторий в Ниловой Пустыни до сих пор остается недостроенным. Да мало ли...

— Посмотрим стрижку овец. На Ыдыге оренбургским методом стригут, — объяснил Степан Трифонович это довольно-таки кружное «попутье».

— Там сегодня выбракованных стригут. Хороших овец не будет, — предупредил начальник производственного управления Васильев, но Степана Трифоновича это не огорчило. Не к овцам он ехал.

У сарая для стрижки уже стоял вездеход директора совхоза, и сам он о чем-то разговаривал с управляющим отделением и председателем рабочкома. Мы остановились поздороваться, и сразу же к нашей группе от сарая, от разведенного поодаль костра, из Чабанского домика, отовсюду потянулись люди. Закуривали, вполголоса перешучивались, терпеливо ждали, когда у секретаря райкома закончится деловой разговор с начальством. Степан Трифонович успевал поздороваться с каждым, вновь подошедшим, и было ясно видно — все эти люди ему приятны, здесь он свой.

Деловой разговор закончился быстро — у директора совхоза мы были только вчера — и чабаны целиком завладели секретарем райкома. Все чего-нибудь просили: кто путевку на курорт, кто достать мотоцикл, кто устроить сына в школу механизаторов. Даже управляющий отделением, помявшись, спросил, нельзя ли где достать покрышки для его заслуженного ИЖа. За четыре года все они так и не отвыкли обращаться к Степану Трифоновичу за всяким делом. И ему это явно приятно и видно, как ему хочется ответить на эти просьбы. Не будь рядом совхозного начальства, кто знает как бы он поступил? Но директор и председатель рабочкома здесь, и секретарь райкома обязан оберегать их престиж. Страдая, он адресует всех к ним. Сложная ситуация. Отказывать хорошим людям, когда ты можешь что-то сделать, по-моему, самое жестокое испытание характера.

Но мы приехали посмотреть оренбургскую стрижку, и Васильев спешит показать мне ее, пока Степан Трифонович «находится в окружении».

Стрижка овец — это праздник — годовой итог тяжелого чабанского труда. Немного остается на земле работ веселее и оживленнее этой.

Техника здесь пока самая простейшая, но тем заметнее человек и его ловкие руки. Любо смотреть, как под быстрыми ножницами стригалей молочно-белая с изнанки овечья шуба на глазах отделяется от живого, пульсирующего тела и мягко свертывается рядом, воздушная, как мыльная пена. Пугливая ярочка-первогодок, стремительно вырвавшись из рук стригалей, мечется по сараю, оголенная и трогательная в своей беспомощности. Она не найдет выхода, пока степенная старая овца не пройдет вперед. Мальчик-семилеток серьезно и сосредоточенно придерживает барана, пока мать выполняет самую тонкую операцию — стрижку головы. Рядом с независимым видом бывалых стригалей орудуют ножницами двое подростков. Им в первый раз доверили работать самостоятельно, но сколько раз они были ассистентами!

Возле каждого стригаля двое, трое добровольных помощников. Нет, их никак не назовешь заспинниками, с такой готовностью помогают они поймать и привести овцу из загона, связать или перевернуть ее с боку на бок, отнести на весы охапку шерсти. В проходах между столами мельтешит мелюзга, лупит черные, раскосые глазенки на стригалей и счастлива до самозабвения, если старшие дадут подержать за ухо упирающуюся ярку или пощелкать большими ножницами, пока добровольцы ловят очередную овцу. Мы ломаем голову, как приучить детей к труду, а для этого только и надо, чтобы для нас самих труд был радостью и праздником, как эта стрижка овец, и чтобы с первых самостоятельных шагов мы доверяли ему, маленькому человечку, хоть частицу, хоть видимость настоящей взрослой работы без громких криков: порежешься, заразишься, убьешься...

А на дворе, между тем, уже разведен костер, и в огромном закопченном котле варится баран — на всю артель. И молодая женщина, смущаясь наехавшего начальства, льет ключевую воду на голову поджарого, сотканного из одних сухожилий чабана, успевшего хлебнуть с утра. Пьянство — величайшее зло, отвратительный порок, но сейчас мне не хочется никого осуждать. А кто захочет это сделать, пусть осуждает. Только надо прежде знать, как живет чабан триста шестьдесят дней в году.

Овца — бережливое животное. Каждую былинку она съедает до корня, как бреет. Там, где прошли овцы, долго, очень долго, быть может, все лето не вырастет трава. Вместе со своей отарой чабан уходит все дальше и дальше от дома, целый день, в жару и в дождь, верхом на коне. Попробуйте вы так, а потом судите строго. Даже зимой, когда все животные под крышей, овца ходит в поле. Специально для овец оставляется нескошенной зеленка, и животное, острым копытцем пробивая снежный пласт, всю зиму лакомится сочным, витаминным кормом. Ей это очень полезно, овце: крепче, выносливее приплод, гуще, мягче шерсть. А чабану? Он ведь тут же, с отарой, бережет ее от волков, от метелей, новорожденного ягненка — от стужи. Он, как и летом, от зари до зари на выносливом своем коне. Попробуйте вы так, а потом судите строго...

И вот этот мужественный труд окончен — наступила стрижка, итог, праздник. Ну, а празднику кто не рад? Иногда и самый заботливый чабан становится слабее больной овцы. Мы не стали смущать молодую женщину и прошли дальше. И тут я увидела талант Васильева во всем его блеске.

На полях, в агротехнических и экономических диспутах с руководителями хозяйств он явно уступал секретарю райкома, потомственному хлеборобу, два десятка лет проходившему в председательских и иных упряжках. Но тут, на стрижке им можно было залюбоваться, этим молодым, неразговорчивым специалистом. Как артистично, красиво умеет он показать стригалям приемы работы! Вот уже поистине лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. Он все умеет сделать сам, этот респектабельный интеллигент: и быстро, без «перестрига» снять шерсть, и срезать отросшее овечье копытце, и на глаз определить качество шерсти. А может быть, здесь сказалась наследственность? Буряты — исконные скотоводы.

Вот Петр Протасович подошел к женщине, только что окончившей стрижку. Мягким, неуловимым движением он развернул сброшенную грудой шерсть, и она послушно расправилась, приняв форму овчины, только овчины без кожи, просвечивающей, как пуховая шаль. Петр Протасович еще встряхнул ее, нигде не разорвав воздушной вязи, и двумя ловкими движениями свернул в тугой компактный рулон. Пояснил:

— Правильная укладка! — и под уважительными взглядами стригалей прошел к двум подросткам, увлеченно возившимся с большой белой овцой. Парнишки и вида не подали, что заметили внимание начальства — невозмутимость — первое достоинство мужчины — так же сосредоточенно щелкали ножницами.

— Десятую овцу стригут, — сообщил чабан.

Петр Протасович провел ладонью по оголенному боку овцы:

— Хорошо стригут!

— Моя школа, — приосанился дюжий чабан, а Васильев тонко улыбнулся. Уже потом, в дороге он объяснил, что чабан — стригаль не из лучших, но сказать это в сарае помешали педагогические соображения; один из подростков был сыном чабана. Впрочем, ча-

бану не обязательно хорошо стричь. Все равно со всей отарой ему не справиться. Для чабана другое важно. И это другое Васильев ему заметил, не упустил. Двумя пальцами он «клюнул» груду шерсти и молча показал на свет небольшой клок. В молочно-желтой массе шерсти голубела прозрачная полоска — «голодная тонина». Какое-то время овца голодала, и шерсть на ней росла истонченной, паутинно-непрочной.

— Второй сорт, — бросая на груду клочок, квалифицировал Петр Протасович.

Знаменитый оренбургский метод еще только внедряется в Эхирите, им овладели далеко не все стригали. Но дело идет к тому. Сама порода усть-ордынской овцы заставляет. До сих пор я видела усть-ордынок только в отаре — и там они не производили впечатления уж очень крупных. Но здесь, в сарае... Сущность оренбургского метода в том, что овцу садят на крестец. В таком положении она совершенно беспомощна и смирно сидит до окончания стрижки. Как сказал чабан — сегодня стригут хурду — выбракованных. Но и такие овцы, посаженные на крестец, достигают плеча довольно рослого стригаля. Каковы же будут лучшие экземпляры? Попробуй положить на стол такое животное, да в процессе стрижки перевернуть с боку на бок! Тут не то что женищна, не всякий мужчина управится.

Да, для крупных овец оренбургский метод, видимо, единственно правильный, но... в связанном животном все же остается какая-то доля дикости, воли, достоинства, что ли. Посаженная на крестец, с виду совсем свободная и полностью беспомощная овца — зрелище унизительное.

— Эстетство... — сказал мне на это Васильев и пошел к весам проверить укладку шерсти. Я уже хотела вернуться к костру, но тут заметила Степана Трифоновича. Он весело перешучивался с женщинами и ребятишками, но время от времени внимательно поглядывал на Васильева. И было в этих взглядах любопытство, тревога, одобрение, гордость, словно старший брат наблюдал за первыми самостоятельными шагами младшего. Еще, требовательные люди так проверяют смелый эксперимент. Эксперимент не эксперимент, а риск здесь определенно есть. Петр Протасович Васильев — молодой беспартийный специалист, всего третий день ходит в начальниках производственного управления. И это выдвижение было беспрецедентным не только в районе.

Я вспомнила, как неделю назад Степан Трифонович на несколько рядов переделывал характеристику Васильева для областного производственного управления, читал ее вслух и снова редактировал:

— Ну, как теперь, подойдет? — спросил он, наконец, скорее самого себя, чем присутствующих в кабинете.

Я — профан в деловых бумагах, но и мне была видна некоторая неубедительность, что ли, этой характеристики. Восхождение Васильева на руководящие посты выглядело уж очень стремительным. Да еще беспартийный. В других-то районах, насколько я знаю, начальники производственных управлений обязательно члены бюро райкома, с партийного легче спрашивать...

Степан Трифонович тряхнул кудрями и подписал, что получилось.

— Отвечать-то все равно мне! — мелькнуло в его дерзких серых глазах.

Ответственность, что и говорить, большая. Это не новую агротехнику рекомендовать хозяйству, или там новую культуру. Там неудача — потерянный год — не больше. Там ошибка поправима. С людьми ошибаться нельзя. Такая ошибка может обернуться испорченной жизнью. Сколько таких неудачно выдвинутых не в состоянии потом вернуться на исходный рубеж. Амбиция не позволяет! Жалуются, пишут в инстанции, брюзжат и теряют под конец даже тот багаж, который имели до выдвижения. А иного из «руководящего» кресла и шилом не выколупаешь — так приспособится. Взыскания за плохую работу он умеет вовремя на заместителя спихнуть, членские взносы платит аккуратно, не пьет и с женой не разводится. За что же?

Я думаю, в партийной работе выдвижение руководителя — самый ответственный момент.

Сейчас, глядя на работу Петра Протасовича с овцеводами, я поняла: не очень-то рисковал секретарь райкома. Просто, в сухие строчки деловой бумаги не укладывается живой человек. А напиши о нем иначе, как оно есть, сделаешь еще хуже. Скажут: что за дифирамбы! И, глядишь, не утвердят. Стиль деловой бумаги сложился намертво. К счастью те, кто их читает, не очень и вчитываются. Смотрят, прежде всего, кто подписал, можно ли ему верить...

Степан Трифонович, должно быть, понял ход моих мыслей, сказал, едва заметно кивнув в сторону Васильева:

— Я еще когда начальником производственного управления работал, за ним эту деловитость заметил.

— Деловитость? — мне не хотелось называть этим скучным словом красивую работу Петра Протасовича.

— Ну, не деловитость, — Степан Трифонович замялся, подыскивая определение, и обезоруживающе улыбнулся. — Называйте как хотите, а у него же легко учиться. Передать умеет — что сам знает. Бывало, в какое хозяйство не приедешь, везде просят: пошлите Васильева... — вздохнул как бы с сожалением, отрываясь от интересного зрелища: — Пора двигаться, до Кырмы не близко.

II

Снова разбитый Якутский тракт. Дорожники ведут на нем никчемный ямковый ремонт. Засыплют ямку и дальше. А рядом уже выбивается новая. И так каждый год. Эти бы усилия да на один участок... за десять лет можно было сделать бетонку от Иркутска до Качуга.

Впрочем, на «Волге», да на переднем сидении грешно жаловаться на плохую дорогу. Тем более, что по обе стороны лежит такая интересная земля. На десятки километров от Усть-Орды без конца и края совхозные земли: Байтогай, Ользоновский, Баяндаевский, и только за Баяндаем начинаются колхозы. Целая провинция — около двухсот тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, больше двухсот тысяч голов скота. Вот только где он? В степях пусто. Изредка где-нибудь у реки увидишь небольшой сакман: только что отлученных от маток ягнят, и снова пусто. Пастухи увели отары в распадки, в горы, где еще есть трава. В Эхиритских степях засуха.

Конец июня, пора бы косить, но травы нет. Чего не успел вытоптать скот — спалило солнце, высушил восточный ветер-суховей. Трава-то еще нарастет. Не в июле, так в августе дожди обязательно перепадут, и степь за неделю не узнаешь. А вот хлеб... С хлебом плохо. В изреженных, узколистых посевах змеятся трещины глубиной в ладонь. Тонкий слой плодородной почвы лежит здесь на гравийном моренном основании, как на горячей сковороде. В низинах посевы лучше, но и тут уже появляется немощный желтоватый оттенок. А на черных парах не взялся даже сорняк. Похоже, их и двоить не придется. Засуха...

Оглядываюсь на секретаря райкома и неизменно встречаю открытый, спокойный взгляд. С удовольствием рассказывает, какая где применялась агротехни-

ка, когда сеяли, как это отразилось на состоянии посевов. Уже неделю мы колесим по эхиритским полям, а ему все еще есть что рассказывать. Весь район для Крощука — огромное опытное поле, на котором ведутся интересные испытания: ранние и поздние посевы, прикатывание, кулисы... чего только тут не испытывают. В этих, что ли, напряженных поисках черпает душевную силу секретарь райкома?

Мысленно я ставлю на место Крощука знакомых мне районных работников. Как бы они держались в этих бедственных обстоятельствах? Хмурились бы. Даже злились. Или, скрывая горечь рухнувших надежд, иронизировали бы над собственными высокими обязательствами, которые кажутся такими легкими зимой и ранней весной. Нет, мало кто в такой момент смог бы сохранить крощуковское хорошее настроение.

— Смотрите, — говорит он, — вот здесь Роман Кирьянович прикатывал поля перед посевом, а налево неприкатанные. Видите, какая разница?

Заметить эту разницу вот так из окна бегущей «Волги» не просто. Надо знать земли, как знает их Крощук. Но вблизи и мне видно: прикатанное поле сохранило больше весенней влаги, хлеб здесь успел взять силу до засухи.. И цвет растений здесь более интенсивный, как говорят — аж синий — и лист пошире.

— Поработаешь, так и получишь. Даже в засуху! — удовлетворенно сказал Степан Трифонович и, войдя в глубь поля, выдернул несколько растений. Лезвием бритвы он ловко вскрыл трубку. Длинный многозерный колос уютно лежал в ней, как младенец в люльке, еще весь в перспективе. Что из него вырастет: гигант или заморыш?

— Центнеров тридцать пять могло быть на гектаре, — подсчитав ость, пожалел Васильев. В серых глазах Крощука вспыхнули веселые какие-то искорки:

— Отсюда он при всех условиях по четырнадцать центнеров возьмет. Даже если совсем дождя не будет. Верно, Роман Кирьяныч?

Председателя колхоза имени Фрунзе Романа Кирьяныча Литвинова мы подхватили в селе Половинка. Его обшарпанный газик трусит где-то позади. Литвинову всего пятьдесят два, но свежую морщинку на его лице не проложишь — негде. Впрочем, моложавые председатели колхозов — редкость. Должность, что ни говори, не курортная.

— Не из чего работать, — вздохнул он. — Вот в «Пути Ленина» все же был дождь...

Мы дружно рассмеялись. Вчера председатель колхоза «Путь Ленина» Перевалов уверял нас в обратном:

— Вот в Половинке дождь — проехать нельзя...

— Разве это хлеб — четырнадцать центнеров, — не смущаясь, продолжал плакаться Литвинов. — На круг и по десять центнеров не соберем.

— Видали, как быстро люди зазнаются? — весело спросил меня Степан Трифонович. — Два года собирали приличный урожай и уже четырнадцать центнеров им не хлеб!

— Я-то ко всему привычный, — все так же уныло продолжал председатель, явно привыкший больше прибедняться, чем зазнаваться.

— Я-то ко всему привычный, — повторил он, — колхозник пошел балованный...

— Ну, поехали! — Степан Трифонович решительно шагнул к «Волге». Он заметно помрачнел и «поехали» это было не столько приглашением продолжать поездку, сколько желанием оборвать затянувшийся спор с председателем колхоза. Спор этот вспыхивал особенно часто в прошлом году, когда район собрал высокий урожай.

В машине, когда дорога нырнула в лес и сохнущие поля перестали бередить душу, Степан Трифонович «отошел» и с прежней чуть заметной иронией спросил:

— Когда ты, Роман Кирьянович, двадцать пять центнеров на круг получаешь, как считаешь, во сколько твои затраты окупаются?

— Ну, раза в три, — Роман Кирьяныч спрятал свои детски чистые глазки в бесчисленных морщинках и отодвинулся в глубь сидения.

— В пять, — уточняет Крощук, нависая широкими своими плечами над щуплым председателем. — Это при нашей нехватке удобрений, нашей расхлябанности, престолах да сур-харбанах! Так?

Роман Кирьянович слабо трепыхнулся, но промолчал. Праздники и ему порядком насолили.

— А по-хорошему и в семь. Так ты скажи, в какой еще сфере производства возможна такая отдача? Ни в какой! — сам себе ответил Крощук и для верности прихлопнул длинной ладонью костистое плечо Литвинова.

Водитель Миша остановил машину у ручья долить радиатор, и мы с удовольствием выскочили на кочковатый бережок. Ручеек тоже бедствовал: серые илистые берега обнажились метра на полтора и уже растрескались. Но вода, свежая и прозрачная, не прогрелась. А в лесу царило ликование, особенно контрастное после безжизненной степи. Буйно цвели жарки, синели колокольчики, гордо красовались на своих высоких ножках желтые лилии, кое-где выглядывали даже подснежники, видно, из самых захудалых. И уже выкинул островерхую елочку соцветия кипрей — цветок позднего лета. Это тоже засуха. Взапуски стрекотали в траве кузнечики, нежно наговаривал что-то грустное лесной голубь, кукушка прокуковала три раза и смолкла. Кому из нас?

Дорога предстояла еще не близкая, и мы решили перекусить.

Роману Кирьянычу можно было отсюда вернуться в свою Половинку, его владения кончаются километрах в пяти от ручья, и запыленный председательский газик, наконец, догнал нашу «Волгу». Но Степану Трифоновичу уж очень хотелось доспорить. Удобно устроившись на поваленом дереве, он придерживал Литвинова за плечо и с увлечением развивал свою мысль:

— Высокий урожай, это, милый Роман Кирьяныч, не больше как дар природы. Его нельзя рассматривать как оплату земледельческого труда. Значит, и доход нужно использовать соответственно. Ты, если премию получишь, вот такие штаны не купишь ведь? — потеребил он линялые председательские брюки. — Ты ж деньги в сберкассу понесешь или что-нибудь основательное купишь. А вы трудодень раздуваете... Вот нынче недород, и что ты будешь делать?

Роман Кирьянович раздавил на шее комара и сосредоточенно разглядывал окровавленные пальцы, словно удивляясь, как этой козявке удалось добыть столько крови из его продубленного щуплого тела. В теоретическом споре с Крощуком, заочником факультета экономики сельского хозяйства, он был не силен, но весь его аскетический облик великомученика не позволял и подумать о каком-нибудь легкомыслии с трудоднями. Скорее тут другое...

Не от хорошей жизни председатели «раздувают» трудодень. Конечно, Степан Трифонович прав, без страховки сибирскому земледельцу не жить. Его каждый год подстерегают то поздний заморозок весной, то ранний — осенью, то засуха с весны, то дожди в уборку, а то и все четыре напасти враз. Даже в старое время почти в каждой сибирской деревне стояли общественные страховые амбары-магазеи. Но раньше-то куда было податься крестьянину от земли. Разве старателем на золотые прииски, но на это уж только самые отчаянные решались. Другое дело теперь. Теперь чуть ли не в каждой деревне леспромхоз, или

химлесхоз, мастерские Сельхозтехники или промкомбинат, а то шахта. И с места насиженного сниматься не надо...

И другая есть причина, почему на колхозных собраниях так туго проходят вопросы о неделимых фондах, страховках и других общественных затратах. Вспоминаю, как торжественно, можно сказать, благоговейно вручались колхозам тридцать лет назад государственные акты на вечное пользование землей. А потом распоряжалась этой колхозной землей любая районная организация, не говоря уже о министерствах. Один только трест «Черемховуголь» искорежил, разворотил тысячи гектаров пахотных угодий и не каких-нибудь баяндаевских супесей, а тысячи гектаров благодатных приангарских бурых суглинков. Год за годом безответственные люди уродовали светлый лик земли, да еще премии получали за снижение себестоимости угля в открытых разрезах.

Еще бы не снижать эту себестоимость. Ведь каждому горному предприятию государство отпускает специальные кредиты на восстановление плодородия земли. По техническим условиям, угольщики обязаны были снять и хранить до времени почвенный слой, а по окончании выработок засыпать карьеры и покрыть производственную площадку почвенной землей — вернуть стране взятые у нее в аренду угодья. Но с черемховских угольщиков этого никто никогда не спрашивал. Их только хвалили за низкую себестоимость углей.

Сейчас трудно подсчитать даже материальный ущерб от такой практики. А моральный? Ведь еще живы люди, которые раскорчевывали эту землю под пашню, сеяли, снимали хлеб там, где теперь высятся безобразные глыбы мертвой глины, зияют карьеры, наполненные зловонной, стоячей водой.

А печальной памяти эксперимент с техникой, которую колхозы выкупили у МТС? Я помню, как шипицинские и каменские колхозники в Нижнеудинском районе вдвое урезали свои трудодни, чтобы в срок расплатиться с государством за машины, а в день последнего платежа стало известно, что никакие они не колхозники, а вовсе рабочие уковского совхоза, и вчера только выкупленная техника снова возвращается государству (теперь уже безвозмездно). Не думаю, чтобы богатой нашей стране так нужны были сто или полтораста тысяч колхозных денег. Просто некоторым районным деятелям не терпелось укрепить убыточный совхоз за счет преуспевающих, набравших уже силу колхозов.

Да что говорить! Мало ли помудрили над хлеборобом до сентябрьского Пленума ЦК. И сейчас кой-кто непрочь «ускорить» то, чему необходимо дать созреть. И как потом осуждать колхозников за «раздутый» трудодень? В своем сусеке-то оно вернее. И тут не только скромный Роман Кирьяныч — сам Иоанн Златоуст только руками разведет.

— От председателя в таких случаях девяносто процентов зависит, если не сто, — возразил Степан Трифонович, когда после отъезда Литвинова я поделилась с ним своими мыслями. «Волга» легко бежала в гору и, хотя здесь тоже не было дождей, лес оградил поля от засухи. Даже крутые увалы радовали глаз мягкой зеленью. Дорога уже шла по угодьям колхоза имени полковника Борсоева, обширным и неосвоенным. Степан Трифонович молча смотрел на пробегающие мимо лиственичные перелески, но, кажется, не замечал их. Лицо его отражало сложную гамму чувств от разбойной какой-то дерзости, до просветленной, на самой грани восторга, грусти. Мне вдруг показалось, что секретарь райкома вспоминает о первой любви. Но вот он подался вперед, и скрестив крупные запястья над узкой Мишиной спиной, сказал все с той же непонятной улыбкой:

— У нас в «Стране Советов», когда я еще председателем был, тоже один раз отхватили самую лучшую землю. Подсобное хозяйство устроили. Промкомбинату или чайной, не помню уже. Отрезали, посадили картошку, а ты, председатель, уже как хочешь объясняй колхозникам государственную необходимость этого мероприятия.

— Ну, и как вы объяснили?

— А никак не объяснял. — Степан Трифонович щелчком ловко выбросил за окно ошалевшего паута и снова, теперь уж совсем дерзко улыбнулся: — Выкопали картошку и в колхозный бурт заложили.

— Вот это да! — удивился невозмутимый Васильев и даже Мишины каменные уста тронула ироническая усмешка. Уж кому, кому, а водителю райкомовской машины известно, чем кончаются подобные ошибки. А Васильев заключил с уважением:

— Удачливый вы человек!

III

Удачливый? Вот что рассказывал мне об этой крощуковской удаче лет пять назад его земляк Кондратий Григорьевич Коржан.

— Мы, когда Степана председателем выбрали, поперек всего начальства стали. Им-то чего не поглянулось? Молодой, мол, и не в партии. Опять же отец у него враг народа с тридцать седьмого года. А мы уперлись и ни в какую: хватит, мол, нам ваших привозных!

В Степана у нас почему вера была? А потому была — отец его Трифон Крощук, царство ему небесное, общественный был мужик: какое мирское дело или хлопоты, сейчас он и никто больше. Хоть Степан и мальчишкой от него остался, а все же должен был чего-то взять. Это уж какая родова, такая и голова. Ну, и то было в мыслях, что к земле он присох душой. Молодой, здоровый, грамотный, мог куда заугодно опосля фронта податься, а он на Волынский наш, к матери. Опять добрый знак! И парень он боевой, коноводистый. Это еще с мальчишек обозначалось.

Однако, чего нам на Волынском было про него скрозь известно, сверху, из району, стало быть, незаметно. Вот они и брезгуют им. Не признают. По первости Степан не очень об этом деле убивался. Народ ему поверил, молодому, ему и лестно. Старается. С умом дело повел, с расчетом. Стариков, бывало, соберет; советуется, а смотришь, по-своему дело повернул, и по его, по-Степиному, лучше выходит. А главное, колхозный интерес отстоять умел, хоть в леспромхозе, хоть в МТС на ремонте, возьми. А потом что еще удумал? Хозяйство подсобное с нашей земли вытурил.

Это хозяйство, оно у нас как чирей на шее сидело: куда ни повернись — мешает. На самой угревной земле, этот бугор еще кум Андрон Зинюк под пшеницу раскорчевал. До него, до кума Андрона, мы одной ярицей жили, а он приехал, и сразу этот бугор углядел. С него и пшеница у нас пошла. Это в единоличности еще. А в войну, уж не скажу при каком председателе, его у нас и отрезали, этот бугор. А кум Андрон Зинюк, он у нас чудной был — ни царской, ни Советской власти не признавал — он ему, Степану-то, и скажи: «Вот, мол, как она, Советская власть, с нами посчиталася, распротак ее так». А Степан, он и всегда-то такой, усмешливый был — «Советская, мол, власть, это же мы с тобой, дядя Андрон. Нас с тобой и распротак...». Посмеялся, вроде на шутку свел. По-

том, глядим, нарядил бригаду, в одночасье картошку всю выкопали и в колхозный бурт заложили. Вот как!

Ну, это, я думаю, по молодости он был такой горячий. Постарше не насмелился бы, поди? Сам председатель рику товарищ Козлов в этом подсобном личную картошку садил. И другие начальники были. Будто, прокурорская даже картошка была. Тут семь раз подумать надо бы. А он смеется. У нас, мол, государственные документы на энту землю.

Ну, выкопал, а опосля ему, Степану, хоть не езди в район вовсе. Кому столько, кому полстолько, а нашему колхозу всегда нет ничего. Только и отваливали, что группу урожайности самую высокую. Я думаю, наравне с кубанцами мы хлеб сдавали в те года. Ну, на это дело мы не сильно обижались. Хоть и много сдавали, а урожаи лучше пошли. На трудодень все равно больше приходилось, чем до Степана.

Это нам. А Степану-то, известное дело, не так гладко сходило. Прижимали. А как же! В районе живешь, район не объедешь. Какое дело ни возьми, никак товарища Козлова не минуешь. Тут вот со Степаном и приключилось один раз. Зимой да к ночи это было. Мы, по-стариковски, спать уже легли. Слышу, стучат. Открыл это я, да и присел — ноги подогнулись. Спросонья помстилось, будто Трифон Крощук ко мне припожаловал. Степану-то двадцать пятый годок шел, парень — кровь с молоком, не то что девки, или там вдовы, мужние жены поглядывали. А тут стоит в дверях, плечи опущены, ровно старик. С морозу, а в лице ни кровинки. Серый даже.

— Дядя Кондрат, — говорит, — я жеребца загнал.

А надо же вам знать, он лошадник, Степан, истовый. Не будь волосом белый, признали бы его за цыгана, по лошадям если. И сам коней понимает, и кони его. И чтоб лучшего колхозного жеребца загнать? Гляжу — вроде тверезый. А жеребец и вправду на последнем вздохе был. В клочьях весь. Как я его и выводил тогда, сам не знаю. Вожу и не матерюсь даже, зло на Степана берегу. Опосля привязал покороче, чтоб не лег, и за попонкой в амбар. Да завалилась попонка, язви ее, пока нашел в темноте, думаю — издохнет конь. Вернулся под сарай, а там Степан. За шею жеребца обнял, не то прощенья просит, не то плачет.

Ну, думаю, жеребца мы, в крайности, другого купим, а такую беду чаем не запьешь. Шуганул это старуху к продавщице Елене (она, добрая душа, завсегда на ночь ящик водки в сенки ставила, если кому приспичит), а сам живой ногой за кумом, за Андроном, значит.

Вдвоем за поллитрой только и распытали у Степана, чего с ним стряслось. А вот чего стряслось. Покрышки нам до зарезу нужны были и прознали мы — привезли их в Кутулик, распределяют уже. Степан до Козлова. Не принимает. А Степан, он настырный. Не уйду, говорит, покудова не примет. И сел перед дверью-то. Да так и просидел до темна. А уж как все ушли служащие-то, Козлов из кабинету вышел и вроде Степана в упор не видит.

— Ты, говорит, Крощук, сюда больше не езди. Мы тебя не знаем...

Рассказывает, этта, Степан и даже смотреть на него робостно, до того злостью закипает. Серый опять сделался, как золой взялся. А кум Андрон и поддай ему жару: «Ты, говорит, мне, Степан, вот теперь скажи, кто она такая, Советская власть: мы с тобой, растак нас протак, или энтот Козлов, разрази его растак?».

Я кума за рукав. Думаю, только драки по пьяной лавочке не хватало нашему председателю опосля всех таких делов. А Степана с чегой-то смех взял. Веселье нашел! — Верно, говорит, дядя Андрон, распротак меня так. Понужай сильней! Да ведь что еще? Сгреб нас обоих в охапку, закрутил, как детишек, и на печь затуркал. Здоровый же, чертушка.

Здоровый. Он и сейчас, в сорок четыре года, кого угодно на печку «затуркает». Только и время было крутое, дубы ломались. Нет, не одним здоровьем брал Степан Трифонович. С годами стал мудрее, а может быть, хитрее, научился соизмерять свои поступки с обстановкой, рисковать умно и только по серьезному поводу. Однажды мне даже показалось, что стал неукротимый Степан Крощук обыкновенным делягой, очень хорошо знающим, как заставить людей работать до седьмого пота.

Было это в шестьдесят третьем тяжелом, засушливом году, когда мы начали покупать хлеб за границей. Постановления по части расходования хлеба были самыми категорическими даже для колхозов, о совхозах же и говорить нечего — государственное хозяйство — государству и решать. Всякие выдачи зерна были запрещены. А директор Усть-Ордынского совхоза Крощук выдал. Выдал—как обещал коллективу весной и как это всегда в совхозе делалось. Это было посерьезней, чем выкопать картошку с полей какого-то подсобного хозяйства — это пахло государственным преступлением. Кому следует, подсчитали, сколько хлеба Крощук «разбазарил», какой серьезный ущерб в пересчете на валюту нанес Родине и машина завертелась.

Степан Трифонович оправдывался:

— Такие запреты только развращают людей!

Это была святая правда. Кто жил в деревне, тот знает, что значит лишить деревенского жителя фуражного зерна. Это значит — под корень подрезать его хозяйство. У каждого куры, свиньи, корове и той чем-то пойло присыпать надо. И как лишить хлеба того, кто его вырастил? Но дальше Крощук говорил такое, что не хотелось слушать:

— Поймите, — убеждал он, — за центнер хлеба, выданный нынче, механизаторы вернут на будущий год по центнеру с каждого гектара. За людьми же никогда не пропадет!

Теперь, когда я видела Крощука среди ыдыгинских чабанов и кулункунских доярок, мне многое стало понятным. Испытывать радость от встречи, мучиться от невозможности выполнить просьбу, остро чувствовать чужую беду можно только любя. Нет, не мог он считать этих людей ни ворами, ни рвачами. Он жил с ними одной жизнью, терпел тот же холод и ту жару, что выдубили их кожу, ел один хлеб и не мог он их обмануть, нарушить слово. Потому что потерять уважение этих людей было для него страшнее любого наказания. Нет, это был прежний широкий Степан Крощук, только чуть пообтесанный, поднаторевший да грамотный. Эти свои холодные умные построения о развращении и пользе он придумал уже потом, готовясь к заседанию бюро райкома, а когда раздавал хлеб...

Но до чего же привыкли мы меркантильно переводить в центнеры, в литры, в гектары даже лучшие движения души, даже любовь к людям! Ведь неглупые и не бессердечные люди слушали его на бюро райкома, а поведай он тогда истинные свои мысли, раскрой душу, и кто знает, как бы обернулось дело? Кто-нибудь бросил бы:

— Ага, добреньким хочешь быть за счет государства! — Другой испугался бы прослыть либеральным и пошло, поехало. Верно, Усть-Ордынский совхоз в тот год добился неслыханных в этих местах урожаев, что называется гремел, да иной раз и с победителей головы снимают.

Кажется, больше всего на свете мы боимся показаться добрыми. Надели когда-то во время оно вериги аскетической жестокости к себе (а заодно и к другим), провозгласили идею жертвенности во имя государства,

да так и гремим этими веригами до сих пор. А ведь сквозь этот гром можно и не расслышать каверзного вопроса кума Андрона Зинюка: «Вот ты теперь скажи мне, Степа, кто она такая, Советская власть? Мы с тобой или...».

А пора бы снять вериги, перестать греметь. Доказано уже, что доброта, выражаясь языком экономистов, дает наивысшую отдачу на вложенный рубль. И еще вопрос, сумеет ли угрюмый аскет, который и сам-то никогда счастливым не был, сумеет ли он устроить счастье других людей?

Очень сомневаюсь.

Нет, не здоровье, не ум сохранили Степана Крощука прежним широким, веселым и смелым. Главное в нем не это. Главное достоинство коммуниста Крощука — это кровная связь с народом, уменье слышать его боли и радость, уменье в нем же, в народе черпать силы для новых и новых схваток за его, народа, интересы. Годы руководящей работы прибавили только чуточку такта, умения проникнуть в души людей, оценить обстановку. Я залюбовалась им на днях, как ловко он заставил людей принять решение, которое они хотели и обязаны были принять, но каждый трусил первым поставить под ним свою подпись. Дело происходило все в том же родном ему Усть-Ордынском совхозе.

Глупо погиб лучший комбайнер совхоза Андрей Степанов. Погиб не дома, но и не на работе. Погиб по дороге с работы домой. Как это считать? А как совесть велит. Можно, рискуя получить взыскание за лишний случай производственного травматизма, вырастить детей хорошего работника за счет богатого совхоза. С работы же шел человек, не с гулянки. Можно и наоборот, не рисковать взысканием. Перешагнул человек порог мастерских, как в актах пишется — порвал связь с производством, так что о чем разговор? Тогда послужной список будет чистым, а совесть? Ее же не видно...

Секретарю райкома приказывать не положено. Да и как прикажешь? Заслонится человек бумажкой и прав. Возьми его потом! Секретарю райкома совесть человеческую на свет извлечь нужно было. Чтоб голая она каждый укол слышала, со стыда горела. И Степан Трифонович это сумел. Час терпеливо разговаривал с главным механиком и директором, час оперировал одними моральными категориями и убедил. Или устыдил? Не знаю уж, что тут главную роль сыграло, только механик подписал акт, а директор приказ. Вырастут дети Андрея Степанова без горькой сиротской нужды.

Я вспомнила все это и согласилась со Степаном Трифоновичем. От председателя, понимай руководителя, в каждом деле девяносто процентов зависит. Если не сто.

IV

Кырма — небольшой, домов в тридцать, бурятский улус на самом водоразделе рек Ангарского и Ленского бассейнов. Лес, болота, небольшие, видать, великим трудом раскорчеванные поля в бархатном обрамлении вековых пышных лиственниц. А в перелесках между полями бешеное цветение, торопливая, бурная жизнь. Каждая травинка словно знает — лето здесь коротко, короче даже скудного баяндаевского. Как говорит Степан Трифонович, снег здесь сходит поздно, зато выпадает рано.

Здесь, в суровых этих местах, шестьдесят лет назад родился человек с львиным сердцем воина и преданной душой сына — Владимир Борсоев. Герой Советского Союза полковник Борсоев погиб в 1945 году на Одере, но герои не умирают. Имя Борсоева носит кырминский колхоз. В родном улусе установлен памятник герою. Я не искусствовед, мое суждение, наверное, дилетантское, но меня памятник взволновал. Скульптору Александру Тимину удалось создать поэтичный, исполненный высокой романтики образ. Откинутая за плечи плащ-палатка, нацеленный, пристальный взгляд, устремленные вперед плечи. Словно полковник Борсоев летит на добром коне, словно он еще дерется со всякой нечистью, что поганит землю. Выбитые на высоком постаменте имена односельчан, погибших в Отечественную войну, еще усиливают это впечатление. Кырминцы словно подпирают своего славного земляка, словно стоят с ним плечом к плечу в последнем бою. Да ведь так оно и есть. Они и мертвые несут службу, напоминая живым об опасности, о войне, о необходимости быть начеку. Их шестьдесят четыре, шестьдесят пятый Владимир Борсоев. Шестьдесят пять из одного улуса. Чье сердце не дрогнет от боли, не наполнится гордостью перед этим памятником скорби и славы?

Жаль, не доехал с нами до Кырмы Роман Кирьяныч. Быть может, перед этим памятником стало бы председателю богатого колхоза чуточку стыдно за обшарпанную, тусклую рамку в колхозном Доме культуры, за маленькие, мутные фотографии погибших фронтовиков в этой рамке. Да и не одному Роману Кирьяновичу следовало сюда приехать. В новом нарядном Доме культуры колхоза «Путь Ленина» и вовсе не нашлось места для увековечения памяти воинов...

Но вернемся в Кырму. Все-таки лучшим памятником борцам и героям были и будут наши дела. Гордый памятник полковнику Борсоеву и его землякам стоит пока на пустом месте. Немного в нашей области осталось таких захудалых, запущенных колхозов, как этот, кырминский. По крайней мере, в Эхиритском районе он единственный. Всюду, во всех хозяйствах целыми улицами строят новые дома, клубы, школы, улучшаются породы скота, испытывают новые сорта растений и только в Кырме все как до войны: засоренные любимом поля, мелкие, беспородные овцы, обветшалые дома и хозяйственные постройки. Только и прибавилось за эти года что новое зернохранилище.

Мы стояли перед памятником, читая имена погибших, и чувство вины перед ними росло, сдавливало сердце, за плохую школу, за хилый колхоз, за малолюдство, за все, чего мы здесь еще не сделали по их, героев, завету. Нет, мы не каялись и не признавались друг другу в вине, но по тому, как горячо и взволнованно начал вдруг рассказывать секретарь райкома, какая здесь рядом с памятником уже запланирована средняя школа, каким в ближайшее время станет клуб и вся улица, я поняла — Степана Трифоновича тревожат те же чувства. Явно видел он — памятник героям нуждается в достойном обрамлении, и никто другой, как он, фронтовик Степан Крощук, обязан утвердить на земле все то прекрасное, за что отдали жизнь полковник Борсоев и его односельчане.

В кабинете парторга кырминского колхоза Василия Хушинаевича меня ждала встреча с детством. Струганые стены и потолок, казалось, источали смолистый запах леса, свежести и чистоты. Теперь это можно встретить только в самых дальних деревнях, куда завозить известь и алебастр — дорогое удовольствие. А раньше такими были все крестьянские дома в Сибири. Даже глинобитную русскую печь чаще красили масляной краской, чем белили. А стены и потолки к большим праздникам мыли с дресвой, как моют некрашеные полы. Адская работа! Зато в такой горнице самый скупой солнечный лучик обливал все теплым медовым све-

том. Между прочим, красоту чистой фактуры дерева начинают ценить. Входит в моду отделка стен древесными облицовочными плитами.

Должно быть, я замечталась и не сразу заметила, какой тяжелый идет между секретарями разговор.

— Для райкома составляли план, не для себя, — перелистывая тетрадку с планом работы партийной организации, укорял Степан Трифонович.

Завидная ли это выдержка или Хушинаева, в самом деле, упреки не трогают, только он невозмутим:

— Почему для райкома. Для себя составляли.

— Для себя вы, Василий Хушинаевич, вдвое меньше бы написали, и хоть половину выполнили.

Речь идет о ремонте комбайнов. Колхоз сильно отстает. Но с чем он не отстает? Во всем отстает и всегда отставал. До Хушинаева отставал и до Крощука. Возможно поэтому и не чувствует за собой вины колхозный парторг, поэтому и поскучнел секретарь райкома.

— Давайте, соберем на той неделе открытое партийное собрание. Обсудим ваши дела всем колхозом, — наконец, решил он и вряд ли сам очень надеялся на это собрание. Сколько уже проводилось их и открытых и закрытых, а толку чуть. С этим колхозом, видимо, дело сложнее, чем с другими. Его и до сентябрьского Пленума ЦК никто не разорял завышенными планами, не насиловал ни целиной, ни кукурузой. Сказать, чтобы такой уж неурядливый народ подобрался — тоже нельзя. Вон ведь сколько героев дала Кырма в Отечественную войну. А сколько врачей, учителей, механиков! Петр Протасович говорит, что здесь живут лучшие стригали района. А на полях любим, морковник, и у въезда в Кырму мы наблюдали такую жанровую сцену: в тени разобранных для ремонта комбайнов слесари играли в карты. Среди них был даже один коммунист, наверное, знакомый с обширным планом Василия Хушинаевича по ремонту этих самых комбайнов.

Нет, очень сложно с этим колхозом. И секретарь райкома до самой глубины, видать, не докопался еще.

Живая, деятельная натура Крощука не может долго предаваться досаде или безнадежности. Уже по дороге домой он увлеченно развивает план оздоровления хозяйства.

— Мы думаем из колхозов имени Борсоева и «Комсомолец» организовать совхоз и придать ему Хоготовские мастерские «Сельхозтехники». Неплохое должно получиться хозяйство.

Хоготовские мастерские «Сельхозтехники»! Мы заезжали туда по пути в Кырму. Просторные, светлые, вполне заводские цеха, прекрасный станочный парк, центральное отопление, электростанция... Здесь до сих пор вспоминают Юрия Александровича Кравченко. Эти мастерские он построил буквально на голом месте. Да, это царский подарок для любого хозяйства. Но я не верю в движущую силу подарков. Что не заработано, не больно и ценится. Да и что изменится в Кырме от перемены названия? После введения денежной оплаты в колхозах и хозяйственного расчета в совхозах разница между ними и так исчезает. А может получиться и хуже. Сейчас колхоз имени Борсоева худо ли бедно, а живет самостоятельно. В совхозе Кырминское отделение может легко перейти на иждивение более сильного Хоготовского. Очень просто перейдут. Чем виновата Кырма, если здесь даже скороспелую сибирку накрывает снег, а высокодоходные прекрасные усть-ордынские овцы болеют на болотистых выпасах?

За окном «Волги» один за другим стелятся кырминские пейзажи, один живописнее другого. Могучая лиственница вольготно раскинула плюшевые лапы над малахитовой заболоченной луговиной. Небольшое озерцо в густой чаще молодого, еще зеленого рогоза, кормит, наверное, не один выводок уток. А дальше, насколько хватает глаз — тайга. Тайга до самой Куленги, до Верхоленских нетронутых урманов — огромный район. Прекрасная и вот, оказывается, бесполезная земля. Но нет бесполезных земель. Ведь это классический край охоты. Какое здесь приволье было бы для ондатры. Особенно, если правильно поставить это хозяйство.

— Только вопрос этот, по-моему, надо с помощью науки решать. Чтоб уж без осечки. Наверняка. Чтобы кырминцы в это дело поверили. Как вы думаете?

Степан Трифонович задумчиво посмотрел в окно, повторил вопросительно:

— С помощью науки?? — вздохнул почему-то: — Наука! — и вдруг тронул Мишу за плечо: — Свернем-ка на опытную станцию.

V

Большой, весь в кружевной резьбе деревянный дом. Строили его, видать, с любовью и надолго. В стороне, в живописном беспорядке горсть маленьких домиков — жилье. А за домом сад, запущенный, одичавший, но все же сад. Ранет, смородина, крыжовник, малина, и на всем печать заброшенности, запустения. Ягодники выродились, устарели, кроны плодовых деревьев загущены, не обрезаны. Дорожки и междурядья заросли бурьяном. Баяндаевская опытная станция, основанная селекционером, Героем Социалистического Труда Писаревым, закрыта, сочтена ненужной.

Мы остановились у обрушенной, почерневшей беседки. Жар свалил, наконец, откуда-то с востока потянуло прохладой, слышнее стал томительный запах полыни, запах брошенной пашни, пронзительный и печальный. Бобылем смотрел из-за кустов большой, пустующий дом и, кажется, вздыхал укоризненно, обреченно.

Степан Трифонович погладил шершавую, в шелухе облупившейся краски, балясину, спросил задумчиво:

— В тринадцатом году, кажется, основал ее Василий Евграфович?

Ему никто не ответил. Тишина заброшенного места как-то подавляла.

— Барнаков долго здесь работал, — вспомнил Васильев и начал перечислять научные работы и диссертации, написанные на материалах этой станции. Получалось немало. Видно, имел значение этот форпост науки в таком своеобразном и суровом районе, как Баяндаевский. И вот закрыли. Словно наука уже все сказала. Не все сказала, а скорее мешала. Мешала таким новациям, вроде посевов кукурузы на дальних ленских берегах или оренбургского метода обработки зяби в бесснежных эхиритских степях, разным там елочкам и каруселям. Для таких новаций опытная станция, да и вообще опыт ни к чему. Был бы характер потверже да желание чем-нибудь выделиться, прогреметь. Грустно наблюдать, как много вреда хозяйству нанес этот авантюризм. На примере того же Эхиритского района это видно, быть может, ярче, чем где-нибудь.

Эхиритский район сама природа определила как овцеводческий. Крутые травянистые увалы, неудобные для крупного рогатого скота и пашни, но легко доступные овцам, солончаки, тонкий снежный покров; здесь овца и зимой может добыть себе корм из-под снега, но за это вынуждена одеваться в пушистую теплую шубу. Когда неумным планированием и авантюристическими методами выполнения этих планов были подорваны урожаи в основных зерновых районах, началось латание хлебного баланса любой ценой, даже за счет животноводства. Распахали под хлеб и эхиритские

тонкие гумусные пласты. Она выпахалась на второй или на третий год, эта поднятая целина. Ее пришлось забросить, как говорят, залужить. Но строить — не ломать; сдернутая до гравийного основания почва восстанавливается медленно. Еще и сейчас, пять—шесть лет спустя, уродуют степь огромные каменистые плешины, безобразные как экзема.

А хозяйство района исподволь возвращается к веками выверенному укладу. И это вовсе не движение вспять. Неглупые люди жили здесь и до нас. К чести эхиритских овцеводов сказать — они боролись за этот уклад настойчиво и умно. Стараниями таких специалистов как Владимир Лазаревич Барлуков, Евдокия Алексеевна Осипова и других выведена прекрасная усть-ордынская порода овец, крупная, выносливая к холодам и удивительно густошерстная. До семи килограммов тонкорунной шерсти может дать каждая овца. Улан-Удэнский камвольный комбинат принимает ее по четыре рубля за килограмм. Две-три отары таких овец могут дать больше прибыли, чем отделение иного зернового совхоза. Это же золотое руно!

Сейчас в Эхиритском районе уже сто десять тысяч голов овец. Могло быть и больше. Не хватает пастбищ. Распаханы.

Пройдет еще десяток лет, и в некоторых хозяйствах овцы совсем вытеснят коров, а хлеб будет сеяться только на продовольствие и фураж.

— Ну, это вряд ли, — усомнился Васильев.

Крощук его поддержал:

— Овцы у нас хорошие, ничего не скажешь, а все-таки хлеб — всему голова!

Тут уж засмеялись мы с Васильевым: как неистребим в Крощуке пахарь! Недаром, видно, отец его Трифон Крощук, через всю страну прошел с Волыни на Ангару в поисках вольной пашни. «Какая родова, такая и голова» — вспомнились мне слова старика Коржана. Но симпатии симпатиями, а посмотрите, что сделал этот поборник хлеба за немногие годы руководства районом? Он же во главе всех крупных хозяйств поставил животноводов. И начальником производственного управления после Крощука стал овцевод Владимир Лазаревич Барлуков, а когда его выдвинули на должность управляющего трестом овцеводческих совхозов — райком снова рекомендовал на этот пост зоотехника! Симпатии симпатиями, но этот секретарь райкома остро чувствует экономику и требования времени. А если бы такому секретарю еще науку в помощь? Какими шагами двинулся бы вперед этот район!

В случае с захудалым Кырминским колхозом особенно заметно отсутствие правильных, научных рекомендаций. Прекрасные кырминские угодья считаются неудобными, бесперспективными землями, и умные, энергичные люди вынуждены вслепую искать для захудалого хозяйства выход из тупика. Надо бы развивать сеть опытных станций, опорных пунктов, испытательных участков, а мы закрываем даже те, что организованы до нас...

— Не дам я пропасть этому богатству! — словно подслушал мои мысли Степан Трифонович и широким жестом обвел заброшенную усадьбу. — Отдадим ее школе механизаторов. Пусть на этой базе организуют показательное хозяйство. Чтобы все было: и зерно и скот, и сад.

Жадный человек! Ничего он не хочет упустить на своей земле. Хозяин! Но в тот вечер характер Степана Трифоновича повернулся вдруг еще одной гранью, очень симпатичной, и, на мой взгляд, очень ценной для партийного работника. Мы ехали уже по землям Усть-Ордынского совхоза где Степан Трифонович знал каждый бугорок, каждого сопливого мальчишку. Шагавшего по дороге человека в неизносимом офицерском кителе он узнал издалека и велел Мише притормозить. Обладатель неизносимого кителя, сухощавый бурят лет пятидесяти обстоятельно пристроил в багажник свой набитый покупками мешок, а усевшись в машине, вкусно закурил и уж тогда только поблагодарил:

— Вот спасибо тебе, Степан Трифонович. А то совсем было ноги убил.

— На охоте-то больше ходишь, дядя Гриша, — улыбнулся Крощук, но китель возразил серьезно:

— Охота, она пуще неволи, а тут баба нагрузила... —И вдруг оживился, даже подался весь к собеседнику: — А ты, никак и не полевал нынешний год, Степан Трифонович?

— Все некогда, — сознался Крощук, а Васильев пожаловался:

— У меня нынче лицензия пропала на сохатого.

— Эх вы, охотнички! — искренне возмутился дядя Гриша, а я еще добавила:

— Ленин и то успевал ходить на охоту и в какие годы!

— То Ленин, — засмеялся Васильев, а Крощук внезапно помрачнел и замолк надолго. Уже потом, неделю спустя он признался как-то в разговоре, смущенно улыбаясь:

— Вот вы про Ленина тогда сказали... Убили меня... Таким я себя прозаседавшимся увидел — даже самому противно.

Едва заметная щербинка на крепком белом резце придавала его улыбке что-то мальчишеское. И юношеская, через всю жизнь пронесенная эта способность смущаться... за одно это можно было простить секретарю райкома сорок тысяч грехов, которые у него, наверняка, есть.

В тот вечер, когда я уезжала из Усть-Орды, накрапывал дождь. Он обманул, так и не разошелся, но тогда об этом еще никто не знал, он так славно, обнадеживающе шелестел в тополях, и настроение у всех было радостное. Степан Трифонович названивал во все хозяйства, проверяя везде ли спустились тучи, был очень оживлен, счастлив. Как-то особенно сильно струилась от него уверенность, душевная здоровая ясность.

ВЛАДИМИР ГУСЕНКОВ

ГОРНЫЕ ЯБЛОКИ

Рассказ

Наша тихая улица давно уже стала телячьим раем и градом Китежем. Она вдоль и поперек заросла богородской травой, конским щавелем и дурманом. Под огромными лопухами бродили одичавшие коты, зорко высматривая отбившихся от выводков утят. Приземистый репейник, весь в розовых буклях и мясистой листве, надменно выглядывал из-за плетней. Подслеповатые несушки путались у него в исподниках, поедали белых творожистых червей и нередко оставались ночевать в этих теплых плуталищах, где очень удобно откладывать яйца и предаваться любовным утехам с фатоватыми петухами.

У крайних домов на самом солнцепеке обосновались свиньи. В один прекраснейший день они молча сокрушили земляную перемычку, отделяющую арык от низины, и устроили для себя озодоровительный бассейн. Это никого особенно не встревожило, кроме совхозных водителей, но и они, утопив в грязи два бензовоза (а заодно и пятнистого подсвинка), стали объезжать нашу улицу стороной. Бабы, в свою очередь, смекнув, что теперь некому будет давить их индеек, смотрели на распоясавшихся кабанов сквозь пальцы.

Хитрые твари, до одури начесавшись о толстые ивы, с головой зарывались в грязь и лежали в ней чуть ли не целыми днями. Ни один тягач не смел посягнуть на этот кабаний перешеек, и поэтому я очень удивился, когда однажды утром услышал ленивую перебранку колес. Мною овладело любопытство. Я вылез из-за стола, и, подойдя к воротам, увидел телегу. На ней сидел Гребенюк. Но сначала показалась лошадь — одряхлевший одр, набитый ботвой и отрубями.

Дед Гребенюк, обутый в заплатанные валенки, вяло помахивал вожжами. Весь он был похож на высохшую луковицу. Колеса, заходясь истошным скрипом, ныряли под самое днище.

Золотистые корзины увидел я на телеге, и ватник, и хлеб, и огромный топор. А еще я увидел «дедову одурь» — зеленую бутыль с пенистой брагой. Эта брага месяцами томилась в бочонке, и когда Гребенюк опускал в нее пару табачных папуш, поселковые пьянчуги собирались у него под окнами и заводили разговор о жизни.

— Куда, дед, собрался? — припадая грудью к ветхой калитке, спросил я.

— Тай в горы! Старуха знылась по яблокам. Бабы науськали, пхай их в горло.

Дед выкатил глаза, и, повернувшись к лошадиному заду, стал раскручивать вожжи. Я с тайной досадой посмотрел на удаляющуюся колымагу старого колониста и опаснейшего пивовара.

— Дед! — закричал я, томимый завистью, — а тебя заедят кабаны!

— Хай они издохнут! — донеслось издалека.

Все было кончено. Даже восьмидесятилетний Гребенюк, которого уже не согревало никакое солнце, отправился за горными яблоками, а я все еще медлил. Меня волновали эти яблоки. Их привозили в холщовых мешках и сушили на плоских крышах. Их воровали мальчишки, ненасытные, как молодые скворцы. Ими заполняли деревянные лари, в которых паломничали мыши, — всю зиму горницы пахли яблоками.

Я представил себе деда, мирно отдыхающего рядом с грудами оранжевых опадышей, и поплелся к столу. Куры, воспользовавшись случаем, дружно опустошали мою миску. Заметив опасность, они всполошились и кинулись врассыпную. Упал на землю кофейник. Петух, зацепившись шпорой за хлебницу, свалился в арык и начал тонуть. Я выловил его за гребень вместе с хлебницей. Он злобно ущипнул меня за палец. Тихий смех раздался за моей спиной. Я оглянулся и встретился глазами с Еленой, которая только что вернулась со станции.

— Что же ты его держись за лапы? Посмотри, как он закатывает глаза.

— Пусть! — сурово ответил я. — Вместе с подлыми патями он сожрал мой завтрак.

— Почему же ты не съел его сам?

— Потому что он мокрый и злой, — глядя на фиолетовый гребень, ответил я.

— Какой ты сегодня расстроенный. Даже не понимаешь, о чем с тобой говорят.

Елена подошла к столу и усадила меня на скамью. Петух был помилован. Мы допили оставшийся в чайнике чай и съели помидор, который не успели расклевать куры.

— А знаешь? Есть новость, — помолчав, сказала Елена. — Завтра вы с Ольгой Наумовной едете в горы за яблоками. Едва упросила взять вас хотя бы двоих. Такие ужасные люди.

Грустно звякнула чайная ложка. Откуда-то сверху, прямо в голубое блюдце упал наполовину пожелтевший лист. Это облетал наш старый карагач. Я вспомнил о завтрашнем дне и лицемерно вздохнул.

И вот мы пробираемся по тихим закоулкам. Нас провожают глазами скуластые женщины, разжигающие очаги. Студенистые груди ползут у них из-под кофт, и юркие наследники аксакалов черными гроздьями виснут на них. Угловатые девочки послушно раскатывают тесто на низеньких столиках. Они грызут сухой творог и сплевывают его сквозь зубы. За виноградными лозами храпят старики-казахи.

Мы сворачивает к школе, где стоит машина, и, не дожидаясь приглашения, забираюсь в нее. Ольга Наумовна повязывается платком. Подходят женщины и,

толкая друг друга, переваливаются через борт. Потом я вижу мужчин: заросшего щетиной механика, с янтарным мундштуком в зубах, и преподавателя по труду, который еще издали прицелился в кого-то из ружья. Из-за угла вынырнул пожилой математик с арбузом под мышкой. На нем была мохнатая волчья шапка и болотные сапоги из бычьей кожи. Увидев ружье, он мгновенно заговорил о вальдшнепах и сел на арбуз, тотчас же давший о себе знать ущербным хрустом.

Пора было ехать. Но водитель все еще ходил вокруг грузовика и лениво тыкал носком сапога в изношенные скаты. Его сонное лицо ничего не выражало, и только глубоко под кожей валунами перекатывались желваки. Высокая костистая старуха с лицом великомученицы медленно прошла мимо него, сухими локтями упала на борт и поползла по нашим ногам. За ней волочился набитый тряпьем мешок. Растолкав женщин, она уселась среди них, неряшливо распространив широкую юбку. Рыбья чешуя искрилась на черной ее кофте.

— Мить! — выворачивая шею, хрипло позвала старуха.

Водитель нехотя вскочил на подножку и хмуро взглянул на нее.

— ...не репу везешь. Полегче...

Ответа не последовало. Хлопнула дверца кабины — и женщина, тяжело вздохнув, поправила свой ветхий полушалок.

Переваливаясь на ухабах, грузовик наш выбрался за окраину села. Степная удушливая пыль, почти не оседая, тянулась за нами желтым извилистым шлейфом. Курганы кукурузных початков лежали по обеим сторонам дороги. Среди них бродили дети и взрослые. А еще дальше убирали свеклу, и румяные тракторы на высоких колесах прыгали, как таксы, среди арыков.

Все мы очень скоро примирились с дорожной пылью. Устроившись на ватниках, женщины говорили о старом бухгалтере, который недавно сбежал из совхоза, негодовали по поводу каких-то беспорядков, и только старуха молчала. Математик и трудрук делились впечатлениями о плавнях озера Алаколь. Оба они мысленно бродили в топких камышах, стреляли в диких селезней и веслами глушили рыб. Механик молча прочищал мундштук. Видимо, ему не приходилось иметь дело с водоплавающим миром, а махорочные сигареты вполне удовлетворяли его охотничий азарт.

Наш грузовик уже успел пересечь небольшой канал и миновать железнодорожный шлагбаум.

Медленно и неуклонно приближались горы. Я смотрел на стелющийся дым у подножий каменистых громад и видел циклопическую испещренность предгорий. Туда, к Джунгарским воротам, уводил остатки своей армии генерал Анненков. Угрюмый мечтатель, отягощенный видениями корон и виселиц. Он расстрелял в болотах свои мятежные роты и, там же утопив артиллерию, ушел в страну черепичных храмов и желтых, как горечь, рек. Память о себе он оставил на одном из гигантских склонов, где солдаты высекли его имя. Но и без этого Семиречье помнит генерала Анненкова — черную гиену революции.

Пыль хлынула мне в лицо. Грузовик остановился. Математик, нелепо взмахнув руками, ткнулся лицом в чью-то корзину.

— Матвей Николаевич! Не раздавите мои помидоры.

— У вас тут, Анна Петровна, булыжники, а не помидоры! Хотя извиняюсь — хлеб.

Сквозь золотящуюся пыль мелькнула фигура нашего шофера. Он бежал куда-то в сторону, быстро наклонялся, падал на колени и тут же снова вскакивал. Пятнистые шары путались у него под ногами. Это были арбузы. Сказочное зрелище открылось перед нами. Тюрбаны Бухары, пестрые халаты дервишей были разбросаны по рыжей земле, и это послужило сигналом к чудовищному грабежу. Механик, прыгая с машины, едва не выворотил борт. За ним выбросился преподаватель по труду. И уже последним засеменил Матвей Николаевич в своих охотничьих ботфортах. Громко хохоча, они бродили среди совхозных кавунов, тискали их ладонями и, прикладывая к уху, выли от восторга. Оживились и женщины. Даже суровое лицо великомученицы смягчилось, и только Ольга Наумовна не разделяла общего восторга.

Я видел, как летели в сторону зеленые недоноски. Розовым соком истекали они у дороги. Но видел я и другое: от небольшого шалаша, стоящего на дальнем конце поля, бежал человек. Он припадал на одну ногу, задыхался, изнемогал от брани и размахивал длинной клюкой. Он напрасно торопился, этот инвалид. Багровые от натуги воры уже брели к машине. Через борт катились, арбузы, а водитель шарил подошвой стартер.

Только к вечеру наш грузовик одолел покатую гряду предгорий. Самую трудную часть пути нам пришлось идти пешком. С булыжниками в руках мы плелись за нашей воющей навзрыд колесницей, готовые броситься к ней на помощь. Женщины перекликались где-то внизу. Только одна из них (та самая, которую я мысленно нарек великомученицей), шла рядом с машиной.

— Старая-то крепкая. Не отстает от племянника, — кивая на нее, сказал Матвей Николаевич. Сам он едва поспевал за ними, шумно топая сапогами.

— А знаете, — вмешался трудрук, — я бы на месте этого Митьки или сбежал от старухи, или того — удавился. Не жизнь это, простите — каторга. Сама день и ночь с подоткнутым подолом мотается с огорода в коровник. И он на нее, как верблюд, вкалывает. Тридцать лет мужику, а бабу еще ни одну не распечатал. Ну на кой ляд ему все это хозяйство?

— Пить начнет — пригодится! — спокойно заметил механик.

— Теперь не начнет. К этому делу надо привыкать раньше, — возразил трудрук. Все рассмеялись. Подъем, наконец, кончился. Мы снова расселись в кузове и тронулись дальше.

Садилось солнце. Безмолвные впадины распахивались в двух шагах от машины, и колеса пугливо огибали их сосущую пустоту. Я видел кибитки в синем дыму очагов. Огибая каменистые россыпи, под которыми спали змеи, двигались внизу верховые. Неизъяснимо и чисто тянулся на склонах чебрец, а от неба нельзя было оторваться. Пылал горизонт. Вставали семицветные столбы. Облака поражали невероятной игрой полутонов. А когда скрылось солнце, обозначились силуэты башен, фиолетовых саркофагов и пирамид. Горы. Сознание мое молчало. На берегу небольшой горной речушки мы раскинули свой бивуак. Запылали костры, появился медный чайник, и, вволю наплескавшись в знобящей родниковой воде, все жадно кинулись к своим ведрам, кулям и корзинам. Затрещали краденые арбузы, покатились помидоры и яйца, запах вареного мяса и совсем еще свежего лука смешался с ароматом порящей травы. Матвей Николаевич первый навалился на свою курицу. Остальные последовали его примеру.

Через полчаса все были сыты. Долговязый трудрук дважды выстрелил из ружья в луну, во всеуслышание объявил, что в окрестностях водятся бурые медведи и полез под машину спать. Женщины, смеясь, повалили от костра и стали укладываться в кузове. Мате-

матик ушел к перекату ловить форель. Я взял нож, нарубил охапку молодого тростника и устроился между валуном и деревом. Вскоре лагерь наш затих. Подо мной внизу беспечно лепетала река. Сонно шелестели листья горных тополей, а отвесная скала в двухстах шагах от стоянки тонула в мягком сиянии ночи. Недалеко от меня пылал костер. Я повернулся к нему лицом и увидел суровую старуху. Упав подбородком в сухие колени, она неподвижно смотрела в огонь. Темный платок не был завязан, и редкие пряди волос выбивались из-под него. Свалявшаяся кожа ее щек была облита желтком забот и старости. Я старался представить себе, о чем эта женщина может думать, сидя над грудой догорающих сучьев, но у меня слипались глаза.

Сон мой был неглубок. Ночные шорохи заставляли меня вздрагивать. И тем не менее я удивился, когда, подняв среди ночи голову, увидел у костра еще одну женщину. Разговор их, начатый, видимо, давно, долго мешал мне уснуть, и даже накрывшись с головой шубой, я слышал глухой голос «великомученицы».

— ...Окся-то уж после кончилась, когда ослободили нас. Люди разуты-раздеты, срам нечем прикрыть. Животы у ребятишек пораздувало. Што тебе клещи на собаке, сидят у печи. Куда я с ими одна-то. К лету начал бог прибирать. Митька один остался. Жалко мне его, а у самой уж и головушка не держится. Ноги — будто кто их остругал. И нет на тех ногах ни тряпоньки. Как есть негры... Ну, значит, взяла я заступ, пошла на кладбище, где немцы своих закапывали. Разрыла, однако: смердит он. А ботинки при ем. Разула его гаденыша и с другим — тем же порядком. Обулись мы с Митенькой. Спасибо, господь надоумил... Только я с тех пор, как этих мертвяков пощупала, ровно каменной стала. Пакость он, человек-то. Вошь! Плоди его, не плоди — добра никакого не будет. Война в ем с молоком сидит. Сам ишо в пеленках, а сиську рвет, как волчонок. Отдай ему. И энти вон. За арбузами-то днем, ровно как сдуло. Все на одну колодку: что мужик, что учитель. Придет черный день — за кость раздерутся...

Конца разговора я уже не слышал... Косматый гималайский медведь навалился на меня под утро. Он вскарабкался по крутому обрыву и очень обрадовался, обнаружив перед собой спящего человека. Я не стал медлить, рука моя потянулась к ножу — и я проснулся. Отяжелевшая от предутренней сырости шуба упала с меня. Она-то и была гималайским медведем, с которым я собрался вступить в единоборство.

За восточными склонами гор потягивалось розовое тело зари. Матвей Николаевич в неизменных бычьих сапогах сидел на подножке грузовика и, улыбаясь, обгладывал куриное плечико. Вдоль берега брела костистая великомученица, так и не сомкнувшая глаз. Она подошла к угасшему костру и тяжело опустилась на траву. В руках у нее был узел. Женщина развернула его — и спелые гроздья калины рассыпались по платку.

— Успеваем! — принимаясь за помидоры, крикнул Матвей Николаевич.

— А что ж, — хрипло ответила женщина. — Спохватишься зимой, так намаешься с сумой.

— Это где зима? — поднимая угловатую заспанную голову спросил Митька-водитель. Он зевнул, вытянулся на брезенте, как рысь, и, убедившись, что вокруг пока еще осень, неожиданно рявкнул:

— Бабы! Подъем! Спины заржавеют.

Наспех позавтракав, мы покинули нашу ночную стоянку и, благополучно миновав небольшой перевал, оказались на открытом месте. Небольшое плато, окруженное величественным хороводом гор, понравилось всем. Грузовик вскоре опустел. Большинство отправилось по едва приметной тропинке к высоко шумящим лесам. Я не пошел со всеми: Ольга Наумовна еще с утра чувствовала себя не совсем здоровой, и поэтому мы решили спуститься в неглубокую лощину, где, судя по всему, тоже было немало диких яблонь.

Нам повезло. Яблоки действительно были. Они желтели в ущербной, поникшей от первых сентябрьских туманов траве, они робко выкатывались из-под мокрого хвороста или важно покачивались на толстых иглах шиповника, они, как новорожденные щенки, слепо тыкались в нашу обувь. Я ничуть не сожалел, что попал в эту лощину. Здесь стояла тишина. В редком багрянце осени светились золотые слитки плодов. И я приступил к делу.

Мои колени были ободраны. Среди свирепых зарослей шиповника и жимолости, среди тучных осин и отцветающих полчищ папоротника я нашел высокую яблоню с оранжевыми в кулак величиной плодами. Я ухватился за ствол, и яблоки больно застучали по моей неопытной спине. Не одну затрещину получил я по голове, но мое упорство было вознаграждено. Ольга Наумовна слабо всплеснула руками, увидев клочья моих штанов и покрытые ссадинами руки, однако яблоки скоро заставили забыть ее обо всем на свете. Тихую радость испытали мы, ползая среди лукавых опадышей, высасывая занозы из пальцев и неторопливо наполняя нашу холщовую суму золотыми узниками осени. Когда мешок был наполнен, я оставил Ольгу Наумовну под деревом и отправился побродить вблизи.

В одном месте, довольно удачно скатившись с обрыва, я попал в настоящее царство яблок. Они мириадами висели над головой, устилали дно неглубокого ущелья. Как всякий северянин, я сокрушался при мысли о том, что эта сказочная роскошь так и останется в этих горах, а где-нибудь в Братске или Тайшете дети будут мечтать о яблоках, так нелепо хрустящих под моими ногами. Еще раз окинув глазами ущелье, я покинул его и вернулся к Ольге Наумовне. Пора было возвращаться.

Возле машины никого не было. Только Митька, с головой влезший под капот, напрягал свою бугристую спину. Мы достали домашний арбуз и сели в траву. Становилось жарко. Я прислонился к заднему колесу грузовика и стал наблюдать за склоном горы, по которому спускались люди. Двигались они медленно и осторожно...

Первой показалась великомученица. На суровой бельевой веревке, перекинутой через плечо, она волокла два туго набитых мешка. Ее впалая грудь тяжело вздымалась, волосы, выбившись из-под платка, мешали смотреть, но она ступала ровно и страшно, не выпуская веревки из рук. За ней показался низенький математик. Яблоки он нес в двух больших рюкзаках, стянутых багажным ремнем. Подходили и остальные. Все были возбуждены и веселы. Яблоки, наполовину уже смятые, издавали сладковатый запах. Холщовые бока мешков кровоточили соком.

Старуха, успевшая отвязать веревку, снова направилась в гору. Ее полуголый Митька с измазанными лопатками, сердито швырнул под сиденье ключи и побрел следом за ней. Женщины, проводив их глазами, заговорили между собой.

— Мелентьевне что яблоки, что горы— все одно с места сдвинет и на себе унесет. В хозяйстве-то у нее и мышиный помет зря не заваляется.

— Ее ить верблюд делал.

Женщины рассмеялись. Они отпустили еще несколько комплиментов в адрес суровой старухи и были непрочь посудачить еще с полчаса, если бы одна из них вдруг не спохватилась:

— Сидеть, глядеть! А люди вон трудаются!

Я повернул голову и увидел механика. Огромный куль, величиной с одеяло, копной возвышался над ним.

— Сергей Евсеевич! Вам бы трактором родиться! — крикнула разбитная Анна Петровна с брюквоподобным бюстом и отчаянно веселыми глазами. Сергей Евсеевич аккуратно спихнул с себя куль, сказал, что человеком тоже быть неплохо и, отдышавшись, закурил.

Вскоре я опять различил апостольскую поступь Мелентьевны. Пять ее мешков лежали в стороне, но, угрюмо отвязав веревку, она снова поплелась назад. Яблок становилось слишком много. Я вспомнил, как выл грузовик на крутых подъемах, и мною овладело беспокойство.

Откуда-то из-за кустов появился преподаватель по труду. За поясом у него болтался подстреленный ястреб. Увидев кули с яблоками, он всполошился, отдал ружье механику и стал искать свой мешок.

— Как вы думаете, — обратился я к механику, — увезет наш газик все эти яблоки?

Матвей Николаевич мягко усмехнулся, блеснул глянцеватым черепом с рыжеватым, прибитым испариной пухом, трогательно окаймлявшим его стыдливую тонзуру, и, тряхнув носовым платком, поведал мне историю о том, как в прошлом году разбилась в горах машина. Везла она, разумеется яблоки и тех, кто их собирал. Следовательно, пришлось воспользоваться услугами спортивного общества «Буревестник» (понадобились альпинисты), чтобы спуститься к пострадавшим. Факт, как говорится, был налицо. Кого-то хотели судить, но потом раздумали, потому что в живых никого не осталось.

— Не каждый день, но бывает, — утешил меня механик. — Мотор у Дмитрия зверь. Месяца нет, как поставили.

Я понимающе кивнул головой и закурил папиросу. День выдался жаркий. Многим хотелось пить, но воды никто не захватил. Часть вернувшихся женщин вспомнила о реке, а заодно и о барбарисе, росшем по берегам. Я достал из кузова ведро и подал его Ольге Наумовне.

Вместе с остальными мы вышли на дорогу и уже через час обирали унизанные острыми шипами кусты барбариса. Темно-лиловые ягоды, покрытые сверху, как бы легчайшей дымкой инея, оказались на редкость кислыми. Набрав ведро, мы вышли к месту нашего ночлега. Не дойдя до берега, Ольга Наумовна посмотрела на меня странно остановившимися глазами, и я поспешил усадить ее в тень огромного тополя.

— Горный воздух, — бледняя, объяснила она, и, виновато улыбнувшись, прилегла на куртку. У нее начинался сердечный приступ. Нужна была сухая камфара. Я знал, что она у меня в кармане. Я вывернул карманы и только теперь вспомнил, что переложил ее в шубу. Камфара осталась в машине. Мне стало холодно. С полотенцем, на котором виднелись пятна барбариса, я бросился к реке. Вода кипела вокруг меня, зеленые от слизи валуны предательски ускользали из-под ног, но я намочил фиолетовый жгут и вернулся к Ольге Наумовне. Торопливо подходили женщины. Опускались на колени. Анна Петровна настойчиво предлагала таблетки от головной боли, а я с тревогой смотрел на заострившийся нос.

Камфара! Ее вместе с шубой завалят кулями! Их, наверное, стало десятка на полтора больше. Я поднялся и пошел. Мимо отвесных стен, мимо зарослей барбариса и гранитных уступов, похожих на волчьи челюсти. Чистейший горный воздух клокотал в моих легких. В десяти шагах от машины я окончательно выбился из сил. Камфара! Грузовик был сплющен кулями. Митька, пристроив домкрат под рамой, лениво перекачивал камеру. Диск, лежал на земле. У меня потемнело в глазах. Не помня себя, я бросился к машине и стал выворачивать кули. Меня остановил механик. Испуганные глаза Матвея Николаевича растерянно мигали из-под шляпы.

— Ольге Наумовне плохо, — произнес я наконец, и увидел шубу. Она лежала в траве рядом с корзиной. Я спрыгнул на землю.

Тени давно зеленали полдень. Ольга Наумовна все так же лежала на старой заплатанной куртке. Педагогическое поприще, бессонные ночи и голод сорок пятого года сделали свое дело. Как это ни странно, но ее жизнь зависела сейчас от того самого уровня моря, смысл которого она по-настоящему уяснила только теперь. Ученики понимали этот термин куда примитивней, хотя многие из них успели уже достигнуть порога полной зрелости. Один из них сидел неподалеку и задумчиво разглядывал рессоры. Он не сомневался в том, что они железные, в них, пожалуй, были и очень нужные примеси, но все это было рассчитано на каких-то полторы тонны полезного груза, а сейчас его было гораздо больше. Кому-то полагалось остаться: людям или яблокам. Люди, конечно, могли бы и подождать, но, судя по всему, никому не хотелось две ночи подряд спать под открытым небом. Разлучаться с яблоками тоже было тяжело. Завтра в полдень они превратятся в гниющее месиво, и тогда их сушить бессмысленно. Все молчали. Мужчины курили в стороне, а женщины стояли над Ольгой Наумовной. На водительском сиденье затаилась преступнейшая из старух. Она дремала, когда я подошел.

— На мешках вам будет удобней, — сказал я. — Привяжитесь веревкой, чтобы не упасть. Все равно мы сейчас поедем.

Она повиновалась. Горы не выветрили запах чешуи. Он остался в полотнах широкой юбки, опахнувшей меня, в жилистой шее дрофы, в складках старческой кожи. Я посторонился. Анна Петровна и Матвей Николаевич вели к машине Ольгу Наумовну.

Митька, наконец, кончил техосмотр. Угрюмо взглянув на горы, он подошел к старухе и тихо сказал:

— Перебрали, мамаша.

— Довезешь, — спокойно сказала она.

— Алешка тоже довез. До самых райских ворот. Божьи автобусы водит.

Старуха поправила платок и, ничего не сказав, полезла на мешки. Механик, стоявший рядом со мной, докурил сигарету и, подойдя к машине, ухватился за борт. Молча взявшись за свой двухметровый мешок, он выволок его из общей груды и, развязав, стал высыпать яблоки на землю. Нежно шурша они падали под колеса, откатывались, и бабы, сторонясь, растерянно переговаривались между собой.

— Сергей Евсеич! Там в углу мои рюкзаки,—крикнул Матвей Николаевич. — Подайте их мне.

— Тут чьих-то восемь кулей, — сквозь зубы пробормотал механик.

— Всего сорок шесть, — подсказал трудрук.

Механик спрыгнул прямо в яблоки, снял с головы промасленную фуражку и, набрав самых крупных дичков, как цыплят, осторожно прижал их к груди.

— Детишкам на молочишко, — завертывая этот желтый выводок в армейский бушлат, пояснил он.

Виновато потоптавшись на месте, женщины одна за другой стали взбираться на машину. Та, что сидела ночью с великомученицей у костра, уверяла, что у нее и мешки-то по три ведерка, и яблок так себе — курицам

насмех. Но я-то видел, какие это славные торбы, сшитые из добротной парусины.

Махнув рукой, Митька шагнул на подножку и включил зажигание. Математик, взглянув на каменистые губы старухи, сердито нахлобучил шляпу.

Снова был ветер. И снова фиолетовые горы маячили в семицветных столбах заката. Но никто не обращал на них внимания. Наш грузовик стал погребальным катафалком. Он с трудом преодолевал подъем, а мы брели за ним, чтобы потом, прислушиваясь к скрежету переключателей, проваливаться вниз, мотаться, хватаясь за углы кулей, и проклинать ниппель, вздумавший пузыриться под плевками замкнутого Митьки. Ольга Наумовна, роняя валидол под рычаги, валилась головой на смотровое стекло. Меня душила ненависть к женщинам. Глядя в проносящиеся под нами изломы ущелий, я думал, что если бы наш грузовик свалился в одну из этих дьявольских трещин, никто бы так и не задумался над истинной причиной столь частых катастроф. Яблоки рыдали под сельскими задами старух и девок, и мне было больно смотреть в пропыленные лица корыстолюбивых мадонн. Ниппель все же подвел нас. Прямо на дороге мы перекачивали камеру. Матвей Николаевич мрачно строгал дубину, сидя спиной к слабому полу. А сумерки — эти послушные солдаты ночи, окружали нас плотным кольцом.

Уже в темноте мы добрались до роковой кручи, с которой предстояло спуститься на степное плато. Я нисколько не сомневался, что Митька своротит себе шею, а его лживая мамаша оплачет яблоки. Ничего не видя под ногами, мы долго сводили Ольгу Наумовну вниз. Катились из-под ног камни, подпрыгивая на уступах, кто-то оступаясь, шепотом порочил святителей и матерей, все хотели есть и с надеждой следили за трепетно мерцающими фарами. Свет их становился все увереннен, а низкий вой двигателя нарастал. Я отступил с дороги. Темная махина проползла мимо меня, опахнув теплом и бензином. Катастрофа не состоялась. Машину уже брали на абордаж. В темноте молча ползли по мешкам, лягая друг друга в животы. Никто не обижался, потому что горы кончились. Митька вылез из-за баранки и, расстегивая штаны, убрел в темноту. Через пару минут он вернулся. Потыкал сапогами в скаты и, вздохнув, обратился к мужчинам:

— Курить есть у кого?

К нему подошел механик. Спрыгнул трудрук. Митька закурил и, задрав голову к сбившимся в клубок женщинам, повелительно сказал:

— А ну слазь! Эвакуация!

— Это зачем еще? — сонно откликнулась Анна Петровна.

— Детей будем рожать.

— Дома найдется место.

— Ну будет. По-хорошему прошу спуститься.

— Да ты что долговязый черт. В себя никак не придешь?

Поднялся глухой ропот. Митька не выдержал. Он закричал о лопнувших рессорах и яблоках, поклялся никогда больше не ездить в горы и заявил, что пусть все провалится, но сейчас он повезет только двоих.

Женщины нехотя сползали с машины. Наверху осталась одна Мелентьевна — летучая мышь, запахнувшая черные крылья.

С меня было довольно. Я отошел в сторону и лег. Сухие кусты курпека вонзились в мои бока. Машина ушла. Механик и трудрук попытались развести костер, но им помешал ветер. Свирепый евгей подул от Джунгарских ворот. Через десять минут мы задыхались от пыли, кутаясь в жалкое наше тряпье. Звезды скрылись.

Смерчь в конце концов пронесся и стал накрапывать дождь. Ленивый, он как бы испытывал наше терпение: смолкал, вслушивался, снова забегал где-то сбоку —и в кромешной тьме ползли скорпионы, извивались фантастические черви. Таинственно и глухо аккордионировал гром. Казалось, что невидимые руки помешивают в небе клюкой. Гроза разбудила горы — и они грохотали, как порожние бочки в трюме старинной каравеллы.

Женщины жались друг к другу, нервно пересмеивались. Одиноко тлела папироса, и Матвей Николаевич, уткнувшись в свою шляпу, спал на холодной земле. Бельевая веревка, стянувшая плоскую грудь старухи, плыла у меня в глазах. Потом я увидел знакомую изгородь и фигуру Елены. Она стояла на пороге дома и улыбалась. Мне хотелось рассказать ей о яблоках, но сердце мое смутилось. Я не мог рассказать ей о яблоках.

...Часа в два ночи меня разбудили. На дороге стояла машина, и Митька, навалившись грудью на баранку, устало жевал хлеб.

На следующий день перед обедом во дворе появился Матвей Николаевич. Вместо шляпы на голове у него красовалась цветная тюбетейка, а ноги были обуты в сандалии. Узнав, что Ольге Наумовне стало гораздо лучше, он присел на скамью и предложил мне пойти с ним на озера, в которых водилась маринка. Эта рыба была примечательна тем, что содержала в икре какой-то сильный яд. Куры, наевшись такой икры, гибли незамедлительно. Однако для человека хорошо освежеванная маринка представляла на редкость приятный деликатес. Я охотно согласился пойти на озера. Матвей Николаевич заботливо поправил тюбетейку и, отчего-то робея, неожиданно сказал:

— А знаете? С яблоками-то целая история. Даже роман с продолжением. Да вы не улыбайтесь. Вожусь я сегодня с этим ублюдочным велосипедом и вижу, идет Анна Петровна. В руках у нее ведро. Я сначала не обратил внимания, что у нее там такое. Потом смотрю — яблоки. Ставит она передо мной их и спрашивает, куда бы это можно их пересыпать. Я ничего не понимаю. Подумал, было, с женой у них какие-нибудь бабьи их товарообмены. Но Анна Петровна странно так поглядывает на меня. «Да забирайте же вы свои яблоки, — говорит, — мне еще надо снести Сергею Евсеичу». Ну и ну, думаю. Расчувствовалась наша Анна Петровна... Поблагодарил ее — и снова за спицы. Вставил пару штук. Смотрю вторая плетется. Тоже несет яблоки. А за ней еще одна тащится. «Да вы что, сговорились?» — спрашиваю я у них. Они переглядываются и вроде бы им неудобно, что встретились вместе. И даже как-то скисли, только на ведра украдкой поглядывают: не дряни ли, мол, ты насыпала там, голубушка. Уставился я на них. Экая, думаю, порода весь этот прекрасный пол. Ярмарка в платках. Шилохвостки и сплетницы. Колхозницы, черт бы их побрал. Вот уж и впрямь говорится: людская душа — потемки. И честно вам говорю — сколько живу на свете, не могу я разобраться в этих бабах.

Математик растроганно посмотрел на меня и поправил тюбетейку.

— А все-таки хорошо было в горах, — помолчав, произнес я.

— Да! — отозвался он. — Такое, знаете ли, разнообразие. Одним словом — красота.

Е. РАППОПОРТ

«ДВА МИРА»

У «Двух миров» трудная и — одновременно — счастливая судьба. Владимир Яковлевич Зазубрин написал свой роман, будучи политработником 5-й Армии в Иркутске. К четвертой годовщине Октябрьской революции книга, отпечатанная в походной типографии Политуправления 5-й Армии, вышла в свет. В подзаголовке ее стояло — роман.

В 21-м году ни один советский писатель не дерзнул еще на эпопею. Невозможно себе представить, что читатели тогда не знали ни «Разгрома» Александра Фадеева, ни «Тихого Дона» Михаила Шолохова. Тем не менее, так было.

Вот почему сибиряка Владимира Зазубрина справедливо называют автором первого советского романа. Написанная очевидцем, книга эта не оставляет равнодушным и нынешнего читателя.

Любопытны записи народного учителя А. М. Топорова, прочитавшего «Два мира» в 1927 году крестьянам сельскохозяйственной коммуны «Майское утро» Алтайского края. Невозможно удержаться, чтобы не привести несколько их высказываний.

«Это не простая книга, а история колчаковской тирании. Разделить ее по частям и напечатать по всем книжкам, которые идут школьникам. Наши дети и комсомольцы не видели тяжести борьбы за свободу. Они плохо эту борьбу представляют. Так пусть же из «Двух миров» узнают про нее. Пусть, чтобы не считали они труды отцов, их борьбу чепухой. О книге много-много можно сказать, но всего не скажешь. Одно скажу: я не робкого десятка, а и то сердце у меня тряслось, как осиновый лист, когда шло описание войны. Сижу и ходуном хожу — эх, дал бы сейчас какому-нибудь белому! Ярь большая брала...».

«И будет в народе ходить эта книга ужасная и впечатлительная! Отшибет она народ от всякого подлого творчества старого режима. Отчего это так? Оттого, что составлен роман не только что трогательно, просто-таки кардинально! Теперь еще добавлю, как я понял «Два мира». А вот как. Будет мне семьдесят пять лет, и будут у меня внуки. Буду я садить своих внуков на пузо, и все им до слова, до тонкостей расскажу из этой книги. Иначе нельзя. Человеческое сердце к сердцу примыкает».

И — вывод из обсуждения: «Никакое другое произведение современной художественной литературы, прочитанное и разобранное в «Майском утре», не зажгло в нас столько озлобления и ненависти против угнетателей трудового народа, сколько вызвали «Два мира».

Мне представляется закономерным, что именно иркутский график Георгий Леви в юбилейный год Советской власти завершил цикл работ по мотивам первого советского романа. Надо сразу оговорить, что его листы, часть которых представлена сегодня на вклейках альманаха, — не иллюстрация к «Двум мирам», а глубокое размышление над эпизодами книги. Художник, как всякий читатель, концентрировал свою мысль на сценах, волнующих его сердце.

Чтобы понять, почему те или другие сцены «Двух миров» больше всего взволновали Г. Леви, следует сделать небольшой экскурс в мастерскую художника. Здесь вы встретитесь с незавершенной еще серией гравюр об Отечественной войне. В его серии, как и в романе В. Зазубрина, есть та самая драматическая хроника событий, от которой дрожь проходит по коже. Г. Леви увидел войну в изуверствах и несчастьи мирных людей. О них он и поведал в гравюрах.

Леви — художник, как и Зазубрин — романист, — против войны. Это их роднит, этим объясняется их эстетическая программа. У них одинаковое общее видение. Борьба, навязанная белогвардейцами или фашистами мирному населению, волнует Г. Леви потому, что она превращается в кровопролитие, братоубийство. Вот почему для того, кто видел раньше листы Леви, не будет неожиданностью его обращение к теме «Двух миров».

Художник очень по-своему читал книгу. Он увидел мужиков над ямой, где бьется в предсмертных муках Петр Непомнящих. У них сосредоточены лица, стыдливое выражение глаз. Они — соучастники убийства честного человека. Но в этот момент мужики — звери. Ради спасения своей жизни они умерщвляют товарища. Трусость — вот что ими руководит. Психологически Леви точно передал их настроение. К конечной цели, к убедительно найденным деталям он пришел через поиски.

Гротескна у Леви сцена в церкви, где штабелями лежат тифозные белогвардейцы, а офицер Мотовилов с «сестрой милосердия» Воронцовой пьют спирт, разговаривают о наживе, пользуются моментом, «чтобы жить». Отвратительный сам по себе в романе, эпизод этот Леви еще усиливает, подчеркивает моральное разложение армии «сухопутного адмирала». Леви находит для Мотовилова жест, логика которого разоблачает его характер. Всего-навсего жест, позу, а как дополняет она образ неумного, опустошенного человека. И при всем том Г. Леви сумел сохранить деликатность, формальную осторожность. В его листе — только то, что «работает» на главную мысль.

Лаконизм — существенная черта гравюр Леви. Он как бы боится их перенасытить. Только то, что «стреляет». Отряды со штыками в длинной цепи. А штыки направлены в людей.

Конь, человек в папахе, мальчишка, которого он гладит по голове.

Нужны ли еще слова?

Гравюры вызывают гордость за страну, преодолевшую все посягательства на завоевания Октября. Каждая из них — самостоятельная новелла из времен гражданской войны. Исполненные глубокого драматизма, листы Георгия Леви на темы первого советского романа сибиряка Владимира Зазубрина глубоко жизнеутверждающи. Они — хорошее дополнение к нашей информации о том уже далеком времени, о котором поведал нам Зазубрин. Социальная полезность их так же неоспорима, как и значимость «Двух миров».









А. Н. ГРАНИНА

ФРАГМЕНТ ЛЕНИНИАНЫ

Удивительный облик Владимира Ильича, того, кто, как просто и тепло говорит болгарская поэтесса Леана Доскалова, «движеньем волевой руки в бой за правду вел дорогой славной все народы и материки», интересует каждого живописца и скульптора. И попыток создать портрет Ильича было много, но история сохранила лишь несколько. Первые годы социалистической революции, пламенные, но трудные, ограничивали возможности доводить желания художников и скульпторов до конца. Владимир Ильич был очень занят, специально позировать он не любил.

Неудивительно, что две заметки о горельефе Ленину в нашем городе в газете «Неделя» летом 1964 года (№ 32 и 30) прямо ошеломили иркутян. Поданные в тоне высокого пафоса, они сообщали, что скульптура великолепна: сочетание единства идеи, портрета и материала оставляет чудесное впечатление. Дата создания памятника 1918 год, по ряду политических причин горельеф обнародован в 1920 году. Создатель его — чех-красногвардеец. Авторы заметок считали, что это первый скульптурный портрет вождя. Сенсационное сообщение тотчас вызвало волну поисков и у нас и за границей. Однако направление их было совершенно различным.

Чехословацкая пресса считала незыблемым фактом авторство чеха. Таким образом, вопрос только в том: кто он, как его выявить спустя почти полвека после создания горельефа. Известные путешественники Ганзелка и Зикмунд оговорились как-то, что столь чудесное творение скорее всего должно принадлежать лучшему скульптору Чехословакии Яну-Иосифу Стурцу. И через год газета Праги «Млада Фронта» (9 июня 1965 года) печатает статью Стефана Людвига «Разгадка найдена, поиски продолжаются». С. Людвиг кинулся на поиски чешских легионеров, побывавших в Восточной Сибири в 1918—1920 годах. Каждому из них должно быть не менее чем 70 лет. И такой человек нашелся. Это служитель Народного театра пан Горак. До утра длилась магнитофонная запись, которая, увы, не окончилась ничем. Многое Горак помнил о Сибири, но памятника не видел и автора его не знал.

Стефан Людвиг не отчаялся. Он находит юриста Киндля, который недавно был в Иркутске и, осматривая памятник Ленину, нашел якобы подтверждение словам путешественников. Внизу горельефа стоят крохотные буквочки латинское S и J. Отсюда делается вывод, что это скульптор Зденек Майстер школы Стурца (ученики Стурца имели традицию отмечать инициалами учителя наиболее выдающиеся свои работы). Однако сам Зденек не найден.

Но на оборотной стороне горельефа стоят еще три крупные буквы, крепко впаянные, как фабричное клеймо, — ГИЗ. И тогда в Чехии выдвигаются еще три автора, три художника офицера — Гадрав, Иосиф и Зеленый. И наконец, совсем недавно (29 января 1967 года), опираясь тоже якобы на чехословацкие материалы, журналист Северцев выдвигает автором горельефа Франтишека Билека: или его одного, или в соавторстве с другими. Он пишет, что в каком-то чешском журнале нашли фотографию одной из сибирских работ Билека — надгробный камень со львом. «Творческая манера, как утверждают специалисты, очень похожа на стиль горельефа В. И. Ленина».

По иному пути пошли мы, иркутские краеведы. Мы взяли под сомнение дату создания скульптуры в Иркутске — 1918 год. Против этого было многое: суровый режим адмирала Колчака, трудность иметь фотографию Ленина и тот факт, что старожилам памятник помнится только к тридцатым годам. Поисками было занято несколько организаций, в том числе Художественный музей и отдел архитектуры города. Я избрала путь анкет, устных и письменных. Очень много прошло передо мной ответов — от архивов и летописцев, от художников и скульпторов, от участников гражданской войны, кадровых военных из состава дивизии 5-й Армии (Ян Наговиц, А. А. Ровинский, подполковник Панышев, Зайцев, художник Р. Николаев и др.). Ответы были только отрицательные. Отвергнуть же авторство чехов было очень легко. Буквы S и J, как показало время, были причудливым рельефом камня, и за три года, пока шли поиски, они выветрились. А кроме того, в двадцатые годы Ян Стурц был только учеником Академии искусств. Крупные же буквы ГИЗ — это буквы русского алфавита и только. Буква Г не существует в чешском алфавите. Последний автор Билек и соавторы выдвинуты совсем без оснований. Не так давно на иркутских кладбищах стояли еще (а фото можно и сейчас посмотреть в фондах музея) эти надгробия со львами. Но это не скульптуры, а усеченные пирамиды, сделанные кирпичной кладкой, и по штукатурке выведен чешский лев.

Полную шаткость позиции заметок, опубликованных в «Неделе», подтвердило и другое. На запрос председателя Общества советско-чехословацкой дружбы при Иркутском университете проф. Г. В. Тропина получено письмо историка профессора Ферлингера. В нем мы читаем: «Никаких конкретных документов об этом первом памятнике Ленину не существует. Все, что об этом памятнике известно, возникло, по всей вероятности, на основании всевозможных догадок, которые, однако, никак аутентично не обоснованы» (письма, 24 апреля 1967 года).

По очень интересному и прочному пути пошел в своих поисках архитектор города П. Г. Ракевич, который раньше всех в Иркутске интересовался судьбой памятника. Только в одном были правы авторы заметок в «Неделе» — памятник сделан из камня не сибирского происхождения. (Они считали, что это остаток глыбы от поставленного в 1906 году на берегу Ангары памятника царю Александру III. Но известно, что памятник царю был привезен из Финляндии уже в готовом виде). Правдоискатель по натуре, архитектор Ракевич организовал

солидную экспертизу камня памятника Ленину и камня, из которого сделан памятник царю на берегу Ангары. Небольшая пресс-конференция, проведенная им, пришла к единодушному мнению — горельеф Ленину привезен в Иркутск в готовом виде. Вопрос: откуда и когда.

Итак, поиски надо продолжить. Ни я, ни Ракевич не могли обойти иконографии Ленина и работы коллекционеров. Фото иркутского памятника летит в Москву, в Музей имени Ленина. Работники музея с художником Павлом Кориным обсуждали фотографию и высказали мнение, которое совпадало с нашими предположениями, а именно, что скорее всего автором горельефа является скульптор Меркуров. Сергей Дмитриевич Меркуров (умерший в 1952 году) близко соприкасался по работе с Владимиром Ильичем. Ленин пригласил его к себе и поручил ему организацию проведения в жизнь декрета от 12 апреля 1918 года о монументальных памятниках Республики, которые должны были отражать идеи и чувства революционной трудовой России. Однако ничего не известно о его зарисовках и попытках лепить Ленина.

В трагический для России день 21 января 1924 года Меркуров был приглашен в Горки. Он должен был снять посмертную маску Ильича и слепок его руки. Этот день оставил глубокое впечатление в душе художника. Он пишет в своих воспоминаниях, что он поставил своей задачей работу над образом вождя. И действительно, все монументальные скульптуры, посвященные Ленину: такие, как на канале Волга—Москва, скульптура над зданием Дворца Советов и многие другие, составившие так называемую Лениниану, сделаны после 1924 года. Ночь в Горках обусловила ту высокую и особую торжественность, которая отражена в скульптурах Ленина.

С. Д. Меркуров — уроженец Армянской ССР. В городе Хива в 1925 году был поставлен памятник Ильичу его работы. Сравнивая тот памятник и памятник иркутский, действительно, можно говорить об одном и том же почерке скульптора. Кроме того, хивинский памятник высечен также из твердого камня, как и иркутский горельеф. И, наконец, мы нашли доказательство, которое совсем сняло предположительный характер наших выводов. Иркутские краеведы, всемерно помогая нам, обеспечили нам успех в 1967 юбилейном году. Художница Г. А. Максимова, прирожденный краевед и иркутянка, будучи в Москве, сумела отыскать дочерей скульптора Аду Сергеевну и Марию Сергеевну и посетить особняк в Измайловском парке, подаренный Меркурову советским правительством. На главном проспекте Измайловского парка, теперь главная аллея, в пристройках к особняку сохранились еще следы скульптурной мастерской. Здесь были созданы Меркуровым колоссальные статуи Ленина. Здесь, как писал Меркуров в «Записках скульптора», бывало, что работой занималось около 700 гранитчиков и их обслуживало до 5000 рабочих. Меркуров был первый советский ваятель, который делом ответил на осуществление ленинского плана монументальной пропаганды изобразительного искусства, плана, свидетельствующего о служении искусства многомиллионным массам трудящихся. Скульптор духовно был связан с народом, и это его вдохновляло. Дочери Меркурова подтвердили, что иркутское фото — это фото скульптуры Ленина, высеченной по идее их отца в 1925 году в мастерских ГИЗа (около бывшей Семеновской заставы) и утвержденного ГИЗом.

Скульптура Ильича в Иркутске это не первый скульптурный портрет.

Некоторые иностранные авторы считают, что первый скульптурный портрет Ильича принадлежит резцу скульптора Аронсона.

Интересна и романтична история возникновения этой скульптуры. В 1909 году Ленин приехал в Париж читать лекцию «Религия и рабочий класс». Поезд пришел рано. В доме А. В. Луначарского все спали, и Ленин попросил хозяина пойти с ним в какое-либо кафе, но Париж еще спал, моросил холодный дождь, и Луначарский предложил Ленину зайти к знакомому скульптору. Аронсон тотчас приготовил кофе, и пока проголодавшийся гость с аппетитом ел булочки с маслом, удивленный Аронсон отвел в сторону Луначарского и спросил: «Кто это? Такая удивительная голова. Такой необыкновенный череп, как у Сократа. Кажется, что он излучает мысли». Луначарский не сказал, что это Ленин, ответил только, что это большой революционный работник и, наверно, мир скоро о нем узнает.

Позже Аронсон встречал Ленина несколько раз в Париже. В 30-х годах он посетил Советскую Россию, много изучал рабочий класс и советское искусство. Для него стало задачей жизни создать достойную Ленина скульптуру.

Аронсон рано покинул Россию. Социальное угнетение (он был еврей), рутина старой Академии художеств, в которой он учился, тяжелое материальное положение заставили его стать эмигрантом. Но, когда он попал на выставку в Парижский салон в 1898 году, он был замечен всеми. Правительство Франции скупило очень много его работ — только 15 бюстов Паскаля. Аронсон жил и работал в Париже, однако его называли русским художником. И не потому, что он русский эмигрант, а потому, что был связан с Россией творчеством. У него есть скульптурные портреты Льва Толстого, Тургенева, Фета и многих других русских деятелей и писателей. Скульптуры его украшают многие города Европы.

Аронсону удалось осуществить свою мечту: «Моя цель — передать в новой работе, в скульптуре Ленину, вечную динамику его идей, полет вперед, железную волю, увлекающую массы». Такой бюст был создан в гипсе. По просьбе Крупской Аронсон прислал его в Москву в 1926 году. Бюст был выставлен в Румянцевском музее. Надежда Константиновна дала высокую оценку работе Аронсона. К сожалению, этот бюст также не сохранился. Возможно, он был разбит. Аронсон много раз делал портреты Ленина и всякий раз разбивал, неудовлетворенный своей работой. Последняя фактура, из которой он делал скульптуру, был красный мрамор. В 1935 году, когда был открыт Музей Ленина, Советское правительство и Н. К. Крупская просили Аронсона передать бюст красного мрамора в музей. Неизвестны причины, но бюст попал в музей только в 1941 году. Его привезла родственница Аронсона (сам он умер в Нью-Йорке в 1934 году, куда бежал из Парижа в годы оккупации). Этот бюст можно назвать первым скульптурным портретом не по дате его создания, а по идее создать портрет, которая возникла у Аронсона в 1909 году.

Первым был бюст Ленина, несколько больше натурного, созданный в 1918 году художником-скульптуром. Георгием Дмитриевичем Алексеевым. По постановлению Комиссии Моссовета он был признан достойным распространения, и отлитые в гипсе бюсты Ленина были установлены в нескольких городах. К сожалению, в опубликованной иконографии Ленина первая скульптура Алексеева отсутствует, но надо надеяться, что в этом году она также будет найдена. Другая скульптура Алексеева распоряжением похоронной комиссии, возглавляемой Феликсом Дзержинским, была сфотографирована и напечатана в траурном номере газеты «Известия» от 24 января 1924 года.

И устные и письменные сведения, добытые нами, говорят о том, как мало было оснований считать, что иркутский горельеф — первый скульптурный портрет Ильича. Но Иркутск один из немногих городов, который обладает фрагментом Ленинианы такого крупного мастера как Меркуров.

Г. Ф. КУНГУРОВ

ИСТОКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ СИБИРИ

Поучительна история культурного и литературного движения в Восточной Сибири, в развитии которого плодотворную роль сыграли революционеры, политические ссыльные. Несомненный интерес, большое общественно-политическое и культурное значение имеет и расцвет литературного творчества в советской Сибири, зарождение и оформление здесь писательской организации.

На протяжении многих десятилетий в дореволюционной Сибири попытки объединить прогрессивные писательские силы не имели успеха. Объединиться литераторы, как правило, пытались вокруг неофициальных отделов газет и повременных общественно-литературных сборников. Первыми сибирскими газетами были иркутские, тобольские и томские «Губернские ведомости». Обзор их сделан известным общественным деятелем и писателем Н. Ядринцевым[1]. С первого номера «Иркутских губернских ведомостей» (1857 г.), с его неофициального отдела, и начинаются активные усилия к объединению литературно-творческих сил на общественно-прогрессивной основе. Редактором неофициального отдела газеты был петрашевец Н. А. Спешнев, вокруг него объединялся авторский актив из числа единомышленников-петрашевцев: М. В. Буташевич-Петрашевский, Р. А. Черносвитов, Ф. Н. Львов; здесь начал литературную деятельность писатель С. С. Шашков, опубликовал несколько статей М. А. Бакунин. Материалы неофициального отдела газеты носили резко обличительный характер, это — прямые удары по самодурству сибирских администраторов, дикости и алчности купцов, взяточничеству и пр. Первый фельетон И. С. Сельского — детище еще слабое и далеко не совершенное как литературное произведение — привлекал читателей не только определенной легкостью и доступностью языка, отличного от языка и стиля официальной части газеты, но и явной независимостью тона и относительной свободой в суждениях. Читатели были в восторге, администрация переполошилась. Начались цензурные ограничения и преследования активных литераторов.

В семидесятых годах «Иркутские губернские ведомости» выходили три раза в неделю, но уже в 1874 г. — два раза, а с 1879 г. (в течение двадцати лет) только один раз. В 1890 г. сибирская администрация, доведенная до крайнего озлобления, добилась специального циркуляра, в котором было сказано, что в неофициальном отделе газеты разрешается давать только данные о происшествиях, сведения справочного характера и решительно запрещается «облекать материал в форму литературных статей». Литераторам так и не удалось объединиться. Многие из них перешли в редакцию частной газеты «Амур», которая вскоре была закрыта. Оживление литературной жизни наступило после организации еженедельной газеты «Сибирь», но и этой газете не удалось объединить прогрессивные силы, хотя она с перерывами просуществовала более сорока лет (1875—1920), имела взлеты и падения; самым бесславным временем оказались 1918—1920 гг., когда «Сибирь» превратилась в рупор эсеровщины и была ликвидирована.

Особые страницы в развитие литературного движения в Сибири вписала газета «Восточное обозрение» (1882—1906). Во главе ее стоял талантливый литератор прогрессивного направления Н. Ядринцев. Он сумел придать газете острый общественно-политический и литературный характер. Газета неоднократно запрещалась, на нее обрушивалась цензура, сотрудники нередко подвергались административным репрессиям.

Заслуживает особого внимания и специального исследования замечательное литературно-художественное приложение — «Литературный сборник», а с 1886 г. — «Сибирский сборник», литературный отдел «Восточного обозрения». За время существования газеты на ее страницах было опубликовано более тысячи прозаических и стихотворных произведений, литературно-критических, историко-литературных статей, рецензий и обозрений. Вокруг газеты удалось объединить талантливых литераторов, активных общественных деятелей. Сложился влиятельный и сильный литературный коллектив, в котором принимали участие политические ссыльные Д. А. Клеменц, В. С. Свитыч-Иллич, П. Г. Заичневский, С. А. Лянды, И. И. Майков, Е. К. Брешко-Брешковская, Ф. И. Кон, В. С. Ефремов, писатели П. Ф. Якубович, В. Г. Богораз, Н. М. Ядринцев.

В начале XX века литературное движение в Сибири принимает наиболее острый и политически определенный характер, несмотря на различные политические взгляды, реакционные и либеральные шатания ряда литераторов. Наиболее творчески полноценными и авторитетными были прогрессивные литераторы, их обличительные и призывные произведения. Это правомерно и объяснимо: литературное движение неразрывно связано с революционным подъемом. Начало века, 1905—1912 гг. были годами решительного натиска рабочего класса на эксплуататорский режим и в Сибири, генеральной подготовкой к свержению монархии. В Иркутске они ознаменовались выступлением железнодорожных рабочих, солдат, политических ссыльных. Оставил неизгладимый след ряд революционных событий[1], в которых принимали участие политические ссыльные марксисты, выдающиеся борцы за рабочее дело: Н. Е. Федосеев, Ф. Э. Дзержинский, П. Н. Никифоров, М. В. Фрунзе, П. П. Постышев.

Никакие репрессии не могли остановить поступательный ход истории, революция 1905 г. не только окрылила самоотверженных борцов за рабочее дело, но и внесла оживление в литературное движение, выдвинула за-

---

[1] Литературный сборник. Изд. газ. «Восточное обозрение», 1865, стр. 367—385.

[1] Подробнее об этих революционных событиях смотрите исторические документы, опубликованные в «Хрестоматии по истории Иркутской области», Иркутск, 1966.

дачу сплочения лучших творческих сил, организации писателей.

Перед нами интересный документ «От бюро союза российских писателей»[1]. В нем говорится, что с 5 по 8 апреля 1905 года в Петербурге происходили заседания Первого съезда российских литераторов.

Предполагалось созвать съезд в конце сентября 1905 г., но в документе дата исправлена на октябрь. Повестка съезда или программа, как она названа, намечалась следующая: 1) вопрос об отношении к выборам в государственную думу; 2) внесенные некоторыми группами в Союз союзов предложения об устройстве всеобщей политической забастовки; 3) вопросы, относящиеся к организации Союза писателей.

Особо подчеркивалось, что участие в съезде могут принимать только члены Союза российских писателей. «Местные группы или отдельные члены Союза, желающие дополнить намеченную программу, благоволят известить об этом бюро». Съезд созван организационным бюро, которое было избрано на «предварительном совещании деятелей столичной и провинциальной печати, происходившем в Петербурге 3—4 марта 1905 г. На съезд явилось 140 писателей, в том числе 110 представителей газетных и журнальных редакций (по одному от каждой) и литературных организаций и 30 лиц, особо приглашенных организационным бюро».

Съезд проделал немалую работу; его редакционная комиссия, по поручению делегатов, выработала платформу Союза российских писателей. В ней пять пунктов. Все они носят политически принципиальный характер. В первом пункте говорилось, что Союз писателей признает необходимым стремиться к замене существующего самодержавно-бюрократического строя представительным образом правления, с тем, «чтобы народному представительству, организованному на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, с предоставлением избирательных прав всем гражданам без различия вероисповедания, национальности и пола, принадлежала законодательная власть, а не законосовещательные функции».

Второй пункт платформы требовал обеспечения свободы устного и печатного слова, собраний, союзов, установления неприкосновенности личности и жилища, амнистии всем, несущим наказания за так называемые политические и религиозные преступления. Третий и четвертый пункты посвящались национальному вопросу, признавалось право для всех народностей, входящих в российское государство, на самостоятельное национально-культурное самоопределение. «Союз писателей находит необходимым, чтобы эта равноправность и это право были гарантированы основным законом государства». И, наконец, пятый пункт агитировал за немедленный созыв Учредительного собрания, «пользуясь для такой агитации и легальною, и так называемою нелегальной печатью, прибегая к устройству сходок, собраний и народных митингов и содействуя образованию профессиональных союзов, с возможным объединением их деятельности в Союзе Союзов».

Съезд уделил много внимания «еврейскому вопросу» и принял резолюцию, в которой, резко осудив гнусную политику царского правительства, поддерживающего и разжигающего «существующие в невежественной массе предрассудки по отношению к евреям», требовал гражданского и политического равноправия евреев. Съезд выразил пожелание, чтобы органы печати по возможности «уделяли место конкретному освещению еврейского вопроса и тем самым содействовали реальному проведению в жизнь требования, выставленного в первом пункте».

К сообщению о результатах прошедшего съезда прилагаются два документа: положение о том, кто может состоять членами Союза российских писателей. В нем сказано: «могут быть лица, работающие на литературном и журнальном поприщах и принявшие платформу 1-го съезда»... Здесь же говорится о местных группах писателей: «Центральное бюро просит членов 1-го съезда журналистов и периодических изданий, получивших приглашение на 1-й съезд, взять на себя инициативу организации местных групп, и об образовании таковых со всеми о них сведениями известить бюро».

Дальше петербургская группа Союза российских писателей дает указания, как организовать местные писательские группы.

Второе приложение — извещение «бюро Союза российских писателей» о созыве съезда членов Союза российских писателей и программа этого съезда.

Петербургский съезд российских литераторов по своему составу оказался крайне разнохарактерным, и, конечно, решались вопросы не единодушно. В документе это нашло отражение. Выявилась на съезде группа делегатов, которые внесли предложение образовать Союз писателей «без всякой платформы, только для того, чтобы выбрать делегацию в Союз союзов и уполномочить ее содействовать разделению этого последнего на партии». Из 101 члена съезда 74 высказались за предложение редакционной комиссии съезда и образовали Союз писателей «на почве принятой ими политической платформы». С этим не согласились противники, и 27 членов съезда заявили, что они отказываются вступить в Союз писателей, но оговорились, что их «отказ еще не обозначает собою такого же отказа тех изданий, представителями которых они являются».

После закрытия съезда состоялось первое заседание вновь образованного Союза писателей, на котором решено было избрать центральное бюро союза в Петербурге и местные комитеты во всех городах провинции, где соберется достаточное число членов союза.

Делегаты съезда и члены избранного бюро были люди слишком различных политических взглядов, поэтому добиться единодушия и устойчивости писательской организации не удалось. Достаточно обратить внимание на состав центрального бюро. В него, с одной стороны, вошли известные писатели демократического направления В. Г. Короленко, В. Г. Тан-Богораз; историк общественного и революционного движения в России В. И. Семевский, на труды которого часто ссылается Горький в своей «Истории русской литературы»; литературный критик и публицист, бывший народник, позднее разделяющий взгляды легальных марксистов, автор значительных работ о творчестве Некрасова, Г. Успенского, Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, Куприна, Сергеева-Ценского — В. П. Кранихфельд; публицист и литературный критик, редактор «Самарской газеты» и «Нижегородского листка» — Н. П. Ашешов. С другой стороны, в бюро входили: В. А. Мякотин — историк, член редакции журнала «Русское богатство»; И. В. Гессен — юрист, один из лидеров кадетской партии, и, наконец, П. Н. Милюков — лидер кадетской партии, позднее министр иностранных дел в первом Временном правительстве, белый эмигрант, заклятый враг Советской России. Вступительная речь Короленко «Современное положение и печать» была произнесена им на съезде в Петербурге 5 апреля 1905 г. Опубликована в газете «Право» 10 апреля 1905 г., № 14. В собрание сочинений писателя, изданного А. Ф. Марксом, военная цензура эту речь не пропустила.

Важно отметить, что Короленко не возлагал особенных надежд на этот съезд и в письме указывал: «...чув-

---

[1] «От бюро союза российских писателей», 12 страниц канцелярской бумаги с водяным знаком «Roneo», машинопись, размножена на мимеографе, 1905. Хранится в архиве автора данной статьи.

ствую, все это не по мне. Мало еще связано с настоящей жизнью, забегает далеко вперед и начинает вращаться в безвоздушном пространстве. Конечно, много любопытного и нужного: без этой практики взаимных столкновений и уступок (на это мы очень туги) — невозможно общественное движение вперед...»[1]

Таковы итоги попыток создания Союза российских писателей. Нас привлек найденный документ многими своими сторонами. Во-первых, попытки создания российского Союза писателей, благодаря усилиям прогрессивных литераторов, зиждились на злободневных политических проблемах коренным образом связанных с общим революционным движением; во-вторых, уже эти первые попытки по сплочению писательских сил не только не игнорировали «провинцию», а считали ее органической частью общерусского литературного движения, и, в-третьих, видимо, не случайно документ оказался и в такой далекой «провинции», как Сибирь, в частности, Иркутск.

После реакционного засилия, разгрома революции 1905 года, гнев трудящихся нарастал, укреплялось революционное сознание и организованность рабочего класса. Ленские события 1912 г., недовольство и выступления трудящихся против империалистической войны привели к новому, еще более решительному подъему революционного движения.

Ленин, характеризуя 1911—1912 гг. в статье «Революционный подъем», подчеркивал, «что в этом подъеме нет ничего случайного, что наступление его совершенно закономерно и с неизбежностью обусловлено всем предыдущим развитием России». В нарастании революционной бури этого периода Ленские события оказались призывным набатом в рабочем движении России». «Ленский расстрел явился поводом к переходу революционного настроения масс в революционный подъем масс»[2]. Освободительное движение в Сибири и литературные устремления сибиряков, как видим, было не местное явление, а неотъемлемое звено общерусского исторического процесса.

Бесспорно, рождение Иркутского комитета РСДРП, его самоотверженная революционная борьба за сплочение рабочего класса во имя ленинских идей, призывы штурмовать самодержавие нашли отражение в культурном и литературном движении Сибири. Этот период иркутский критик и литературовед В. П. Трушкин верно назвал «предгрозовьем». В годы предгрозовья собирание литературно-творческих сил происходило наиболее интенсивно. С приближением раскатов Октября наступил решительный пересмотр старых литературных понятий и эстетических идеалов в прозе и поэзии молодых сибирских литераторов, зазвучали новые голоса, в искусство ворвался свежий ветер, ощущалось «нетерпеливое ожидание революционного взрыва».

В размежевание и расстановку общественно-литературных сил в Сибири внесла свою поправку первая мировая империалистическая война. Она обнажила противоречия, обострила политические позиции. В литературном движении резко обозначилось два противоположных лагеря. Еще процветала мещанская развлекательная «поэзия», далекая от общественной борьбы и действительной жизни, но одновременно крепла истинно-гражданская, общественно-активная поэзия. Литераторов этого направления глубоко волновала судьба родины и народа, вопросы социальной борьбы за светлые идеалы. Первые группировались вокруг иркутских юмористических еженедельников «Иркутская незабудка», «Иркутское жало», «Иркутский пересмешник». Здесь собственно поэзии не было, чаще всего страницы заполнялись откровенной халтурой. Имена этих «поэтов» не представляют интереса. Передовые литераторы, их революционное крыло — сосредоточились в иркутском литературном объединении «Иркутские вечера». Сюда входили литераторы из числа политических ссыльных. Выделялись талантливые произведения поэтов Г. Вяткина, П. Драверта. В 1916 г. эта группа поэтов издала сборник «Иркутские вечера». В него вошли стихотворения Константина Журавлева, Надежды Кошовой, Владимира Пруссака, Льва Повицкого, Варвары Статьевой. Авторы сборника были еще в поисках, у них немало подражательного, торопливого, но это настоящие поэтические поиски, истинное творческое начало, политически заостренное, общественно значимое.

Знаменательным явлением в собирании литературных сил и становлении новой поэзии был иркутский литературно-общественный и сатирический журнал «Багульник» (1916—1917 гг.); он выходил четыре раза в год. Иллюстрировал журнал художник Влад. Эттель. Последний номер является особенно показательным, он вышел в 1917 г., в самом начале Февральской революции. Журнал объединил большую группу одаренных литераторов (В. А. Итин, П. Л. Драверт, П. Н. Колядо, Е. И. Идучанский и др.). Ядром группы были поэты, которые проявили себя в объединении «Иркутские вечера». Активно сотрудничали в «Багульнике» Емельян Ярославский, а также публицист и литературный критик марксистского направления Н. Насимович-Чужак.

Политические позиции «Багульника» отражали передовые идеи, он боролся с апологетами империалистической войны, резко критиковал беспринципность, либеральные и реакционные шараханья газеты «Сибирь», провозглашая светлые идеалы свободы.

Но и в этот период подъема литературного движения и собирания творческих сил не было возможности сплотить писательские ряды и оформить их в устойчивую организацию. Подлинно широкий размах литературное движение в Иркутске приобрело лишь в годы советской власти.

Восточная Сибирь 1917—1920 гг. — обширное поле сражений за советскую власть рабочих и трудового крестьянства с белогвардейцами и интервентами. К сожалению, многие исторические материалы, связанные с рождением нового общества и новыми идеалами в области культуры и искусства, оказались либо забытыми, либо утраченными. Наш долг терпеливо, по крупинкам воссоздать подлинную картину горячего стремления трудовых масс к художественному творчеству, ознакомить с первыми результатами, которых сумели добиться пионеры этого движения. Знакомясь с архивными данными, мы натолкнулись на любопытные названия: «Барка поэтов», «ИЛХО», «КрайАПП», «Культполиткомбайны», «Литературные муйщики». Чтобы понять суть этих наименований, пришлось ознакомиться со страницами истории, перенестись к истокам литературного движения в Советской Сибири, к тому периоду, когда все только начиналось — становление народной власти, экономики, культуры, литературы.

Истоки нового литературного движения озарены пламенем борьбы за Советскую власть, и первые литераторы революционной Сибири неотделимы от вооруженных сил восставшего народа — Красной Армии и сибирских партизан. Бойцы революции имели на вооружении не только винтовки, пулеметы, пушки, их вдохновляла огненно-призывная поэзия: походные песни, марши, гимны, сатира и лирика. Народ знал и гордился именами своих поэтов, которые были в рядах бойцов и сражались против белогвардейцев за торжество правды и свободы. В прославленной 5-й Армии, среди партизан были известны и любимы самобытные и одаренные поэты.

---

[1] В. Г. Короленко. Собр. соч. в 10 т., т. 10, письма (1879—1921). М., 1956, стр. 410—411.

[2] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.

Ребров-Денисов, самоотверженный революционер, петербургский рабочий, сосланный в 1917 г. царскими сатрапами в Сибирь, в 1919 г. бежал из пересыльной тюрьмы Александровского централа к илимским партизанам. Он прославился как отважный разведчик и вдохновенный поэт. Его песни, созвучные боевому духу времени, пришлись по душе сибирским партизанам. Расцвет поэтического творчества этого талантливого юноши революционера относится к 1919 г. Он — участник прославленного северного похода партизан в Иркутск. Многие песни Реброва-Денисова стали массовыми, распевались партизанами различных фронтов, разучивались в школах, распространялись среди населения. Оставили неизгладимый след его произведения «Бой под Усть-Кутом», «Походная солдатская песня», «Солдату белогвардейцу», «Похоронный марш» и др. Строчки из песни «Героям, погибшим под Усть-Кутом» зажигали сердца бойцов:

Вы отдали жизнь за святой идеал,
Девиз ваш был «смерть
иль свобода»,
Всем вечная слава, кто жертвою
пал
За счастье родного народа.

Трогательные страницы вписал самоотверженный борец за социалистическую революцию в Сибири, талантливый поэт Федор Матвеевич Лыткин (Полот-бек Ферик Фетько)[1]. Его отец курд Агит Полот-бек был сослан с Кавказа в Восточную Сибирь, мать — бедная крестьянка села Никольское Тулунского района. Короткой оказалась жизнь Федора Лыткина, в 21 год он был зверски убит белобандитами у реки Олёкмы. Федор Лыткин оставил незабываемое поэтическое наследие: «Друзьям бойцам», «Итак, я осужден», «1917 год», «Мой завет», «Гимн революции» и др. И в наши дни вдохновенно звучит стихотворение «Перед бурей»:

В глубокой синеве чуть облачной лазури
Я чую холод надвигающейся бури.
О ней шумит в кустах, трепещущих листвой,
Скиталец вечный — ветер полевой,
О ней издалека вещают облака.
Ее несут в волнах, в своих волнах зыбучих
Тяжкие нахмуренные тучи.
Охваченный волнением, в безмолвии лазури
Я чую гром и блеск, и радость бури!

Стихотворение «Бесстрашным» посвящено рабочим и красноармейцам Иркутска, подавившим белогвардейский мятеж в декабре 1917 г. Четыре строчки, которые открывают стихотворение и они же его заключают, звучат как огненный призыв, как боевое знамя, высоко поднятое бойцами:

На бой, товарищи, на бой!
Не дрогнет сердце под грозой!
Нас в битвы славные зовет
Отчизна, вольность и народ!

Иркутяне могут гордиться, что у истоков революционной литературы в Восточной Сибири стоял выдающийся чешский писатель-коммунист Ярослав Гашек, автор всемирно известного романа «Похождения бравого солдата Швейка»[2]. Ярослав Гашек прошел боевой путь активного участника гражданской войны, путь от Урала до Иркутска, отмеченный трудностями подвигов и побед. Писатель находился в рядах Пятой армии, он руководил Интернациональным отделом. В боях и походах умел он сочетать в себе воина и писателя. Им написано в Сибири более тридцати произведений — фельетонов, очерков, статей, зарисовок острого сатирического направления; он разил, высмеивал, разоблачал белогвардейскую нечисть, издевался над кумиром белых наймитов — Колчаком, он призывал красных бойцов, рабочих и крестьян Сибири громить и уничтожать врагов революции.

[1] В. Рябиков. Федор Лыткин (Полот-бек Ферик Фетько). Новосибирск, 1950.
[2] Б. С. Санжиев. Ярослав Гашек в Восточной Сибири.

Можно гордиться иркутянам и тем, что первый крупный роман о революции и гражданской войне был издан в Иркутске в 1921 г. — «Два мира». Автор этого знаменитого произведения В. Я. Зазубрин — живой участник и свидетель великих революционных побед[1]. Роман «Два мира» восторженно был принят А. М. Горьким, А. В. Луначарским, Б. А. Лавреневым, Л. Н. Сейфуллиной, известными критиками и широким читателем. Роман выдержал много изданий.

А. В. Луначарский восхищался: «Я с огромным удовольствием прочитал первую часть вашего романа «Два мира»... Лично я считаю роман чрезвычайно удавшимся...». А. М. Горький в предисловии к роману писал: «Я видел эту книгу на столе В. И. Ленина. — Очень страшная, жуткая книга: конечно, не роман, но хорошая нужная книга». Такую оценку дал Ленин. В. Я. Зазубрина и позже привлекала сибирская тема: роман «Горы», посвященный злободневной проблеме — рождению на Алтае и в Сибири первых сельскохозяйственных коммун, киносценарий «Избушка на Байкале» и др.

Прежде чем сложиться, сибирской литературной организации пришлось идти по целине. История упоминает поэтическую группу «Иркутские вечера», о которой мы говорили выше. Наиболее решительно заявила о себе литературная группа «Барка поэтов». Такое название получила она потому, что ее члены собирались на барке пароходной пристани, стоявшей против Белого дома; группа просуществовала с 1921 по 1923 год. По составу она оказалась разнохарактерной. В нее входили молодые люди «модных» течений (декаденты, футуристы, акмеисты), но выделялось наиболее влиятельное и крепкое ядро поэтов, которые проявляли горячий интерес к «гражданской поэзии», для них авторитетом был А. Блок, его знаменитая поэма «Двенадцать»; они искали новые формы советской поэзии. Это ядро дало ряд литературных имен, вписавших в историю сибирской поэзии свои страницы. В сборник «Отзвуки», изданный иркутским губполитпросветом, доход от которого был передан в фонд помощи голодающим Поволжья, вошли стихи членов «Барки поэтов» Е. Титова, М. Имрея, А. Шостаковича и др. Поэт В. Преловский выступил против империалистической войны, «выгодной лишь капиталистам»; поэт верил, что кровь и разрушение неизбежно вызовут взрыв гнева трудящихся, они опрокинут эксплуататоров, сметут со своей дороги угнетателей. Это он отразил в стихотворении «Перед грозой» и «Туда, туда, где люди бьются...»

«Барка поэтов» не замыкалась в узкий круг, довольно часто устраивались «поэзо-вечера», чтение стихов в массах.

Значительный след в истории литературного движения Сибири оставило ИЛХО — Иркутское литературно-художественное объединение (1923). В него вошли И. Уткин, М. Скуратов, Дм. Алтаузен, И. Молчанов-Сибирский, В. Друзин и др. Возглавил это первое литературное объединение в Иркутске редактор газеты «Власть труда» Г. А. Ржанов. ИЛХО можно считать мостиком, перекинутым от первых робких попыток собирания литературных сил к объединению их на ясной и твердой политической основе. Свою программу и цели илховцы определили, как это видно из статьи «Первые шаги», опубликованной в издаваемом ими журнале «Красные зори», следующим образом: организация «...возникла вполне самостоятельно, можно сказать, стихийно, в результате могучей тяги к объединению, к организованной планомерной работе, к коллективной борьбе за пролетарскую идеологию, лите-

[1] Л. Баландин, В. Я. Зазубрин. См. сб. «Писатели-сибиряки», вып. 2, Новосибирск, 1959; В. Трушкин. Живая летопись. «Ангара», 1959, № 4.

ратуру, культуру... В состав ИЛХО вошли поэты и художники, объединенные одним общим мировоззрением — материалистическим пониманием вещей — и это самое характерное, самое основное, дающее общее направление в литературной работе».

Доклад «Ростки поэзии грядущего», сделанный илховцем В. Друзиным (ныне известным советским критиком) в клубе РКП(б), окончательно определил политическое лицо ИЛХО. Докладчик дал высокую оценку советской литературе первых лет революции и призвал к борьбе со всеми отклонениями от настоящей революционной литературы; он считал неотложным делом разоблачение декадентских групп и группочек, они мешали, тормозили развитие «поэтов грядущего». Уже в апреле 1923 г. ИЛХО присоединилось к идеологической и художественной платформе московской группы пролетарских писателей «Октябрь», а на месте, в Иркутске, влилось в секцию работников печати губернского отдела профсоюзов работников просвещения.

ИЛХО и его журнал «Красные зори», а также журнал «Кузнецы грядущего», издаваемый студенчеством вузов Иркутска, — незабываемые страницы истории становления и собирания литературных талантов Сибири, притягательный центр, который на этом раннем этапе помог выявить и сплотить лучшие силы литераторов.

Двадцатые годы характерны бурным развитием литературного движения, увеличением писательских рядов. Были изданы интересные сборники («Май», «Ильичу»), альманах и отдельные книги. В 1922 г. начал выходить один из первых в советской стране журналов «Сибирские огни». Выявляя таланты из среды сибиряков, журнал сыграл великую роль — собирание и верное направление новой литературы, рожденной революцией. Яркие и энергичные люди, по инициативе которых появился на свет журнал, вписали немеркнущие страницы в истории борьбы и становления советской литературы, имена их незабываемы: Ем. Ярославский, Л. Сейфулина, Ф. Березовский, Вс. Иванов, Г. Пушкарев, И. Ерошин, Г. Вяткин и др.

Члены ИЛХО и его актив приняли в «Сибирских огнях» горячее участие. Росли литературные таланты Восточной Сибири. И не только сибирский, но и всероссийский читатель получил немало замечательных произведений, узнал имена писателей, ставших гордостью широкого литературного движения: Иосиф Уткин, Джек Алтаузен, В. Зазубрин, М. Азадовский, Ис. Гольдберг, В. Друзин, Михаил Скуратов, Иван Молчанов. Вошли в литературу знаменитые партизаны, самоотверженные борцы за советскую власть и самобытные писатели П. Петров[1], И. Новокшонов, автор повести «Потомок Чингис-хана» и сценария фильма того же названия, Г. Куклин, автор многих повестей и романа «Учителя», в котором он одним из первых советских писателей изображает политическую ссылку, называет роль ее в развитии революционного самосознания трудящихся[2].

Из поэтических сборников ИЛХО надо особо отметить «Ильичу», сборник, изданный в траурный год смерти В. И. Ленина, отразивший глубокую народную скорбь. Сейчас это редчайшая книга. Георгий Ржанов, председатель ИЛХО, в предисловии писал: «...Ленин, Ильич найдет самое многогранное отражение в нашей литературе, в поэзии, в частности. Как в странах угнетенного человечества будут создаваться легенды (они уже есть и теперь), так и в нашей литературе художественное творчество отдаст все лучшее для воплощения образа Ильича, Ленина.

Каплей, самой незаметной песчинкой, войдет в музей Ильича, Ленина и настоящий сборник стихов поэтов-сибиряков, стихов иркутского пролетарского молодняка...». Сборник украсили проникновенные, идущие от самого сердца стихи Иосифа Уткина.

За восемь лет до первого Всесоюзного съезда советских писателей, в марте 1926 г. в Новосибирске собрался первый сибирский съезд писателей. Делегат от Иркутской литературной организации Ис. Гольдберг[1] выступил с докладом «Сибирская литература дореволюционного периода», а В. Зазубрин — с докладом «Сибирская литература 1917—1926 гг.». ИЛХО влилось в состав Сибирского союза писателей как сильная и организационно крепкая группа. Основа платформы съезда, которую единодушно приняли и иркутские писатели, была определенной и четкой: «Союз в своей работе целиком руководствуется резолюцией ЦК РКП(б) о политике партии и художественной литературе».

Горький приветствовал съезд сибирских писателей, он особенно отметил стремление выявить и выбрать творческие силы национальностей Сибири. Горький не знал, что на этом съезде сибирских литераторов были представлены только русские писатели. В 1928 г. намечалось провести сибирский писательский съезд с приглашением всех национальностей Сибири (якуты, буряты, хакасы и др.). Но этот съезд не состоялся, литераторы оказались разобщенными борьбой отдельных писательских организаций (РАПП, «попутчики», пролетарско-крестьянские писатели и пр.).

После прекращения работы Сибирского союза писателей, ИЛХО вошло в состав Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), именуясь КрайАПП. В 1931 г. было создано оргбюро Федерации объединений советских писателей в Востсибкрае, ответственным секретарем краевой ассоциации пролетарских писателей был утвержден Ив. Искра, коммунист, активный публицист и самоотверженный собиратель талантливых литераторов. В 1933 г. он перешел на партийную работу, и ответственным секретарем на многие годы стал поэт, коммунист, энтузиаст общественник Ив. Молчанов-Сибирский.

В Иркутске в 1932 г. активно работающих в литературе писателей насчитывалось 17; они делились на группы: пролетарские писатели (РАПП) — 9 человек; пролетарско-колхозные писатели — 3; попутчики и «союзники» — 3 и вне организации — 2 человека.

Литературное движение ширилось. Теперь главной задачей считалось: призыв ударников в литературу, выпуск «массовых книг», т. е. произведений, написанных коллективом рабочих, охват литературным влиянием всех районов области. Интенсивно практиковались выезды в отдаленные районы «культполиткомбайнов»— групп, в которые входили писатели, пропагандисты, культработники, выездная редакция. Развернулась решительная борьба за современную тему в литературе. Это требовало немало усилий. Пришлось бороться с «литературными муйщиками». В одном из документов прошлого об этом сказано: «У писателей имеется большая тенденция (в известной мере оправданная) темы своих вещей брать экзотические, редкостные, которыми богата Сибирь (Север, тайга, тундра и т. д.). Существует даже определение таких любителей писать о необыкновенных местах — «муйщики» (река Муя на Крайнем Севере, куда стремятся всякого рода экспе-

[1] В. Трушкин. Сибирский партизан и писатель П. Петров. Иркутск, 1965.

[2] П. Моролев. Боец. Писатель. Человек (к 70-летию со дня рождения И. М. Новокшонова). «Вост.-Сиб. правда», 1965, 22 октября, № 250; Опаленный пламенем гражданской войны. «Вост.-Сиб. правда», 1967, 19 марта, № 66.

[1] В. Непомнящих. Тридцатилетний творческий путь, «Сиб. огни», 1934, № 1; Творческий путь Ис. Гольдберга, «Красная новь», 1934, № 8; Н. Яновский. Жизнь начинается снова. «Ангара», 1960, № 4; Краткая лит. энциклоп., М., 1964, т. 2, стр. 235.

диции). Этих-то «муйщиков», любителей только экзотики без увязки с общим хозяйством и разрешением текущих задач края, мы одобрять не можем. Это уход от жизни, уход от современности и ее трудных задач...»[1].

Историческое постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932) окончательно прояснило пути развития советской литературы, начался новый творческий подъем и в деятельности писателей Сибири.

Последующие годы ознаменовались быстрым развитием художественной литературы в Восточной Сибири, ростом творческих сил. Имена многих писателей становятся известными среди широких читательских масс: Ис. Гольдберг, П. Петров, Константин Седых, Ив. Молчанов-Сибирский, Илья Чернев, П. Маляревский, Елена Жилкина, И. Рождественский, Ан. Ольхон, Ин. Луговской, А. Балин и др.

Особая веха в этом подъеме — поддержка и помощь писателям-сибирякам, оказанная великим А. М. Горьким в организации литературной печати.

В 1930 г. иркутские писатели решили издавать журнал. Предполагали назвать его «Будущая Сибирь». Обратились за помощью и советом к А. М. Горькому в Сорренто. Он отозвался сердечным заинтересованным письмом: «С большой радостью узнал, что в Иркутске затевается издание журнала «Будущая Сибирь». Это — совершенно необходимое и своевременное дело, тем более, своевременное, что оно несколько запоздало, как вообще у нас опаздывает родиться и развиваться областная литература — организатор культурно-революционного сознания трудовых масс. Такое опоздание особенно странно для Сибири, огромной, чудовищно богатой страны...»[2].

Горький указывал, что индустриализация Западной и Восточной Сибири — одна из тех великих хозяйственных задач, которые быстро ведут нас к разрешению основной задачи: к организации всего хозяйства нашей страны в формах социализма, а затем — неизбежно к полному экономическому и духовному раскрепощению всей массы рабочих мира и каждой отдельной личности. Алексей Максимович не только дал мудрые советы, но и помог практически, он предложил для опубликования в журнале свои «Рассказы о героях». Первая книга журнала вышла в 1931 г. под названием «Новый край». В предисловии говорилось: «Новый край»(помимо задач познания края, должен

[1] Архив Ирк. отд. союза писателей, 1930—1933, дело № 6, протоколы, материалы, переписка оргкомитета Союза писателей Восточной Сибири, л. 10.

[2] Горький и Сибирь (письма и воспоминания). Новосибирск, 1961, стр. 178.

быть боевым рупором современности, должен помочь в повседневной работе трудящимся. Он должен быть орудием связи с отдаленными районами, говорить о нуждах и интересах «медвежьих углов». Их еще много у нас, в них подчас еще так нелепа и уродлива жизнь.

Сколько раскидано по нашему краю талантливых людей, многое видевших и переживших, знающих вдоль и поперек Бодайбо и Алдан, скитавшихся по тайге, проживших десятки лет на Енисее, Лене и на Байкале. Простым рассказом о виденном и пережитом они помогут нам познать край»[1].

Первый номер «Нового края» оказался неудачным и в продажу не поступил. Его пришлось срочно переделать; он был издан в том же году, получив название «Будущая Сибирь».

Так родился в Иркутске журнал писателей, вышло 24 номера; с 1937 г. он был преобразован в альманах «Новая Сибирь». К концу 1957 г. читатели получили 37 книг. С этого года редакция дала новое название альманаху — «Ангара». Редакция не только изменила название альманаха, она решительно приблизила его к современности, стремилась сделать его более интересным и разнообразным.

Журнал и альманах помогли выявить и объединить литературные силы; в них опубликовали свои произведения Г. Марков, К. Седых, Г. Кунгуров, А. Ольхон, П. Маляревский, А. Тороев, Ин. Луговской, Е. Жилкина, Ф. Таурин, П. Реутский, В. Тычинин, Л. Огневский, В. Марина, М. Сергеев, В. Балябин, В. Киселев, Л. Кукуев, В. Козловский, Н. Чаусов, Б. Левантовская и др.[2].

Выход журнала «Будущая Сибирь» и подготовка к первой конференции союза писателей Восточной Сибири в Иркутске оживили литературную деятельность, влияние организации распространилось на всю территорию обширного края.

В 1934 году в советской литературе четко обозначился ясный путь ее поступательного развития, состоялся Первый Всесоюзный съезд писателей. С докладом о советской литературе выступил А. М. Горький. На местах, в частности, и у нас в Иркутске оформилась литературно-художественная организация — отделение Союза советских писателей СССР. На Первом съезде писателей от иркутских литераторов делегатами были: Ис. Гольдберг, П. Петров и Иван Молчанов-Сибирский.

[1] «Новый край», 1931, январь—март.

[2] А. Ф. Абрамович. Поэты стороны сибирской. Иркутск, 1963; Писатели советской Сибири (критические очерки). Иркутск, 1952; Писатели Восточной Сибири (библиографический указатель). Иркутск, 1956; Н. Яновский. Художник и время. Новосибирск, 1962; В. Трушкин. Литературные портреты. Иркутск, 1961; А. Срывцев. Хозяйка сибирского тракта. Кемерово, 1963.

А. Г. БОННЕР

КАК ВОССТАЛИ ИРКУТСКИЕ СЕМИНАРИСТЫ

С давних пор в Иркутске существовала рукописная литература. Еще в XVIII и особенно в XIX веках по городу ходили отдельные листки и целые рукописные сборники. Понятно, что в эпоху развитого книгопечатания в рукописях, как правило, распространялась такая литература, которая остро критиковала социальный строй и отдельных его представителей, не могла быть пропущена цензурой и расходилась тайными путями.

Особое место в рукописном собрании нашей библиотеки принадлежит журналам первых лет XX столетия.

В книге «Сибирь и литература» (Иркутск, 1965) один из исследователей сибирской рукописной литературы Г. Ф. Кунгуров утверждает, что в конце XIX — начале XX веков количество рукописных изданий в Иркутске значительно увеличилось. «Журналы издавались учащейся молодежью семинарии, гимназий, политическими заключенными».

Наличие в нашей библиотеке четырех молодежных журналов 1901—1903 годов (6 выпусков) подтверждает это положение Кунгурова. Журналы «Братство», «Студент», «Забастовка» и «Окраина» очень разные, но в то же время имеют известное сходство между собой, отпечаток одной исторической эпохи. Они появились в среде молодежи, ощутившей на себе влияние приближающейся революции.

«Братство» — гимназический журнал, издавали его подростки. Он выглядит еще очень несовершенным, наивным как по содержанию, так и по форме. Журнал этот не отличается четкостью политических позиций, но в нем чувствуется протест против социальной несправедливости и сочувствие к эксплуатируемым.

В Научной библиотеке хранится 4-й номер «Братства» от 20 января 1903 года. Характерен его эпиграф:

Ты чудо из божьих чудес,
Ты мысли светильник и пламя,
Ты луч нам на землю с небес,
Ты нам человечества знамя;
Ты гонишь невежество, ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к правде, ты к счастью ведешь,
Свободное слово.

«Братство» помещает на своих страницах хронику, заимствованную из разных газет. На первом месте здесь сообщение о пожаре на шахте Успенского в Юзовке, во время которого погибло 58 рабочих.

«Всю вину сваливают на мальчика, неосторожно обращавшегося с огнем. Но неужели каждый раз такие пожары будут происходить по вине мальчиков? Не более ли виновны тут заводчики и фабриканты, не заботящиеся о правильном устройстве своих заводов и фабрик?»

«Братство» всецело разделяет возмущение автора этой заметки.

Статья «Падшая» за подписью Елены Ангарской (несомненно, псевдоним) толкует о социальном неравенстве, о том, что буржуазное общество порождает «падших» женщин, а затем клеймит их позором. При всей своей наивности статья эта привлекает горячностью протеста, благородством юношеского негодования против ханжеской морали, требованием социальной справедливости. Фельетон «Господа Вомуры» — сатира на гимназическую рутину, ограниченность учителей и поощрение доносов. Слово «Вомуры» образовано от фамилии Румов путем перестановки букв в обратном порядке. Действительный статский советник Иван Никифорович Румов был директором Иркутской гимназии с 1883 по 1903 год. Фельетон имеет подзаголовок: «Подражание «Г-дам Об-ым». Вероятно, здесь имеется в виду прогремевший в русской прессе тех лет фельетон Александра Амфитеатрова «Господа Обмановы», острая сатира на династию Романовых. Избирая такой подзаголовок, «Братство» проявило известную смелость и отразило дух эпохи. Если мы вспомним, что в том же 1903 году в Иркутской гимназии происходили волнения учащихся, направленные против директора и его окружения (о чем упоминается в «Искре» от 15 июня 1903 года); что Румов в том же году вынужден был оставить свой пост, то можно сделать вывод: «Братство» тоже приняло посильное участие в подготовке этих событий.

Если «Братство» стоит на позициях несколько расплывчатого гуманизма и не высказывает четких политических взглядов, то другие наши рукописные издания идут в этом отношении гораздо дальше.

Вот перед нами два номера отпечатанного на гектографе журнала «Студент» за 1901 год. Можно предполагать, что он издавался в Иркутске ссыльными студентами. По своему объему и характеру это журнал типа бюллетеня. Он ставит перед собой задачу ознакомления широких кругов общественности с событиями, развернувшимися в Петербурге в марте 1901 года, — с полицейскими расправами над студенческими демонстрациями. «Студент» разоблачает ложь и клевету царизма на молодое поколение, противопоставляет этому свою пропаганду. Он обращается к читателям за сочувствием и поддержкой, выражает гневный протест против организаторов кровавой расправы. Журнал рассказывает о причинах и целях студенческих выступлений, сообщает о забастовках студентов в Петербурге:

«Университет забастовал с 1 марта. Забастовали горный институт, лесной, технологический, путей сообщения, женский медицинский институт»[1].

Оба номера журнала составлены в основном из корреспонденций очевидцев. Эти корреспонденции воссоздают страшную, потрясающую картину расправы над демонстрантами в Петербурге 4 марта 1901 года специально подпоенных, озверелых городовых и казаков. Они избивают нагайками и дубинками, увечат, упавших затаптывают лошадьми, забивают каблуками сапог, девушек-курсисток вытаскивают из толпы за волосы, дико глумятся над ними и избивают. В журнале помещено

[1] «Студент». 1901, № 1, стр. 15.

письмо Союза литераторов и ученых, выражающее возмущение и гнев: «Мы полны негодования перед подобными зверствами, имевшими недавно место, как нам известно, и в других городах. Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в полное распоряжение кулакам и нагайкам»[1].

Под письмом 44 подписи, в том числе М. Горького, Д. Мамина-Сибиряка, Вл. Гессена, Н. Рубакина, А. Гуковского, Петра Вейнберга и других.

Первый номер журнала открывается статьей «Голос из Иркутска». Она заканчивается словами:

> «Привет вам, студенты, и этот привет из унылого Иркутска пусть напомнит вам, что и здесь есть люди, сочувствующие вашему движению, и «да здравствует солнце, да скроется тьма!»[2].

Во 2-ом номере «Студента» интересна «Прокламация Соединенного организационного комитета» (Томск, 25 марта 1901 года). В ней говорится о положении в стране, о голоде и всеобщей безграмотности народа, о расстрелах рабочих и репрессиях над студентами.

В январе 1901 года 200 киевских студентов отдано в солдаты только за то, что собрались на сходку.

> «Так жить нельзя, так обходиться с людьми нельзя! — этот крик несется теперь из Питера, Москвы, Харькова, Одессы, Киева и других городов. Там стреляют в народ, там полиция устраивает кровавые бойни, там много убили»[3].

Правительство изображает учащуюся молодежь бунтовщиками и злодеями без родины. Молодежь решительно отвергает это провокационное обвинение:

> «...лжет правительство на нас, мы беззаветно любим нашу родину и требуем:
> 1) Суда над полицией за произвол и насилие.
> 2) Возвращения сосланных без суда и следствия.
> 3) Отмены «временных правил».
> 4) Возвращения товарищей, наказанных согласно «Временным правилам» солдатчиной[4].

Эта прокламация, созданная в Томске, свидетельствует, что сибирское студенчество не стояло в стороне от общей борьбы.

В сохранившихся у нас двух выпусках «Студента» помещено несколько стихотворений. Басня «Кто они?» — сатира на святейший Синод, отлучивший Л. Н. Толстого от церкви. Во 2-м выпуске журнала находим стихотворение, «сочиненное одним из публики, собравшейся провожать студентов, высланных в марте 1899 года». Под текстом пометка: «Томск, 8 марта». Заключает 2-й выпуск остросатирическое стихотворение «Нагаечка». Оно имеет рефрен:

> Нагаечка, нагаечка, нагаечка моч!
> Вспомним о нагаечке 8-го февраля!

(8 февраля 1899 года также происходило избиение студентов полицией).

Наши рукописные журналы, созданные в предреволюционную эпоху, как бы перекликаются между собой. Так, на странице 8-й 2-го номера «Студента» помещено «Воззвание студентов к семинаристам. Иркутск». Студенты приветствовали забастовку иркутских семинаристов, начавшуюся одновременно со студенческими выступлениями в марте 1901 года. Этому событию посвящен рукописный журнал «Забастовка».

Семинаристы оказались «первыми ласточками» революционного протеста учащихся средних учебных заведений в Иркутске. Это движение особенно окрепло в последующие 1902—1905 годы. Понятно, почему первый взрыв произошел именно в духовной семинарии: атмосфера в этом учебном заведении была особенно смрадной. Кастовая замкнутость, произвол ректора, удушение всякой самостоятельности и свободы, угнетение личности — все это вызвало возмущение учащихся. Большинство семинарской молодежи читало прогрессивные газеты и журналы, а нередко и нелегальную литературу, прекрасно понимало всю ограниченность и уродливость получаемого ими «духовного» образования. В ряде статей «Забастовки» высказывается резко отрицательное отношение к духовному и к «духовной заразе» — религии. Журнал освещает причины забастовки, ее развитие и уроки. Он выполняет задачу объединения учащихся для дальнейшей борьбы. Требования семинаристов были, конечно, ограниченными. Они добивались возвращения несправедливо исключенных товарищей и удаления из семинарии трех воспитанников, доносчиков и соглядатаев начальства. Тем самым они боролись за большую свободу и самостоятельность. Учащиеся надеялись также, что в результате волнения в семинарии ректор вынужден будет уйти со своего поста. Иеромонах Алиний отличался ненавистью ко всему прогрессивному и необычной грубостью, почему и носил прозвище Хам. В борьбе за свои ограниченные ученические требования воспитанники проявили солидарность и выдержку, применяли приемы революционных протестантов. Они отказались посещать занятия, пока не выполнят их требований, печатали на гектографе бюллетени тиражом в 300 экземпляров, организовали среди сочувствующей публики сбор средств для неимущих семинаристов, создали товарищескую кассу, которую назвали Советом депутатов. Правление семинарии и городские власти решили подавить семинарские беспорядки без всякого снисхождения. В ход было пущено и экономическое воздействие и сила. Семинаристов выселили из общежития, лишили содержания. Не раз в течение весны и лета 1901 года семинария наводнялась шпиками и полицейскими, окружалась казаками. Шестнадцать семинаристов было предано суду за устроенную обструкцию. Тогда-то широкая сибирская общественность узнала о событиях в Иркутской семинарии. Газеты, за исключением самых реакционных, напечатали сообщение о них. «Санкт-Петербургские ведомости» поместили большую статью. Тобольская газета «Сибирский листок» 26 апреля 1901 года, на следующий день после суда, бросила убийственную для ректора семинарии реплику:

> «Хватает же смелости у известного всему Иркутску святоши-ловеласа на то, чтобы, из-за желания спасти себя, изобличенного в разврате, — оклеветать молодежь целого учебного заведения и хлопотать даже чуть ли не о поголовном исключении всех учащихся в нем».

Зато «Иркутские епархиальные ведомости», которым, казалось бы, события в семинарии были особенно близки, почли за благо ни словом не откликнуться на них, как будто бы ничего не произошло.

Студенты в своем воззвании восторженно приветствовали выступление иркутских семинаристов. Воззвание помещено в «Забастовке» и во 2-м выпуске «Студента»:

> «Товарищи! Мы с радостью узнали о той дружеской стойкости, с какою вы протестуете против произвола своего начальства. Мы восхищаемся вашей смелостью и умением выразить в стенах среднего учебного заведения то же благородное негодование, которое воодушевляет и волнует молодежь высших учебных заведений, и в вашем протесте видим знаменательный акт соединения высшей и средней школ для смелой борьбы за истину и свободу»[1].

Выступление семинаристов не достигло поставленных целей. Правда, после разоблачений в печати, ректор

---

[1] «Студент», 1901, № 1, стр. 6.
[2] Там же, стр. 4.
[3] Там же, № 2, стр. 7.
[4] Там же.

[1] «Забастовка», стр. 119.

Алиний вынужден был оставить свою должность, но семинаристам жестоко отомстили за волнения. Многие были исключены без права поступления в другие учебные заведения. Старшим по возрасту грозила солдатчина в соответствии с теми же «Временными правилами», отмены которых требовали студенты.

Несмотря на репрессии, семинаристы не считали своё выступление бесполезным и правильно оценивали его значение.

«Не была эта забастовка и вообще бессмысленной... Это, правда, маленький, но все-таки вклад в сумму русских протестантов, доказывающий, что участники этого маленького частного протеста способны примкнуть к более обширному и важному протесту всей мыслящей и честной части общества, верящей в возможность осуществления принципа «свобода, равенство, братство» и на нашей черноземной Руси!»[2].

Семинарская забастовка сыграла определенную роль как первое выступление учащихся средних учебных заведений в Иркутске. Ленская «Искра» отметила события в иркутской семинарии как проявление охватившего всю страну возмущения и протеста:

«Петербургская бойня, «временные правила», массовые ссылки и вообще всякие репрессии правительства кнута и нагайки вызвали возмущение и протест даже в глухих сибирских городах... сходки почти не прекращаются, возмущение растет. В Иркутске закрыта семинария»[1].

Для семинаристов участие в забастовке стало школой революционной борьбы. Так, например, среди семинаристов, осужденных за обструкцию, мы встречаем имя Дмитрия Феденева, впоследствии известного иркутского большевика-подпольщика. Через 3 года после событий в семинарии, в 1904 году Феденев судился за печатанье нелегальных брошюр и листовок.

Своей серьезностью, политической зрелостью и последовательной революционностью отличается журнал «Окраина», выходивший также в Иркутске. Этот журнал в целях конспирации писался от руки «печатными» буквами, а затем перепечатывался на гектографе.

В Научный библиотеке есть два выпуска этого журнала: № 2, за октябрь 1902 года и № 4, за февраль 1903 года. В передовице 2-го выпуска дается характеристика эпохи:

«Мы вступаем в тот важный исторический момент, когда одна эпоха спешит на смену другой, когда готовятся к решительной битве»[2].

Журнал не хочет оставаться в стороне от борьбы. Свою задачу он видит в том, чтобы

«По мере сил способствовать молодому поколению в деле умственной и нравственной подготовки к стоящему перед ними великому делу, держать их в курсе современного революционного движения, обнаруживать тактику врага — правительства и вообще помочь им сделаться сознательными революционерами — вот одна из задач предпринятого нами издания»[3].

Надо признать, что задача сформулирована журналом с предельной четкостью. Выражается уверенность в победе революции. Журнал называет юношество первенцами «новой России», той России, в которой будет гордо развеваться красный флаг свободы».

«Окраина» — орган революционной учащейся молодежи Иркутска и, естественно, что вопросам народного образования в нем уделяется много места.

В большой статье «К пятидесятилетию литературной

[2] «Забастовка», стр. 30.
[3] Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру». Иркутск, 1951, стр. 33.
[4] «Окраина», 1902, № 2, стр. 1.
[5] Там же, стр. 2.

деятельности Л. Н. Толстого» образование в России подвергается резкой критике. Заканчивая гимназию, человек не знает своей литературы за последние 50 лет, т. е. не знает духовной жизни нации. А изучение истории? «Разве можно серьезно назвать историей анекдоты «От Ромула до наших дней»? Человек, получивший такое образование, не может иметь «свое суждение» и вынужден «без возражений спокойно выслушивать все, что говорится с престола или амвона».

Интересна большая статья «Российское провосудие и гласность». В ней говорится о расправе над крестьянами, участниками харьковских и полтавских беспорядков, о свирепой цензуре, о репрессиях по отношению к студентам. Между прочим, в этой статье приводится отрывок из цитированного выше письма русских литераторов по поводу избиения студентов 4 марта 1901 года (снова своеобразная «перекличка» журналов). «Окраина» помещает воззвание «Ко всем товарищам — учащимся школ выпуска 1902 года. (Перепечатано целиком из листка «Жизнь», 1902, № 6».). В воззвании высказывается твердое убеждение, что революция в России неизбежна.

«Товарищи! Великую историческую эпоху переживает теперь Россия. Она находится накануне тех великих событий, которые должны совершенно изменить ее государственный строй и преобразовать ее на совершенно новых началах»[1].

В воззвании снова резко критикуется вся система народного образования в России. Низшая школа отдана «в полную власть попов, воспитывающих деревню в преданности самодержавию». В средней школе много ненужного, мертвого. В изучении литературы «Данилы Заточники и монахи Сильвестры занимают места Чернышевского и Толстого». Учителя, за редким исключением, «либо царские холопы, помогающие жандармам и шпионам в их достойной деятельности, либо тупые, ограниченные люди 20-го числа». Высшие учебные заведения превращены в казармы. Безжалостно расправляются со студентами, применяя всевозможные наказания, начиная с исключения и кончая отдачей в солдаты и ссылкой в Сибирь». Здесь же и сообщение о том, что «в самое последнее время» студенчество «заявило о переходе студенческого движения с академической почвы на политическую. Таким образом, студенческое движение слилось с социал-демократическим рабочим движением в России, прямо направленным на низвержение существующего у нас политического строя»[2]. Далее в воззвании говорится об экономическом положении в стране, о росте рабочего движения, о репрессиях, тюрьмах и расстрелах. Выпускников средних учебных заведений приглашают принять участие в борьбе с самодержавием. Воззвание заканчивается призывом: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»[2].

В обоих сохранившихся выпусках «Окраины» помещен ряд стихотворений. Характерно, например, стихотворение «Братья, смелее!» за подписью Н. К. («Окраина», № 2, стр. 9). Оно полно предчувствием близкой революции:

Вспыхнет пожар недалекий кровавый.
Род палачей уничтожит лукавый.
Станет дышаться вольней.

В 4-м номере «Окраины» помещены «Письма социалиста»: «Письмо 1-е. Современный экономический строй», «Письмо 2-е. Социализм».

Очень интересная рубрика в обоих номерах журнала «Хроника». В ней сообщается о том, что «организовавшийся в Иркутске Комитет Сибирского Социал-Демократического Союза действует, по-видимому, весьма

[1] «Окраина», 1902, № 2, стр. 14.
[2] «Окраина», 1902, № 2, стр. 16.
[3] Там же, стр. 17.

энергично» и выпустил за последнее время ряд прокламаций. Подробно излагается содержание двух из них. Одновременно оживилась и деятельность сибирской жандармерии, произведены обыски в Красноярске, Иркутске, Нижнеудинске и Нижнеудинском уезде.

Интересны сведения о новых студенческих выступлениях в Томске, об удачных побегах политических заключенных. Перечислены фамилии лиц, находящихся в иркутском тюремном замке за политические преступления. Материал «хроники» разнообразен. Она разоблачает издевательства офицера Вставского над солдатами и мелочную злобную месть иркутского генерал-губернатора Пантелеева политическим заключенным. За то, что они в его присутствии надели шапки, им заменили место ссылки на Туруханский край, где условия были особенно тяжелыми.

«Окраина» резко выступает против постройки в Иркутске памятника Александру III, «царю-миротворцу, который 13 лет тормозил развитие России»:

> «...к чему этот монумент, когда город тонет в грязи, когда городу нужнее постоянная переправа через р. Ангару, нужнее школы, мостовые, освещение и пр., но только не памятник?»[1].

Не проходит «Окраина» и мимо такого, взволновавшего Иркутск события, как демонстрация в Общественном собрании во время лекции Кулябко-Корецкого о Парижской Коммуне. По поводу двух последних событий Иркутский комитет партии выпустил листовки. На события во время лекции Кулябко-Корецкого отозвалась и ленинская «Искра» № 34, от 15 февраля 1903 года[1].

Боевая злободневность и революционная направленность — отличительные черты журнала «Окраина». Он неизменно призывает своих молодых читателей к политической борьбе:

> «Многих энергичных борцов не станет. Ваш долг, наши читатели, пополнить поредевшие ряды, и если в вашем сердце есть святая ненависть к существующему строю, то идите к пролетариям, будьте в их рядах и боритесь под их красным знаменем»[2].

«Окраина» нередко ссылается на другие нелегальные издания: «Жизнь», «Освобождение», «Революционная Россия». Есть материал, переписанный из 31-го и 33-го номеров «Искры».

Рукописные журналы «Братство», «Забастовка», «Студент» и «Окраина» — интересные исторические документы. В дни празднования 50-летия Великой Октябрьской революции они вызывают к себе особенно большой интерес. В них слышится живой голос прошлого, тех лет, когда в России зрела первая революционная буря.

---

[1] «Окраина», 1903, № 4, стр. 25.

[1] Сибирские корреспонденции в ленинскую «Искру», Иркутск, 1951, стр. 56.

[2] «Окраина», 1903, № 4, стр. 20.

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПОЛСТОЛЕТИЕ ГОРОДА ИРКУТСКА

ЛЕТОПИСЬ БОРЬБЫ И ПОБЕД

1921 ГОД

17 апреля. В пединституте И. С. Кloже сделал доклад на тему «Краткий очерк истории народного образования в Иркутской губернии». Докладчик привел ряд красноречивых цифр. Так, например, за период с 1816 по 1850 год было открыто по губернии всего 3 школы; с 1850 по 1916 открыто 320 школ. К 1 января 1921 г. по губернии школ I ступени работает 1154. Содержание доклада более подробно излагалось в газете «Власть труда» 15 мая с. г.

6—14 апреля. Проходит 4-я губпартконференция. Конференцию приветствовали представители Китая, Кореи, Монголии. Обсуждались вопросы: 1) хозяйственное строительство в Иркутской губернии, 2) о работе отдела агитации и пропаганды; 3) о работе среди женщин; 4) о работе среди молодежи.

18 апреля. Открылся губернский съезд работников просвещения коммунистов. Обсуждались вопросы просвещения в губернии.

19 апреля. В военном театре собрались делегаты, прибывшие на Корейский съезд партии. Собравшимся была показана пьеса в 5 действиях — инсценировка эпизодов борьбы корейских партизан. С речью выступил председатель ЦК корейской компартии.

20 апреля. Состоялся Пленум вновь избранного горсовета. Обсуждались вопросы об очередных задачах горсовета. Председателем горисполкома избран Я. Шумяцкий.

21 апреля. Началась «Неделя рабоче-крестьянской инспекции». — Вышла однодневная газета Иркутский РКИ.

25 апреля. В Иркутске создан Центральный Комитет бурят-монголов Восточной Сибири.

1 мая. В городе проходило празднование 1 Мая. На площади была разыграна сцена борьбы рабочих с капиталом. После этого проводилось чествование героев труда.

В этот же день на стадионе Н. П. Охлопковым было поставлено массовое действие: «От Октября до наших дней».

4 мая. В Народном доме проходил учредительный съезд Корейской коммунистической партии. От имени секретариата III Коммунистического Интернационала выступил Я. Шумяцкий с докладом о задачах Корейской Коммунистической партии.

Съезд послал приветственную телеграмму В. И. Ленину, в которой говорилось: «Вождю мировой пролетарской революции тов. Ленину.

В Вашем лице Учредительный съезд Корейских оморганизаций, собравшийся в освобожденном русской революцией Красном Иркутске, шлет привет вождям мирового и русского пролетариата. Ваше дерзновение дало величайшие плоды. Ваши славные дела с молниеносной быстротой разнеслись по всем уголкам мира, заставили сердце всех обездоленных жителей Востока биться, зажгли их пламенем активной борьбы со своими угнетателями, вывели их на ближайший путь к неминуемой победе. Да здравствуют вожди мирового пролетариата и угнетенных народов Востока!».

На съезде с приветствиями выступили Н. А. Каландарашвили (от грузинских коммунистов), Мария Сахьянова (от бурятских коммунистов) и другие.

12 мая. Открылась I-я губернская конференция сельскохозяйственных коммун и артелей, которая продолжалась три дня.

15 мая. На заключительное заседании Учредительного съезда Корейской коммунистической партии зачитан, утвержден и торжественно подписан акт об учреждении единой Корейской Коммунистической партии.

— Советский драматический театр закончил свой сезон спектаклем «Горе от ума».

16 мая. В I-м Народном доме открылась 3-я Губернская конференция РКСМ, конференцию приветствовали от Сиббюро ЦК РКСМ, от Губкома РКП (Я. Шумяцкий), от Корейской секции Коминтерна (Нам Мон Чун).

25—26 мая. Ревтрибунал вел судебный процесс над роговской белобандитской организацией. Шайка была раскрыта губернской ЧК. Белогвардейцы ставили своей целью свержение Советской власти. Руководитель организации — Рогов, бывший офицер карательного отряда, находившегося под Усть-Кутом.

26 мая. «Власть труда» сообщает об открытии 2-й конференции колхозов Иркутской губернии. На 1 января 1921 г. в губернии насчитывалось 15 коллективных хозяйств, из них 4 коммуны. К настоящему времени насчитывается 22 коммуны, 10 артелей, 2 совхоза. В числе организаторов съезда видный большевистский деятель М. Ербанов.

27 мая. Н. А. Каландарашвили назначен командующим всеми военно-революционными корейскими силами на территории Дальнего Востока.

31 мая. «Власть труда» сообщает, что в Иркутске вышел первый номер журнала «Народы Дальнего Востока» — орган Дальневосточного секретариата III Коммунистического Интернационала. Журнал содержит ряд статей, знакомящих с революционным движением на Дальнем Востоке.

1 июня. Гуманитарный факультет Иркутского государственного университета преобразован в факультет общественных наук (ФОН) с отделениями: 1) экономическое, 2) правовое, 3) восточное отделение внешних сношений.

— Вышел из печати первый номер приложения к газете «Власть труда» — «Действия и распоряжения Советской власти». Приложение выходило до № 23.

4 июня. В городской публичной библиотеке праздновалось 60-летие ее существования.

21 июня. На агитпункте станции Иркутск состоялся митинг рабочих, приехавших из ДВР. Собравшиеся благодарили за теплую встречу, ко-

торую организовал для них Иркутский отдел труда. Приехавшие постановили: всем идти на работу по сплаву леса, работая по 12 часов в день, и ликвидировать прорыв на трудовом фронте.

30 июня. На углу Большой и Амурской (ныне К. Маркса и В. И. Ленина) Реввоенсовет 5-й Армии организовал витрину — выставку трофеев, захваченных в боях с бандитами барона Унгерна. Среди выставленных экспонатов — трехцветный старый флаг, знамя отряда Унгерна, тексты писем барона, запугивающего население приходом антихриста.

2 июля. Открылся 2-й губернский съезд профсоюзов. Съезд обсуждал вопросы хозяйственного строительства и увеличения производительных сил нашего края.

3 июля. В I-м Совнардоме состоялся праздник, посвященный II Конгрессу Интернационала молодежи.

— Открылся театр Революционной сатиры. Был дан концерт.

6 июля. На очередном заседании губернского экономического Совета (губэкосо) обсуждались вопросы: о постройке речного флота; о передаче жестяно-лудильного завода со всем оборудованием в распоряжение Рунвода, о состоянии золотопромышленности в Бодайбинском районе; о трудовой мобилизации.

10 июля. Постановлением Президиума Иргубсовнархоза в его непосредственном управлении оставлено 45 предприятий, где трудится 4839 рабочих.

14 июля. В Иркутске образован ЧОН — отряды частей особого назначения по борьбе с контрреволюцией, саботажем, с нарушителями общественного порядка.

25 июля. В I-м Нардоме делегат III Конгресса Коминтерна Борис Шумяцкий сделал доклад об итогах Конгресса.

27 июля. Организован губернский комитет помощи голодающим под председательством А. Шиханова. На первом его заседании обсуждались меры помощи беженцам, прибывающим из голодных губерний.

— «Власть труда» поместила статью А. Шиханова, озаглавленную «Урегулирование торговли». В ней автор писал: «Новая экономическая политика, допуская возможность участия частного капитала в деле восстановления народного хозяйства, в то же самое время ставит перед этим частным капиталом определенные условия, дающие возможность хозяйственным органам регулировать экономическую жизнь страны».

Тов. Шиханов в статье говорит об организации свободной торговли в Иркутске.

28 июля. На пленуме губернского Комитета РКП(б) обсуждались меры помощи 75 тысячам голодающих, которые должны прибыть в Иркутск.

31 июля. В Свердловском предместье открылись детские сады, один на Понтонной улице, второй — на Александровской.

1 августа. Вышел первый номер газеты «Иркутский рабочий» — орган Иркутского губпрофсовета. Газета выходила 1 раз в неделю.

— Иркутский губернский отдел народного образования (иргубоно) открыл в городе первый в Сибири детский дом глухонемых.

4 августа. «Власть труда» публикует статью А. Шиханова «Борьба с голодом». В статье сообщается, что в Иркутск пока прибыло три эшелона голодающих из Казанской губернии (около 2 тысяч человек). Статья призывает оказать помощь сбором продуктов, одежды, вещей, предоставлением жилища и т. д.

— «Власть труда» сообщает, что на Чикойском заводе была зверски замучена белобандитами барона Унгерна инструктор женотдела Соня Волкова, 18 лет, окончившая недавно Иркутскую партшколу Поарм 5.

5 августа. В газете «Власть труда» объявлен прием в Иркутский политехникум.

6 августа. В Маратовском предместье по Якутской улице в доме № 25 (ныне ул. Рабочего штаба в помещении, освобожденном от воинских частей, состоялось общее собрание рабочих предместья по вопросу организации рабочего Дворца.

12 августа. В Иркутске торжественно отмечается 3-я годовщина создания 5-й Армии.

В газете «Красный стрелок» — орган Политотдела 5-й Армии — напечатан отрывок из романа В. Зазубрина «Два мира». Подписан он был буквами «В. В.», с подзаголовком: «Отрывок из работы, готовящейся к печати». В сноске дано примечание: «Редакция помещает настоящий отрывок из большой работы одного из своих сотрудников, находя, что в годовщину 5-й Армии не лишне вспомнить и тех, кого разбила, уничтожила она своим победоносным натиском». Это было рождение первого советского романа, написанного В. Зазубриным в Иркутске.

15 августа. В Иркутском университете на этот день общее число студентов достигло 2012 человек. Из них на медицинском факультете числилось 659 студентов, на факультете общественных наук — 711, физико-математическом — 206, ветеринарном — 43, рабочем факультете — 403.

18 августа. Бывшее Трапезниковское училище (предместье Марата) реорганизовано в рабочий техникум, состоящий из дневной профтехшколы и дневного техникума для рабочих, занятых на производстве. Техникум имеет машиностроительное, деревообделочное, кожевенное и швейное отделения.

19 августа. Получено сообщение об аресте полковника Сипайло — непосредственного виновника казни 31 заложника на ледоколе «Ангара», позже ушедшего в отряд барона Унгерна. Арестованы в Хайларе также начштаба отряда барона Унгерна — Войцеховский и генерал Мациевский.

22 августа. Состоялось первое выступление участников областного агитпоезда, прибывшего в Иркутск. При агитпоезде имеются капелла Сибполитпросвета, оркестр, санитарная выставка и т. п.

26 августа. В газете «Красный стрелок» опубликован приказ командующего 5-й Армией с сообщением о взятии 21 августа в плен барона Унгерна фон Штернберга. О взятии в плен Унгерна сообщили В. И. Ленину. По этому поводу В. И. Ленин в телефонограмме членам Политбюро писал: «Советую обратить на это дело побольше внимания, добиться проверки солидности обвинения и в случае, если доказательность полнейшая, в чем по-видимому, нельзя сомневаться, то устроить публичный суд, провести его с максимальной скоростью и расстрелять».

28 августа. В Иркутске проходил общегородской воскресник. 65 процентов участников составляли коммунисты. Вышел специальный объединенный номер газеты «Иркутский рабочий» и «Власть труда» под названием «На помощь». Сбор от продажи газеты шел в пользу голодающих Поволжья.

В садах организованы народные гулянья, сбор от которых также поступает в пользу голодающих Поволжья.

1 сентября. В Иркутске и по губернии начался личный переучет членов РКП. Цель переучета — очищение рядов партии от чуждого элемента.

— По распоряжению центра произведено слияние института народного образования с госуниверситетом. Институт становится педагогическим факультетом Иркутского госуниверситета.

— Президиум ВЦИК постановил: «Признать необходимым выделение территории с бурятским населением в пределах РСФСР в автономную область. Поручить комиссии из представителей Наркомнаца, Наркомзема, Наркомвнутдела, Сибревкома определить границы Бурят-Монгольской автономной области и представить на утверждение Президиума ВЦИК».

4 сентября. Открылась выставка картин группы местных художников: Лебединского, Ладейщикова, Виноградова, Чистякова. Открыта также выставка художественной фотографии Евдокимова.

5 сентября. Президиум Иркутского губкома РКП вынес решение, по которому всем коммунистам Иркутской парторганизации предлагалось сдать в фонд помощи голодающим Поволжья все серебряные и золотые вещи за исключением вещей, полученных в награду за заслуги на трудовом или военном фронте пролетарской революции. Коммунисты горячо откликнулись на это предложение.

10 сентября. Установлено прямое телеграфное сообщение Иркутска с Якутском.

18 сентября. Получено сообщение, что барон Унгерн Сибирским ревтрибуналом приговорен к высшей мере наказания — к расстрелу.

23 сентября. На открытом заседании 5-й губпартконференции в городском театре выступил секретарь ЦК РКП Е. Ярославский с докладом о судебном процессе над бароном Унгерном.

24 сентября. Сибревкомом получена от В. И. Ленина телеграмма, в которой говорилось: «Несмотря на признание ударности за Лензолотом и напряжение всех усилий центральных органов обеспечить район при краткости навигации по Лене всем необходимым для производительной работы, вверенные вам органы не проявляют должной энергии и поддержки в этом деле. Так, опять сообщается, что Иргубисполком отдал распоряжение о выброске с судов грузов Лензолота, заключающихся в теплой прозодежде и технических материалах и вместо этого дал распоряжение о погрузке отряда Полонкина, едущего в Якутию. Выброшенным грузам грозит опасность замерзнуть в пути. Предлагаем немедленно принять меры к продвижению указанных грузов и привлечению виновных к ответственности».

В конце этой телеграммы Владимир Ильич сделал приписку: «Исполнение сообщите. В. И. Ленин».

...Е АЛЬМАНАХА „АНГАРА“
ЗА 1967 ГОД

... о награж-... на. № 6.

С. Н. Щетинин. Из речи на торжественном собрании, посвященном вручению ордена Ленина Иркутской области. № 6.

Ю. А. Кравченко. Из вступительного слова на открытии торжественного собрания, посвященного вручению ордена Ленина Иркутской области. № 6.

ПРОЗА

К 50-летию Советской власти. П. Петров. Кровь на мостовых. Повесть. № 1.

Валентина Марина. Павильон Раймонды. Повесть. № 1.

Валентин Распутин. Там, на краю оврага. Имена. Рассказы. № 1.

Борис Ротенфельд. Бревна. Рассказ. № 1.

Вячеслав Шугаев. Разлука. Повесть. № 2.

Ю. Буданцев. На улице, у реки — везде... (сказки старого Кибера). № 2.

Леонид Богданов. Лирические миниатюры. № 2.

А. Кошелев. Лето на Ушканьих островах. № 2.

Д. Милюков. Сарма. Повесть. № 3.

Анатолий Срывцев. Свидание. № 3.

Геннадий Машкин. В зоне вечной мерзлоты. Рассказ. № 3.

Юрий Скоп. Киноэтюды. № 3.

Борис Лапин. Дайна. Рассказ. № 3.

Валентин Распутин. Деньги для Марии. Повесть. № 4.

Борис Ротенфельд. Дон-Кихот. Рассказ. № 4.

Марк Сергеев. Постелите мне степь... (Этюд о поэзии). № 4.

Дм. Сергеев. Заповедник чувств. Фантастический рассказ. № 4.

Дм. Сергеев. Позади фронта. Повесть. № 5.

Ис. Гольдберг. Первая весть. (главы из повести о ссылке). № 5.

А. Гурулев. Ель. Тайга горит. Рассказы. № 5.

П. П. Петров. Крутые перевалы. Повесть. № 6.

Владимир Гусенков. Горные яблоки. Рассказ. № 6.

СТИХИ

Валерий Алексеев. Вечер поэзии в Вихоревке. — Коршуниха. № 1.

Лия Болдырева. Станция «Южная»... — Эта нежность... — Ты слыхал, как звенит тишина?.. — Предателей не прощают... № 1.

Вера Захарова. Я родилась случайно... — Пусть солнце ластится... — Зачем цветы от мира отгораживать... — Торжественность минующих минут... — Актеры, уходите!.. № 1.

Сергей Иоффе. Новые стихи. Я снова по свету кочую... — Отодвинул я беду мою... — Я трудно привыкаю к тишине... — Отгудел ночной теплоход... № 1.

Валерий Мисюркеев. Столбы. Хлеб. № 1.

Иннокентий Новокрещенных. Август... — Шумит река... — Годы ожиданий... № 1.

Иван Козлов. На север лебеди летели... — Гидрологу. — Мост. — Сага о топоре. № 2.

Елена Жилкина. Поезд как повесть. — На самой глубине осядут... — Нас постоянно обступают будни... № 2.

Евгений Варламов. Погорельцы. № 2.

Марк Сергеев. Заповедная земля. Цикл стихотворений. Байкал спит. — Первый снег. — Старое зимовье. — Эвенки. — В чуме. — Лайка. — Голомянка. № 3.

Евгений Субботин. А земля потихоньку крутится... — Козинский туннель... — Даже усталыми ночами... — Солнце. № 3.

Майя Борисова. Баллада о медвежьем сиротстве. № 4.

Лев Стекольников. В зимовейке. — Говорили так о лесорубе... — Казалось бы, что тут хорошего!.. — Берестяной ковш. № 4.

Зорий Яхнин. Не предаю таежный неуют... — Всего отпущено с лихвой... — Постарею, и станет понятно... По совести ль, по долгу... № 4.

Виктор Власенко. Маленькие басни. Очевидец. — Сердобольные. — Лягушка и карась. — Предел любви. — Пиит. № 4.

День поэзии

Н. Беляев. Памяти Марины Цветаевой. — В. Березин. В отдаленной галактике... — Е. Варламов. Осенний аэропорт. — Г. Граубин. Огонь раздора. — Л. Григорьева. Как это назвать... — Г. Демыкина. Чудо. — Е. Жилкина. Мой дом. — В. Захарова. Я знала: ты такой, как все... В небе облако. — С. Иоффе. Меня друзья не предавали... — В. Киселев. Признание. — А. Преловский. Гармония. — П. Реутский. Алдан. — В. Сажин. Камни. — М. Сергеев. Балясы. — В. Смирнов. Морское. — Р. Смирнов. Влюбленность. — Р. Солнцев. Баллада о красивых словах. — В. Соснора. Гори звезда моя... — Г. Соргонин. Ю. Озга-Михальский. Нашел бы я тебя... — А. Ольха. После разгрома. — Т. Ружевич. Среди многих занятий. № 5.

Марк Сергеев. Московский тракт. Торжественная поэма. № 6.

В. Алексеев. Путешествие из Петербурга в Ленинград. № 6.

НАШЕ РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРОШЛОЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. П. ПЕТРОВА

ИСКУССТВО

НАУКА

ГАЛЕРЕЯ «АНГАРЫ»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

В 1968 году в альманахе «Ангара» предполагается опубликовать повести Владимира Гусенкова «Семь дней романтики», Юлия Файбышенко «Любовь поручика Желдина», Геннадия Николаева «Трасса», Юрия Скопа «Бич», пьесу Василия Никонова «Товарищ Костюшко», рассказы Александра Алешкина, Альберта Гурулева, Глеба Пакулова, Николая Попова, Евгения Суворова, Николая Грешнова, Евгения Меньшикова.

В будущем году в альманахе вы прочтете новые стихи Юрия Левитанского, Георгия Граубина, Ростислава Филиппова, Марка Сергеева, Анатолия Преловского, Виктора Сосноры, Майи Борисовой, Елены Юдковской, Юния Гольдмана, Елены Жилкиной, Сергея Иоффе, Елизаветы Стюарт, Ильи Фонякова.

Под рубрикой «Из прошлого» альманах представит публикации Георгия Шелеста и Бориса Пастернака.

Свои новые произведения обещали альманаху Дмитрий Сергеев, Геннадий Донец, Валентин Распутин, Геннадий Машкин, Валентина Марина, Евгений Куренной, Григорий Кобяков, Евгений Раппопорт, Вячеслав Шугаев, Гавриил Кунгуров, Сергей Зарубин, Николай Дворниченко и другие авторы.

Редколегия альманаха „Ангара“.

АЛЬМАНАХ „АНГАРА“ №6

Художественный редактор А. И. Аносов
Техн. редактор А. В. Пономарева
Корректор Н. И. Рихванова

Сдано в набор 8 сентября 1967 г. Подписано в печать 17 ноября 1967 г. Печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 10,95. Бумага типографская № 2, формата 84×108 1/16. Тираж 3000. Заказ № 4850. НЕ 06147. Цена 40 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство,
г. Иркутск, ул. Горького, 36.
Тип. «Вост.-Сиб. правда».



40 коп.